

ISSN 2072-8557 (print)
ISSN 2310-6794 (online)

Вестник

МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия

Юриспруденция

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО В УСЛОВИЯХ
ИНФОРМАЦИОННОЙ (КИБЕРНЕТИЧЕСКОЙ)
ЦИВИЛИЗАЦИИ: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

ОРГАНЫ ГОСУДАРСТВА: КОНСТИТУЦИОННЫЕ
ВЕРСИИ ВЛАСТНОГО СОПРЯЖЕНИЯ

ПЕРЕХОДНОЕ ЭЛЕКТРОННОЕ ГОСУДАРСТВО
В УСЛОВИЯХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ
ИНФОРМАЦИОННОЙ (КИБЕРНЕТИЧЕСКОЙ)
ЦИВИЛИЗАЦИИ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

2019/ № 1

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2072-8557 (print)

2019 / № 1

ISSN 2310-6794 (online)

серия

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

«Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция» включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по следующим научным специальностям: 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве (юридические науки); 12.00.02 – Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право (юридические науки); 12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право (юридические науки); 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право (юридические науки).

The peer-reviewed journal was founded in 1998

«Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Jurisprudence» is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation into "the List of reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a PhD Candidate or Doctorate Degree" (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation) on the following scientific specialties: 12.00.01 – Theory and history of law and state; history of law and state doctrines (juridical sciences); 12.00.02 – Constitutional law, constitutional enforcement; municipal law (juridical sciences); 12.00.03 – Civil law, entrepreneurial law, family law; international law (juridical sciences); 12.00.08 – Criminal law and criminology; executive law (juridical sciences).

ISSN 2072-8557 (print)

2019 / № 1

ISSN 2310-6794 (online)

series

JURISPRUDENCE

BULLETIN OF THE MOSCOW REGION
STATE UNIVERSITY

Учредитель журнала «Вестник Московского государственного областного университета»:

Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области

Московский государственный областной университет

Выходит 4 раза в год

Редакционная коллегия серии «Юриспруденция»

Ответственный редактор серии:

Певцова Е. А. — д. ю. н., проф., почётный работник высшего профессионального образования РФ, заслуженный работник образования, проректор по научной работе МГОУ

Заместитель ответственного редактора:

Полянский П. Л. — д. ю. н., доц., МГУ им. М. В. Ломоносова

Ответственный секретарь:

Елисеева А. А. — к. ю. н., доц., Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина, адвокат Московской коллегии адвокатов

Члены редакционной коллегии:

Авакьян С. А. — д. ю. н., проф., заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации, МГУ им. М. В. Ломоносова;

Агнес Кристиан Шавес Фария Александровна Дыбова — PhD, проф., Папский католический университет (Рио-де-Жанейро, Бразилия);

Антонян Ю. М. — д. ю. н., проф., заслуженный деятель науки РФ, заслуженный работник МВД, МГОУ;

Арзамасов Ю. Г. — д. ю. н., проф., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»;

Гладких В. И. — д. ю. н., проф., заслуженный деятель науки и образования РАЕ, заслуженный юрист РФ, эксперт РАН, консультант Федерального Собрания РФ, МГУ им. М. В. Ломоносова;

Глотов С. А. — д. ю. н., проф., Международный юридический институт (г. Москва);

Гриненко А. В. — д. ю. н., проф., МГИМО (У) МИД России;

Коновалова И. А. — к. ю. н., доц., заведующая кафедрой уголовного права МГОУ;

Марченко М. Н. — д. ю. н., проф., почётный президент Ассоциации юридических вузов России, заслуженный деятель науки РФ, МГУ им. М. В. Ломоносова;

Микаэла Моравчикова — PhD, директор института юридического факультета, Трнавский университет (Трнава, Словакия);

Расолов И. М. — д. ю. н., проф., Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина;

Рахманова Е. Н. — д. ю. н., проф., заслуженный работник юстиции, Северо-западный филиал Российской академии правосудия (г. С.-Петербург);

Ручкина Г. Ф. — д. ю. н., проф., почётный работник высшего профессионального образования РФ, академик РАЕН, Финансовый университет при Правительстве РФ;

Савченко М. С. — д. ю. н., проф., член Экспертно-консультативного совета при комитете Законодательного собрания Краснодарского края, Кубанский государственный аграрный университет (г. Краснодар);

Сапогов В. М. — к. ю. н., доц., полковник юстиции, Псковский государственный университет;

Сафонов В. Е. — д. ю. н., проф., заслуженный юрист РФ, академик РАЕН, Российский государственный университет правосудия (г. Москва);

Черкасов К. В. — д. ю. н., проф., Нижегородский институт управления, филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ;

Хатчинсон Сэмюэль Кристоф — PhD, проф., Университет Сорбонны (Франция);

Химмельрайх Антье — PhD, Университет Регенсбурга (Германия)

ISSN 2072-8557 (print)

ISSN 2310-6794 (online)

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция» — печатное издание, в котором публикуются статьи российских и зарубежных учёных по гражданскому, предпринимательскому, семейному, международному, международному частному праву, уголовному праву и криминологии.

Журнал адресован преподавателям права, аспирантам, докторантам, работникам правоохранительных органов, судьям, юристам и всем интересующимся состоянием юридической науки.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС 77 - 73346.

Индекс серии «Юриспруденция» по Объединённому каталогу «Пресса России» 40735

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), с августа 2017 г. на платформе Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (<https://cyberleninka.ru>), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru).

При цитировании ссылки на конкретную серию «Вестника Московского государственного областного университета» обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. — 2019. — № 1. — 152 с.

© МГОУ, 2019.

© ИИУ МГОУ, 2019.

Адрес Отдела по изданию научного журнала «Вестник Московского государственного областного университета»

г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98

тел. (495) 723-56-31; (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: vest_mgou@mail.ru; сайт: www.vestnik-mgou.ru

Founder of journal «Bulletin of the Moscow Region State University»:
Moscow Region State University

Issued 4 times a year

Series editorial board
«Jurisprudence»

Editor-in-chief:

E.A. Pevtsova – Doctor of Juridical sciences, Professor, honorary worker of higher professional education of the Russian Federation, MRSU

Deputy editor-in-chief:

P.L. Polyanskiy – Doctor of Juridical sciences, Associate Professor, Lomonosov Moscow State University

Executive secretary of the series:

A.A. Eliseeva – PhD in Juridical sciences, Associate Professor, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

Members of Editorial Board:

S.A. Avakyan – Doctor of Juridical sciences, Professor, Lomonosov Moscow State University

Agnes Christian Chavez Faria Dybova – PhD, Professor, Pontifical Catholic University (Rio de Janeiro, Brazil)

Yu.M. Antonyan – Doctor of Juridical sciences, Professor, MRSU

Yu.G. Arzamasov – Doctor of Juridical sciences, Professor, National Research University “Higher School of Economics” (Moscow)

V.I. Gladikh – Doctor of Juridical sciences, Professor, Lomonosov Moscow State University

S.A. Glotov – Doctor of Juridical sciences, Professor, International Law Institute under the Ministry of justice of the Russian Federation

A.V. Grinenko – Doctor of Juridical sciences, Professor, MRSU

I.A. Konovalova – PhD in Juridical sciences, Associate Professor, MRSU

M.N. Marchenko – Doctor of Juridical sciences, Professor, Lomonosov Moscow State University

Mikaela Moravchikova – PhD, Professor, Trnava University in Trnava (Slovak Republic)

I.M. Rassolov – Doctor of Juridical sciences, Professor, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

E.N. Rakhmanova – Doctor of Juridical sciences, Professor, The Russian State University of Justice (North-West Branch, St. Petersburg)

G.F. Ruchkina – Doctor of Juridical sciences, Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow)

M.S. Savchenko – Doctor of Juridical sciences, Professor, Kuban State Agrarian University (Krasnodar)

V.M. Sapogov – PhD in Juridical sciences, Associate Professor, Pskov State University

V.E. Safonov – Doctor of Juridical sciences, Professor, The Federal State Budget-Funded Educational Institution of Higher Education «The Russian State University of Justice» (Moscow)

K.V. Cherkasov – PhD in Juridical sciences, Professor, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Branch: Nizhny Novgorod Institute of Management)

Hutchinson Samuel Christophe – PhD, Professor, University of the Sorbonne (France)

Himmelreich Antje – PhD, Professor, Regensburg University (Germany)

ISSN 2072-8557 (print)
ISSN 2310-6794 (online)

The reviewed scientific journal “Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Jurisprudence” is a printed edition that publishes articles of Russian and foreign scientists on civil, business, family, international law, international private law, criminal law and criminology.

The journal's target audience is teachers, postgraduates, PhD students, law enforcement authorities officers, judges, legal advisers and anyone interested in the state of legal science.

The series «Jurisprudence» of the Bulletin of the Moscow Region State University is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИ № ФС 77 - 73343.

Index series «Jurisprudence» according to the union catalog «Press of Russia» 40735

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), and from August 2017 on the platform of the Scientific Electronic Library “CyberLeninka” (<https://cyberleninka.ru>), as well as at the site of the Moscow Region State University (www.vestnik-mgou.ru)

At citing the reference to a particular series of «Bulletin of the Moscow Region State University» is obligatory. Scientific publication of materials is carried out in accordance with the license of Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author Manuscripts are not returned.

Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Jurisprudence. – 2019. – № 1. – 152 p.

© MRSU, 2019.

© Moscow Region State University Editorial Office, 2019.

The Editorial Board address:

Moscow Region State University

10A Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phones: (495) 723-56-31; (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: vest_mgou@mail.ru; site: www.vestnik-mgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I.

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОЙ (КИБЕРНЕТИЧЕСКОЙ) ЦИВИЛИЗАЦИИ: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

<i>Мархгейм М. В.</i> ОРГАНЫ ГОСУДАРСТВА: КОНСТИТУЦИОННЫЕ ВЕРСИИ ВЛАСТНОГО СОПРЯЖЕНИЯ	8
<i>Комаров С. А., Воробьев С. М.</i> ПЕРЕХОДНОЕ ЭЛЕКТРОННОЕ ГОСУДАРСТВО В УСЛОВИЯХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ (КИБЕРНЕТИЧЕСКОЙ) ЦИВИЛИЗАЦИИ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ	17
<i>Догадайло Е. Ю., Носов С. И., Чепунов О. И.</i> ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ	28

РАЗДЕЛ II.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА; ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

<i>Шагиева Р. В.</i> ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ОСНОВНЫХ ПОДХОДОВ К ЕЕ ПОНИМАНИЮ	39
<i>Чирич А.</i> ПРИНЦИП ДОБРОСОВЕСТНОСТИ В ПРИМЕНЕНИИ ИСТОЧНИКОВ ПРАВА (ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ НА ОСНОВЕ ПРАКТИКИ МЕЖДУНАРОДНОГО ТОРГОВОГО АРБИТРАЖА)	51
<i>Сапогов В. М., Леценко О. В.</i> РОЛЬ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ ФУНКЦИИ ПРАВА В ФОРМИРОВАНИИ ПРАВОСОЗНАНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПРАВОНАРУШИТЕЛЕЙ, ИЗОЛИРОВАННЫХ ОТ ОБЩЕСТВА	64
<i>Максимова О. Д.</i> ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА В СОЗДАНИИ СОВЕТСКОГО ПРАВА	72

РАЗДЕЛ III.

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО; КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС; МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

<i>Шидловский А. В.</i> КРУГ ВЫБОРНЫХ ОРГАНОВ И ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ В ШТАТАХ США В РАЗРЕЗЕ ФЕДЕРАТИВНОГО УСТРОЙСТВА ВЛАСТИ	82
<i>Давыдова М. Л., Боков Ю. А.</i> МНОГОНАЦИОНАЛЬНЫЙ НАРОД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК ИСТОЧНИК ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ СУБЪЕКТА РФ: ЗА И ПРОТИВ.....	101

РАЗДЕЛ IV.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО; СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

<i>Левушкин А. Н., Рахматуллин Т. Э.</i> ДОГОВОР НА РАСПРОСТРАНЕНИЕ РЕКЛАМЫ: ПРАВОВАЯ ПРИРОДА И ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ	112
<i>Куркина Н. В., Чаплин Н. Ю.</i> ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ НАРУШЕНИЯ ТРЕБОВАНИЙ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА К СОВЕРШЕНИЮ СДЕЛОК, ЗАКЛЮЧЕННЫХ КОРПОРАЦИЯМИ	122
<i>C. Youchinson.</i> THE CHALLENGES TO COMPETITION OF PRICE RESTRICTIONS IMPOSED BY MANUFACTURERS ON ONLINE RETAILERS.....	132

РАЗДЕЛ V.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

<i>Гаврилов Б. Я.</i> ДОСУДЕБНОЕ ПРОИЗВОДСТВО: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ.....	140
--	-----

CONTENTS

SECTION I.

STATE AND LAW IN INFORMATION (CYBERNETIC) CIVILIZATION: CURRENT THEORETICAL AND PRACTICAL ISSUES

<i>M. Markhheim.</i> STATE BODIES: THE CONSTITUTIONAL BASE OF INTERACTION	8
<i>S. Komarov, S. Vorobyev.</i> TRANSITIONAL CYBERNETIC STATE IN INFORMATION CIVILIZATION: THEORETICAL AND LEGAL STUDY	17
<i>E. Dogadailo, S. Nosov, O. Chipunov.</i> CURRENT PROBLEMS OF IMPROVING THE JUDICIAL SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION	28

SECTION II.

THE THEORY AND HISTORY OF LAW AND STATE, THE HISTORY OF DOCTRINES ON LAW AND STATE

<i>R. Shagieva.</i> LEGAL LIABILITY: THEORETICAL AND LEGAL UNDERSTANDING OF THE MAIN APPROACHES TO ITS INTERPRETATION	39
<i>A. Chirić.</i> THE PRINCIPLE OF GOOD FAITH IN DEALING WITH LEGAL SOURCES (THEORETICAL AND LEGAL STUDY BASED ON INTERNATIONAL TRADE ARBITRATION PRACTICE)	51
<i>V. Sapogov, O. Leschenko.</i> EDUCATIONAL FUNCTION OF LAW IN RAISING LEGAL AWARENESS OF JUVENILE OFFENDERS IN CONFINEMENT	64
<i>O. Maksimova.</i> THE ROLE OF SOCIOLOGICAL APPROACH IN SOVIET LAW FOUNDATION	72

SECTION III.

CONSTITUTIONAL LAW, CONSTITUTIONAL COURT PROCEEDING, MUNICIPAL LAW

<i>A. Szydłowski.</i> US ELECTORAL BODIES AND OFFICIALS WITHIN THE FRAMEWORK OF FEDERAL SYSTEM	83
<i>M. Davydova, Y. Bokov.</i> MULTINATIONAL PEOPLE OF THE RUSSIAN FEDERATION AS A SOURCE OF POWER OF THE SUBJECT OF THE RUSSIAN FEDERATION: PROS AND CONS	101

SECTION IV. CIVIL LAW, BUSINESS LAW, FAMILY LAW, INTERNATIONAL PRIVATE LAW

A. Levushkin, T. Rakhmatullin. ADVERTISING CONTRACT: LEGAL NATURE AND ENFORCEMENT	112
N. Kurkina, N. Chaplin. THE CONSEQUENCES OF CRIMINAL VIOLATION OF LEGAL REQUIREMENTS FOR CORPORATE TRANSACTIONS.....	122
C. Youchinson. THE CHALLENGES TO COMPETITION OF PRICE RESTRICTIONS IMPOSED BY MANUFACTURERS ON ONLINE RETAILERS	132

SECTION V. CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY, CRIMINAL EXECUTIVE LAW

B. Gavrilov. PRE-TRIAL PROCEDURE: PROBLEMS OF THEORY AND PRACTICE.....	140
--	-----

РАЗДЕЛ I. ГОСУДАРСТВО И ПРАВО В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОЙ (КИБЕРНЕТИЧЕСКОЙ) ЦИВИЛИЗАЦИИ: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

УДК 342.5

DOI: 10.18384/2310-6794-2019-1-8-16

ОРГАНЫ ГОСУДАРСТВА: КОНСТИТУЦИОННЫЕ ВЕРСИИ ВЛАСТНОГО СОПРЯЖЕНИЯ

Мархгейм М. В.

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет
308027, г. Белгород, ул. Победы, д. 85, к. 13, Российская Федерация*

Аннотация. В статье на основе анализа конституционных текстов России, стран Восточной Европы и федеративных государств Западной Европы систематизированы подходы властного сопряжения органов государства с учетом функциональной и уровневой конкретизации. В процессе исследования применены методы анализа, синтеза, юридической компаративистики. Автор приходит к выводу, что конституционная формализация совокупности органов российского государства осуществлена весьма сложно и вполне может быть отнесена к terra incognita Конституции. Раскрытие связанных с этим проблем требует дальнейших конституционных исследований и интерпретаций, способствующих формированию стройной терминологической матрицы органов российского государства. В данной работе отмечена лаконичность перечня конституционных названий органов государства. Обращено внимание на конституционные терминологические версии и властные сопряжения органов государства в России. Результаты исследования могут быть использованы в практике государственного строительства стран, а также в учебных пособиях, книгах для обучения и повышения квалификации специалистов в области конституционного права.

Ключевые слова: Конституция, государство, государственный орган, орган государственной власти, органы законодательной, исполнительной и судебной власти.

STATE BODIES: THE CONSTITUTIONAL BASE OF INTERACTION

M. Markhheim

Belgorod National Research University

85, bld. 13, Pobedy st., Belgorod, 308027, Russian Federation

Abstract. Based on the analysis of the constitutional texts of the Russian Federation, Eastern European states and Federal States of Western Europe, the article systematizes the approaches to state bodies interaction with regard to their function and level specification. The research methods include analysis, synthesis and legal comparative method. The author argues that the Russian Constitution formalization of the state bodies interaction is rather intricate and can be referred to as *terra incognita*, which requires further investigations resulting in a comprehensive terminological matrix of the Russian state bodies. The results of the research can be used in state building and legal training of experts in Constitutional Law.

Keywords: Constitution, state, state body, legislative, executive and judicial authorities.

Наука конституционного права, развивая соответствующие положения теоретико-правовой доктрины, продолжает плодотворно изучать государство и его атрибуты сквозь призму конституционной терминологии и основных тенденций конституционного развития в современном мире в контексте теории современной конституции и концепции сильного государства. [3; 4; 7; 8]. При наличии дискуссионных позиций конституционалисты выражают единодушие в отношении вывода, что все государства едины наличием такого атрибута, как государственные органы (органы государства), поддерживая вывод Г. Еллинека, что государство «без органов было бы неосуществимым на практике представлением» [2].

В отечественной юриспруденции в целом достигнута общность трактовки государственного органа в качестве организационно и структурно обособленной части государственного аппарата, что как устойчивый вывод отражено в учебных и справочных изданиях. В числе признаков государ-

ственного органа указывается наделение:

– «в установленном законодательством порядке полномочиями, правовыми и материально-финансовыми средствами для осуществления задач и функций государственной власти» [1, с. 394, 395];

– «государственно-властными полномочиями и (или) иными полномочиями осуществлять от имени государства его задачи и функции в законодательно установленных формах и порядке» [5, с. 322];

– «властными полномочиями и располагающих материально-техническими возможностями для осуществления определенных задач и функций государства»¹;

– «соответствующей компетенцией для осуществления определенной функции государства, имеющую в соответствии с законом собственную структуру ... и органически взаимо-

¹ Конституционное право России: энциклопедический словарь / под общ. ред. В. И. Червонюка. М.: Юридическая литература, 2002. С. 203.

действующую с другими частями государственного механизма»¹.

Наряду с приведёнными подходами в определение органа государства включается то, что он «создается и действует от имени государства – Российской Федерации или ее субъекта; действует на основе законов или других нормативных правовых актов; выполняет свойственные только ему задачи и функции; обладает собственной компетенцией; характеризуется организационной обособленностью и самостоятельностью; наделен властными полномочиями» [6, с. 367, 368].

В конституционно-правовой доктрине принято различать *государственные органы* и *органы государственной власти*, сопоставляя их как целое (общее) и часть (частное) по проверочному правилу «каждый орган государственной власти есть государственный орган, но не каждый государственный орган является органом государственной власти». Принципиальное отличие последнего состоит в обладании им государственно-властными полномочиями, направленными за пределы собственной организации в форме нормативно-правового акта. В частности, органы государственной власти Российской Федерации можно определить как «созданные в установленном порядке властные структуры для осуществления функций государства, ... наделены государственно-властными полномочиями, образуются и действуют в соответствующем порядке ... занимают свое место в едином государственном механизме»².

¹ Головистикова А. Н., Грудцына Л. Ю. Толковый словарь юридических терминов. М.: Эксмо, 2008. С. 233.

² Мархгейм М. В., Смоленский М. Б., Яценко И. С. Конституция Российской Федерации: научно-практический словарь. М., 2001. С. 154, 155.

Помимо доктринальных обоснований доводы в пользу нетождественности государственных органов и органов государственной власти наличествуют и в законодательных актах.

Так, в федеральном законе № 196-ФЗ «О парламентском расследовании Федерального Собрания Российской Федерации»³ в число его целей включено «обеспечение палатами ... контроля деятельности ... исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации, государственных органов, не являющихся органами государственной власти...».

В ст. 9.1 закона № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации»⁴, определяющей правила проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов, установлено, что прокурор осуществляет её в отношении нормативных правовых актов «федеральных органов исполнительной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, иных государственных органов...» (ч. 1), что иллюстрирует законодательную формализацию государственного органа как более общего по отношению к органу государственной власти.

Признание органа государства его атрибутом не означает единообразия их конституционного каталога, струк-

³ Федеральный закон от 27.12.2005 № 196-ФЗ «О парламентском расследовании Федерального Собрания Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <https://fzrf.su/zakon/o-parlamentskom-rassledovanii-196-fz> (дата обращения: 03.03.2019).

⁴ Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <https://fzrf.su/zakon/o-prokurature-2202-1> (дата обращения: 03.03.2019).

туры, порядка взаимоотношений, а также наименования. В конституционном праве каждого государства, как отмечает В. Е. Чиркин, они названы и классифицированы по ветвям государственной власти или остаются вне её как несистемные [8, с. 243].

Подтверждение этому обнаруживается в конституционных положениях различных государств, в частности восточноевропейских. Анализ конституционных текстов показал, что в них упоминаются:

- *государственные органы* (например, ст. 25 Конституции Болгарии, ст. II (3) Конституции Боснии и Герцеговины, ст. А (3) Конституции Венгрии, ст. 24 и 72 Конституции Македонии, п. 3 ст. 20 Конституции Эстонии);

- *государственные органы и органы государственной власти* (например, ст. 6 и 15 Конституции Албании, ст. 26 и 94 Конституции Хорватии);

- *органы власти и государственные органы* (например, ст. 6 и ч. 1 ст. 41 Конституции Кипра);

- *государственные органы и органы публичной власти* (например, ч. 2 ст. 2 и ч. 5 ст. 26 Конституции Словакии, ст. 62 Конституции Словении).

Так, в конституционных текстах формализованы, с одной стороны, варианты наименований базовых элементов государственного механизма, с другой, – различия государственных органов и органов государственной власти. С учетом принципа функционального разделения государственной власти реализующие ее органы получают дополнительную конституционную характеристику в качестве, например, законодательного, исполнительного или судебного.

В конституционных актах федеративных государств Западной Европы упоминаются органы, например, «верховные» (ст. 5 Конституции Австрии); «государственной власти», «федеральные» и «региональные» (ст. 30, ст. 35 и ст. 115 Конституции Бельгии); «специальный орган законодательства, исполнительной власти и правосудия», «верховный федеральный» (ст. 20 и ст. 93 Конституции Германии); «государственные» (ч. 3 ст. 5 Конституции Швейцарии). Приведенные конституционные подходы в очередной раз подчеркивают суверенный выбор любого государства в базовом перечне наименований своих органов.

Конституция Российской Федерации¹ располагает лаконичным базовым перечнем органов государства: «органы государственной власти» (ч. 2 ст. 3, ч. 2 ст. 15, ч. 2 ст. 24, ч. 2 ст. 32, ч. 2 ст. 40, ч. 2 ст. 46, ч. 2 ст. 80, ст. 133 и др.), «государственные органы» (ст. 33) и «орган» (ч. 1 ст. 99). Последующая уровневая и функциональная конкретизация органов государства демонстрирует не только разнообразие, но и непоследовательность. Это можно интерпретировать и как огрехи юридической техники, и как «манок» для исследователей обратить дополнительное внимание на конституционные версии определения органов российского государства.

Так, уровневая конкретизация органов российского государства обусловлена его федеративным устройством. При этом здесь превалируют

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 5.02.2014 № 2-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 9. Ст. 851.

формулировки их как органов государственной власти России.

Анализ конституционных положений позволил выявить:

– «федеральные органы государственной власти» (п. «г» ст. 71, п. «а» ч. 1 ст. 125),

– «органы государственной власти субъектов Российской Федерации» (ч. 3 ст. 11, ч. 2 ст. 85, п. «б» ч. 2 ст. 125, п. «б» ч. 3 ст. 125),

– «высшие государственные органы субъектов Российской Федерации» (п. «в» ч. 3 ст. 125),

– «органы государственной власти Российской Федерации» (ч. 3 ст. 5, ч. 3 ст. 11, ч. 1 ст. 85, п. «б» ч. 2 ст. 125, п. «б» ч. 3 ст. 125).

Это закономерно вызывает вопрос: в чём принципиальное отличие федеральных органов государственной власти от органов государственной власти Российской Федерации? Предположим, что под ними подразумевается одна и та же совокупность органов, изложенная в ч. 1 ст. 11 Конституции РФ. А если так, предпочтительнее придерживаться того варианта, который использован в качестве основы конституционного строя, а именно – органы государственной власти Российской Федерации.

Считаем необходимым обратить внимание и на соотношение органов субъектов Российской Федерации – органов государственной власти и высших государственных органов. По логике, в системе органов государственной власти данного уровня наличествуют и «высшие». Однако на основе сделанного ранее умозаключения – государственные органы выступают целым по отношению к органам

государственной власти – получается противоположный вывод.

Такая логическая нестыковка в определённой мере нивелирована федеральным законом № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»¹, где характеристика «высший» отнесена к исполнительному органу государственной власти субъекта РФ (ст. 2). При этом в законе предварительно сделано терминологическое уточнение, что «исполнительные органы государственной власти» и «органы исполнительной власти» субъекта Российской Федерации используются в одном значении. Возникает вопрос: какую регулятивную задачу решает введение синонимов в текст закона? Пока очевидна только одна: «поддержать» конституционно формализованную терминологию.

В Конституции России содержится также косвенное определение органа Российской Федерации в качестве органа государственной власти. Это касается Центрального банка РФ, который действует «независимо от других органов государственной власти» (ч. 2 ст. 75), осуществляя свою основную функцию. В федеральном законе № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации»² осуществлена конкре-

¹ Федеральный закон 06.10.1999 № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации», от ст. 26.4 [Электронный ресурс]. URL: <https://fzrf.su/zakon/organizaciya-ispolnitelnoj-i-zakonodatelnoj-vlasti-184-fz/st-26.4.php> (дата обращения: 03.03.2019).

² Федеральный закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ (ред. от 27.12.2018) «О Центральном бан-

тизация конституционной нормы, но также без прямого указания на то, что Банк России есть орган государственной власти: он осуществляет свои функции и полномочия «независимо от других федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации...». При этом в числе органов, осуществляющих государственную власть в России (ч. 1 ст. 11), Центральный банк не значится.

Аналогичный косвенный подход в характеристике органа государства наличествует в ч. 2 ст. 21 Закона о прокуратуре¹. Так, органы прокуратуры при осуществлении надзора за исполнением законов «не подменяют иные государственные органы». Такая законодательная формулировка дает основания отнести органы прокуратуры к государственным органам.

Функциональная конкретизация органов российского государства в конституционном тексте осуществлена еще более замысловато. При том, что исходная конституционная норма ст. 10 прямо указывает на «органы законодательной, исполнительной и судебной власти», тем не менее властный характер законодательных органов в посвященной им главе Конституции размывается. Так, Федеральное Собрание (Совет Федерации и Государственная Дума), названное в числе субъектов, осуществляющих

государственную власть (ч. 1 ст. 11), в дальнейшем определено в качестве законодательного и представительного (ст. 94) и постоянно действующего (ч. 1 ст. 99) органа Российской Федерации, а не органа государственной власти РФ или органа, осуществляющего власть, каковым, например, определено Правительство (ч. 1 ст. 110). Вместе с тем в п. «г» ст. 71 Конституции России указываются «федеральные органы законодательной власти» (видимо, имеются в виду Совет Федерации и Государственная Дума в отдельности, иначе откуда множественное число?), в ч. 1 ст. 77 – «представительные и исполнительные органы государственной власти», а в ч. 2 ст. 97 – «представительный орган государственной власти». В двух последних случаях почему-то потеряна базовая (законодательная) характеристика. Возможно, эти наименования ориентированы на перспективу, и в рамках действующей российской Конституции предполагается создание отличных от законодательных представительных органов.

Согласно ч. 2 ст. 11 Конституции России, государственную власть (законодательную, исполнительную и судебную) в субъектах РФ осуществляют создаваемые ими органы. Это отправное конституционное положение получило разнообразное выражение в иных статьях.

Анализ конституционных норм показал ряд вариантов формализации органов субъекта Российской Федерации:

– законодательный (представительный) (ч. 2 ст. 66, ч. 1 ст. 104, ст. 134);

ке Российской Федерации (Банке России)» [Электронный ресурс]. URL: <https://fzrf.su/zakon/o-centralnom-banke-86-fz> (дата обращения: 03.03.2019).

¹ Федеральный закон от 17.01.1992 N 2202-1 (ред. от 27.12.2018) «О прокуратуре Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <https://fzrf.su/zakon/o-prokurature-2202-1> (дата обращения: 03.03.2019).

– законодательные органы автономной области, автономного округа (ч. 3 ст. 66),

– законодательный (представительный) орган государственной власти субъекта Российской Федерации (ч. 2 ст. 95),

– органы законодательной власти субъектов Российской Федерации (ч. 2 и ч. 5 ст. 125, ст. 136).

Конституционная вариативность характеристики законодательных (представительных) органов субъектов РФ своеобразно представлена в ч. 1 ст. 21 закона о прокуратуре, где предметом надзора указано соблюдение Конституции РФ и исполнение российских законов «представительными (законодательными) ... органами государственной власти субъектов Российской Федерации». Можно, конечно, попытаться объяснить такое смещение акцентов содержательными нюансами или технико-юридическими огрехами. Однако – с конституционных позиций это очевидная терминологическая невыдержанность.

Смысл такого «разнобразия» постичь не просто, если только не связать это с известным тезисом, что гуманитарные науки, к каковым определённо относится юриспруденция, «прирастают интерпретациями». Можно предположить, что резоны этой неопределённости будут найдены в перспективе.

Исполнительная функциональная ветвь государственной власти в организационном выражении также не отличается единообразием. При этом в подавляющем большинстве конституционных формулировок наличествует выраженное властное сопряжение: «федеральные органы исполнительной власти» (п. «г» ст. 71, ч. 2 ст. 77, ч. 1 и 2 ст. 78,

ч. 1 ст. 112), «исполнительные органы государственной власти» (ч. 1 ст. 77), «органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации» (ч. 2 ст. 77, ч. 3 ст. 78, ч. 2 ст. 85, ч. 2 ст. 125). И только единожды «исполнительные органы автономной области, автономного округа» (ч. 3 ст. 66) указаны вне властного контекста. Полагаем, это можно использовать в качестве дополнительного аргумента в пользу того, что исполнительная власть по масштабу своих организационных, материальных, финансовых, кадровых и иных ресурсов приобретает всё большие властные позиции по сравнению с законодательной и судебной.

«Органы судебной власти» (ст. 10) и «суды Российской Федерации» (ч. 1 ст. 11) конституционно включены в число субъектов, осуществляющих государственную власть. Они получили дополнительную «властную» поддержку с наименованием главы «Судебная власть...». В конституционном тексте названы «федеральные органы судебной власти» (п. «г» ст. 71), «суд» (ч. 1 ст. 118, ч. 2 ст. 120 и др.) и «высший судебный орган» (ст. 126). В данном случае следует отметить чёткость конституционных формулировок, касающихся органов Российской Федерации, осуществляющих правосудие.

Подытоживая, отметим, что конституционная формализация совокупности органов российского государства осуществлена весьма затейливо и вполне может быть отнесена к *terra incognita* нашей Конституции. Раскрытие связанных с этим проблем требует дальнейших конституционных исследований и интерпретаций, которые будут способствовать формированию стройной терминологической матрицы органов российского государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Витрук Н. В. Конституционное право Российской Федерации: учеб. М.: Норма, 2010. 656 с.
2. Еллинек Г. Общее учение о государстве. СПб, 1908. 626 с.
3. Енгибарян Р. В. Конституционное развитие в современном мире. Основные тенденции. М.: Норма: Инфра-М, 2016. 496 с.
4. Керимов А. Д., Куксин И. Н. Сильное государство как определяющий фактор общественного прогресса. М.: Норма: Инфра-М, 2018. 96 с.
5. Конституционное право: учеб. / отв. ред. В. И. Фадеев. М.: Норма: Инфра-М, 2015. 272 с.
6. Смоленский М. Б., Мархгейм М. В., Тонков Е. Е. Конституционное право России. Ростов-на-Дону: Феникс, 2007. 445 с.
7. Хабриева Т. Я., Чиркин В. Е. Теория современной конституции. М.: Норма, 2007. 320 с.
8. Чиркин В. Е. Конституционная терминология. М.: Норма: Инфра-М, 2013. 272 с.

REFERENCES

1. Vitruk N. V. *Konstitutsionnoe pravo Rossiiskoi Federatsii* [Constitutional Law of the Russian Federation: A Textbook]. Moscow, Norma Publ., 2010. 656 p.
2. Ellinek G. *Obshchee uchenie o gosudarstve* [General Theory of State]. St. Petersburg, 1908. 626 p.
3. Engibaryan R. V. *Konstitutsionnoe razvitie v sovremennom mire. Osnovnye tendentsii* [Constitutional Development in the Modern World. The Main Trends]. Moscow, Norma, Infra-M Publ., 2016. 496 p.
4. Kerimov A. D., Kuskun I. N. *Silnoe gosudarstvo kak opredelyayushchii faktor obshchestvennogo progressa* [Strong State as a Determining Factor of Social Progress]. Moscow, Norma, Infra-M Publ., 2018. 96 p.
5. Fadeev V. I. *Konstitutsionnoe pravo* [Constitutional Law]. Moscow, Norma, Infra-M Publ., 2015. 272 p.
6. Smolensky M. B., Markhgeim M. V., Tonkov E. E. *Konstitutsionnoe pravo Rossii* [Constitutional Law of Russia]. Rostov-on-don, Feniks Publ., 2007. 445 p.
7. Khabrieva T. Y., Chirkin V. E. *Teoriya sovremennoi konstitutsii* [The Theory of Contemporary Constitution]. Moscow, Norma Publ., 2007. 320 p.
8. Chirkin V. E. *Konstitutsionnaya terminologiya* [Constitutional Terminology]. Moscow, Norma, Infra-M Publ., 2013. 272 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мархгейм Марина Васильевна – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой конституционного и международного права юридического института Белгородского государственного национального исследовательского университета;
e-mail: markheim@bsu.edu.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Marina V. Markhheim – Doctor of Law, professor, head at the Department of Constitutional and International Law, Institute of Law, Belgorod National Research University
e-mail: markheim@bsu.edu.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Мархгейм М. В. Органы государства: конституционные версии властного со-
пряжения // Вестник Московского государственного областного университета.
Серия: Юриспруденция. 2019. № 1. С. 8–16.
DOI: 10.18384/2310-6794-2019-1-8-16

FOR CITATION

Markhheim M. V. State Bodies: The Constitutional Base of Interaction. In: Bulletin of
Moscow Region State University. Series: Jurisprudence, 2019, no. 1, pp. 8–16.
DOI: 10.18384/2310-6794-2019-1-8-16

УДК 340.1

DOI: 10.18384/2310-6794-2019-1-17-27

ПЕРЕХОДНОЕ ЭЛЕКТРОННОЕ ГОСУДАРСТВО В УСЛОВИЯХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ (КИБЕРНЕТИЧЕСКОЙ) ЦИВИЛИЗАЦИИ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Комаров С. А.¹, Воробьев С. М.²

¹Юридический институт

199106, г. Санкт-Петербург, ул. Гаванская, д. 3, Российская Федерация

²Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний

390000, г. Рязань, ул. Сенная, д. 1, Российская Федерация

Аннотация. В статье содержится анализ основных идей относительно информационной (кибернетической) цивилизации, места и роли в ней переходного электронного государства. Предлагается гипотеза, что современные развитые государства находятся в переходном состоянии на пути создания и функционирования полноправного электронного государства, наблюдается формирование «цифрового неравенства», не исключаются возможности использования технологий будущего на уровне управления глобальным информационным обществом. Устойчивая тенденция киберсоциализации населения, диктующей свои правила, порой опасные для жизни человека и общества, с необходимостью приведёт к установлению определённой зависимости населения, в определённой степени к самоуничтожению человека как разумного существа. Поэтому информационная политика государства должна быть направлена на сохранение и обеспечение нравственных ценностей в информационном пространстве.

Ключевые слова: цивилизация, электронное государство, глобализация, электронное правительство, информационная политика.

TRANSITIONAL CYBERNETIC STATE IN INFORMATION CIVILIZATION: THEORETICAL AND LEGAL STUDY

S. Komarov¹, S. Vorobyev²

¹Law Institute (St. Petersburg)

3, Gavanskaya st., St. Petersburg, 199106, Russian Federation

²Academy of Law Management of the Federal Penal Service of Russia

1, Sennaya st., Ryazan, 390000, Russian Federation

Abstract. The article contains the analysis of the main ideas concerning information civilization, the place and role of the transitional cybernetic state in it. The hypothesis is advanced that modern developed nations are in a transitional state on the way to the creation and functioning of a full-fledged cybernetic state. The formation of “digital inequality” is observed, the possibility of using the technologies of the future at the level of management of the global information society is not excluded. The steady trend of cyber-socialization of the population, dictating its own

rules, sometimes dangerous to human life and society, will necessarily lead to the establishment of a certain dependence of the population, self-destruction of man as a reasonable being. Therefore, the information policy of the state should be aimed at preservation and maintenance of moral values in the information space.

Keywords: civilization, cybernetic state, globalization, e-government, information policy.

Информационные технологии являются «двигателем» развития современных государства и общества. Темпы и рост внедрения информационных и наукоёмких технологий позволяют нам говорить о тенденции движения к информационной (кибернетической) цивилизации¹.

Современный человек в ней является эпицентром воздействия и до определённого времени будет способен вмешиваться в ход её развития. Вполне возможно, что в будущем фантастические мифы об эре роботов, войне человечества с машинами могут стать реальностью, – система информационного управления может выйти из-под контроля людей. Государства будут подчинены искусственному разуму, их функции могут стать второстепенными. Приведённые нами пока ещё фантастические примеры не случайны, поскольку складывающиеся тенденции с ростом информационных и наукоёмких технологий заставляют с настороженностью размышлять об этом. «Вместе с тем необходимо осознать и то, что информационные технологии используются для скрытого получения информации, мошеннических и иных преступных действий в отношении физических и юридических лиц (например, снятие денег с банковского счета), так и противодействия право-

охранительным органам. Поэтому на сегодняшний день информационные ресурсы характеризуют потенциальные возможности страны, а именно экономические, политические, социальные, собственно информационные возможности, по их совокупной массе можно судить о мощности развития страны» [3; 4].

В данной статье предпринята попытка научно осмыслить использование технократии как способа управления в условиях функционирования переходного электронного государства с учётом развития информационной (кибернетической) цивилизации. В соответствии с нашей гипотезой современные развитые государства находятся в переходном состоянии на пути создания и функционирования полноправного электронного государства. Свидетельством этому являются создание и обеспечение информационных систем государственного управления, таких как электронное государство, электронное правительство, цифровая экономика, электронное правосудие, электронные государственные услуги. По данным Росстата за 2017 г., на территории России 46,58 млн. человек в возрасте от 15 до 72 лет получили государственные и муниципальные услуги онлайн; 83,13 млн. человек от 15 до 74 лет активно используют интернет (из них 65,32 млн проживают в городе, а 17,81 млн. – в сельской местности)².

¹ Декларация принципов. Построение информационного общества – глобальная задача в новом тысячелетии [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/ru/events/pastevents/pdf/dec_wsis.pdf (дата обращения: 06.02.2019).

² Форма федерального статистического наблюдения № 1-ИТ «Анкета выборочного обследо-

Переходные состояния современных государств имеют ряд отличительных характеристик: явления и процессы в настоящее время имеют не локальный, как это было раньше, а глобальный характер; характерен учёт не отдельно политических или социально-экономических изменений, а их совокупности; в обществе создаются объективные предпосылки для выработки новых нравственных норм; возрастают возможности активного вмешательства человека в ход преобразовательских процессов [6].

К переходным состояниям современных государств на пути к построению информационного общества будут весьма уместны и адаптированы обозначенные выше характеристики переходных процессов. Во-первых, построение информационного общества носит глобальный (мировой) характер и связано с функционированием информационной (кибернетической) цивилизации. Во-вторых, функционирование информационного общества в рамках государства зависит от политической воли государственной власти, социально-экономических показателей развития государства, использования и выработки норм по киберэтике и информационной этике. В-третьих, активное вмешательство человека в информационные процессы, влияющие на политическую обстановку.

Интенсивное использование информационных и телекоммуникационных технологий и информационно-телекоммуникационных сетей // Федеральная служба государственной статистики [сайт]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/it/fed_nabl-croc/index.HTML (дата обращения: 14.02.2019).

новых технологий гражданами, бизнесом и органами государственной власти затронуло способы организации интеракций между этими субъектами и привело к формированию новой концепции государства – электронного. Электронное государство опирается на новые принципы взаимодействия государства и личности, а также между элементами государственной системы; его дальнейшая эволюция предполагает пристальное внимание к технологическому прогрессу, к порождаемым им новым формам общественных отношений [8]. Обеспечение этих систем возможно посредством функционирования информационно-коммуникационных технологий, связанных с информационным правом, безопасностью государства и деятельностью вспомогательных органов управления.

Так, в соответствии с постановлением Правительства «О системе управления реализацией программы «Цифровая экономика Российской Федерации»¹ были созданы «Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации» для обеспечения электронного взаимодействия участников программы и Совет по развитию цифровой экономики при Совете Федерации².

¹ Постановление Правительства Российской Федерации от 28.08.2017 № 1030 «О системе управления реализацией программы “Цифровая экономика Российской Федерации” // Правительство России: [сайт]. URL: <http://www.government.ru/docs/29003> (дата обращения: 06.02.2019).

² Решение председателя Совета по развитию цифровой экономики при Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://council.gov.ru/media/files/AAdupTHJydcNNLnALthAVH oDvUAIWBpb.pdf> (дата обращения: 06.02.2019).

Следует отметить, что электронные интерпретации государственных сфер деятельности и институтов выполняют роль государственной надстройки в силу их формирования и развития, с одной стороны, а с другой, регулятора на законной основе отдельных сфер общественных отношений (экономика, медицина, образование, правосудие, экология и др.). В результате мы наблюдаем сближение (сращивание) традиционного облика государства и его институтов с электронными версиями последних. Электронные интерпретации государственных институтов являются зеркальным отражением проводимой международной и государственной политики, которые в нынешних условиях выполняют в большей степени вспомогательную роль.

Сегодня нельзя с полной уверенностью говорить о том, что когда-нибудь электронные аналоги полностью заменят все функции государства и его институты. Однако тенденция развития альтернативы традиционным государственным институтам имеется. Масштабы распространения государственных аналоговых институтов будут зависеть от уровня разрыва государства с наукоёмкими информационными технологиями, что, в свою очередь, находится в прямой зависимости от состояния их исторического развития, экономики и проводимой правовой политики.

Глобальное развитие информационно-телекоммуникационных технологий свидетельствует о всё большей заинтересованности международного сообщества в преодолении различных проблем в данной сфере и осуществлении мировой информационной политики. Так, в июле 2000 г. главами

государств и правительств «Группы восьми» была принята Окинавская хартия¹, в которой информационно-коммуникационные технологии выступили одним из наиболее важных факторов, влияющих на формирование общества XXI в. В документе определены основные стратегические направления по развитию глобального информационного общества и особое внимание уделено укреплению человеческого потенциала в сфере развития информационных технологий.

В Декларации принципов² также заявлено о стремлении и решимости построить информационное общество, открытое для всех и ориентированное на интересы людей, в котором каждый мог бы создавать информацию и знания, иметь к ним доступ, пользоваться и обмениваться ими, с тем, чтобы дать отдельным лицам, общинам и народам возможность в полной мере реализовать свой потенциал, содействуя своему устойчивому развитию, повышая качество своей жизни на основе целей и принципов Устава ООН, соблюдая в полном объёме и поддерживая Всеобщую декларацию прав человека.

На эти обстоятельства неоднократно обращалось внимание в итоговых документах Всемирных встреч на высшем уровне по вопросам информационного общества³.

¹ Окинавская хартия глобального информационного общества // Президент России: [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3170> (дата обращения: 06.02.2019).

² Декларация принципов. Построение информационного общества – глобальная задача в новом тысячелетии [Электронный ресурс] URL: http://www.un.org/ru/events/pastevents/pdf/dec_wsis.pdf (дата обращения: 06.02.2019).

³ Всемирная встреча на высшем уровне по вопросам информационного общества // Конференции, заседания, мероприятия: [сайт]

С 1998 г. ЮНЕСКО разрабатывала систему мониторинга сайтов (Observatory on the Information Society, *рус.*: «Обсерватория информационного общества») по проблематике защиты тайны личной жизни и обеспечения конфиденциальности в киберпространстве, противодействия пропаганде вражды и насилия в киберпространстве, доступа к информации, являющейся общественным достоянием, электронной коммерции. В 2009 г. был открыт новый аналогичный проект ЮНЕСКО – «Информация для всех»¹.

В России в апреле 2015 г. Рособрнадзор запустил портал «Карта вузов», на котором размещается информация о наличии или отсутствии лицензии, аккредитации, приёме абитуриентов. Актуализация портала осуществляется ежедневно. Была введена в строй и система «Мониторинг», с помощью которой осуществляется удалённый контроль за соблюдением российскими вузами требований к информации, размещаемой на их официальных сайтах. Вузы через свои личные кабинеты имеют возможность протестировать свои сайты, оперативно внести необходимые дополнения и исправления, что существенно расширяет их деятельность в информационном пространстве.

По данным отчёта Международного союза электросвязи (МСЭ), за 2017 г.², происходящий прогресс в об-

ластях интернета вещей, анализа больших данных, облачных вычислений и искусственного интеллекта делает возможными гигантские инновации и коренным образом преобразует хозяйственную деятельность, государственное управление и общество в следующие десятилетия. Для использования этих преимуществ странам потребуется создать условия, способствующие развёртыванию инфраструктур сетей и услуг последующих поколений. Придётся также принять направления политики, содействующие экспериментаторству и инновациям, смягчая при этом последствия возможных рисков для информационной безопасности, конфиденциальности и занятости.

Любая цивилизация имеет свой «расцвет» и «закат». Стадии развития цивилизаций зависят от всевозможных факторов, непосредственно предопределяющих их дальнейшую судьбу. Среди них можно выделить географический, социальный, военный, экономический, информационный, производственный и другие факторы. Системообразующим и предопределяющим фактором развития современной цивилизации является человеческий ресурс, потому как именно от массового сознания и поведения людей будет зависеть прогресс или регресс цивилизации. Наличие и взаимосвязь этих факторов предопределяют условия развития кибернетической цивилизации.

По мнению автора цивилизационной теории А. Тойнби [9], цивилизации, казалось бы, растут благодаря прорыву (*elan*), который влечёт их от

URL: <http://www.un.org/ru/events/pastevents/wsis.shtml> (дата обращения: 06.02.2019).

¹ Программа ЮНЕСКО «Информация для всех»: отчет за 2008–2013 гг. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ifapcom.ru/files/2015/ifap_report/ifap_report_2008-2013.pdf (дата обращения: 09.02.2019).

² Измерение информационного общества, 2017 год: отчет // Международный союз электросвязи: [сайт]. URL: <https://www.itu.int/ru/mediacentre/Pages/2017-PR60.aspx> (дата обращения: 06.02.2019).

вызова через ответ к дальнейшему вызову, и этот рост имеет как внешний, так и внутренний аспекты. При этом рост цивилизаций является производением творческих индивидов или творческих меньшинств, подразумевает то, что нетворческое большинство будет оставаться позади, пока первопроходцы не смогут придумать какое-нибудь средство для того, чтобы подтянуть этот инертный арьергард до своего уровня.

Очевидно, что прорыв в развитии информационной (кибернетической) цивилизации неизбежен, потому как наблюдается и будет наблюдаться ещё большее увеличение потоков информации, а это принесёт за собой новые научные познания и технологии. Обладание ими зависит от доступности, уровня и качества полученных знаний в области IT-технологий. Наряду с этим появится творческий активный слой общества, обладающий повышенным уровнем знаний в передовых информационных технологиях, который будет наделён привилегиями по управлению обществом. На фоне этого произойдёт разрыв в уровне IT-технологий между государствами, обществами и индивидами.

Проблема доступа населения к информационным технологиям в настоящее время имеет важное социальное значение и обозначена как проблема «цифрового неравенства». Как и социальное, цифровое неравенство не только влияет на состояние обеспечения информационной безопасности, но и способно существенно дестабилизировать нормальное функционирование общественного процесса и государственного управления [7]. Возможно распространение дискримина-

ции по информационному признаку: в обществе будут как лица, обладающие правами и привилегиями в силу информационных знаний, так и те, кто не будет иметь возможность ими пользоваться. Появление такого различия будет способствовать разделению общества на сильную и слабую части. При этом сильная часть общества получит доступ к управлению государством. В результате будет реализовываться концепция построения кибертехнократического общества.

Технократия представляла собой направление в буржуазной общественной мысли, согласно которому капиталистическое общество может якобы целиком регулироваться принципами научно-технической рациональности, носителями которых являются инженеры и учёные (технократы)¹. С позиции философии технократия – это социологическая концепция, утверждающая необходимость установления политической власти технических специалистов (организаторов производства и инженеров), осуществляемой в интересах всего общества на базе научного знания, в противовес частнособственнической власти капитала и капиталовладельцев. Технократы – это обладатели специального образования, входящие в высшие слои крупной буржуазии и разделяющие с нею власть².

По мнению С. Макеева [5], технократ – это человек, владеющий некой социально значимой технологией на достаточно высоком профессиональ-

¹ Советский энциклопедический словарь. М., 1980. С. 1338.

² Философский энциклопедический словарь / под ред. Л. Ф. Ильичева. М., 1983. С. 682, 683.

ном уровне, стремящийся к власти, а также обладающий определенным стилем мышления, основанном на рациональном достижении поставленной задачи и игнорировании важнейших гуманитарных аспектов жизнедеятельности людей.

По нашему мнению, к числу существенных признаков технократа следует также отнести возможности доступа к неограниченным информационным технологиям и ресурсам и внедрения автоматизированной системы управления обществом с целью оптимизации и осуществления постоянного контроля над ним.

Заострим внимание на последнем признаке технократа – в истории человечества уже была предпринята попытка установления автоматизированного контроля над обществом. В начале 70-х гг. XX в. английский кибернетик Стаффорд Бир был приглашён Президентом Сальваторе Альенде в Чили для разработки автоматизированной системы реорганизации экономики в форме пятиуровневой жизнеспособной системы. По плану учёного жизнеспособной системой верхнего уровня было государство (президент или министр экономики), ниже были отрасли (замминистра экономики с подчинёнными ему соответствующими комитетами), потом предприятия, дальше заводы, отдельные цеха и отдельные рабочие.

В сентябре 1972 г. Бир представил Киберсин – проект централизованного компьютерного управления экономикой страны.

Для связи предприятий между собой был разработан Кибернет – сеть телексов, размещённых на предприятиях для общения и передачи важ-

ных индексов. Примерно 70% социально-промышленной экономики страны было охвачено Кибернетом. Программное обеспечение для Киберсина – Киберстрайд – генерировало алгедонические сигналы опасности и предсказывало изменения в системе.

Следующим составляющим проекта Бира была система Чеко («чилийская экономика»). Специальная команда разработала модель всей чилийской экономики, которая включала подмодели создания национального дохода, инфляции и международного торгового обмена. Проект Чеко, основываясь на данных с предприятий в реальном времени, мог бы обсчитывать модель экономики страны и выдавать прогноз на десятилетие вперёд.

Четвёртым составляющим Киберсина после Кибернета, Киберстрайда и Чеко была Ситуационная комната. На шести стенах специально спроектированного зала располагались экраны. Алгедонические сигналы обозначались звонком, на одной стене можно было просмотреть каталог со всеми предприятиями, соединёнными в Кибернет, и получить их данные. Был экран, отображающий алгедоническую информацию об отношении населения к текущей работе Киберсина. Операторы комнаты с помощью клавиш, вмонтированных в подлокотники вращающихся кресел, должны были в реальном времени подстраивать экономику страны.

Важно также то, что Бир решил создать алгедоническую связь между Киберсином и обществом и встроить систему опроса общественного мнения с односложными ответами: «да / нет, нравится / не нравится». «Алгедонический метод» – метод, соглас-

но которому каждое действие власти должно оцениваться гражданами по принципу – улучшения или ухудшения жизни. В отличие от большинства социальных опросов, результаты которых уже изначально предполагают наличие определённых ответов, данный метод позволяет получить объективную и, главное, непрерывную картину реакции граждан на эти действия.

Система Бира показала свою жизнеспособность, когда в стране осенью 1972 г. вспыхнули забастовки гильдии мелких предпринимателей. Благодаря круглосуточному управлению в ситуационной комнате кабинету министров и высшему промышленному руководству удалось сохранить снабжение страны топливом и продуктами питания, имея в арсенале всего 10–30% грузовиков от обычного количества. Помимо всего прочего, это продемонстрировало чудовищную неэффективность и избыточность «традиционной рыночной экономики» мелкобуржуазного сектора [1].

Но Киберсин так и не был запущен на полную мощность. Если в СССР системе ОГАС (Общегосударственная автоматизированная система учёта и обработки информации В. М. Глушкова) помешало полное непонимание того, зачем же она нужна, тут важным оказался мятеж консервативных сил, поддержанных США.

Однако информационные технологии не стоят на месте, и облик технократов изменился с течением времени. Не исключена возможность использования технологий будущего на уровне управления глобальным информационным обществом. Мировое господство в информационной сфере может носить весьма противоречивый харак-

тер преследования цели установления нового мирового порядка. В этой связи мировое сообщество должно прилагать усилия по установлению контроля над складывающейся тенденцией к возможному установлению кибернетической технократии.

При этом сущность процесса глобализации информационного пространства заключается в том, что человечество при всей его разобщённости по национальным, региональным и другим признакам всё глубже сознаёт себя интегральным, единым в своём внутреннем разнообразии субъектом всемирно-исторического творчества. Стремительное ускорение глобальных процессов является результатом интенсификации ряда экономических, политических, технологических, социокультурных, информационных факторов. Современные технологии в области передачи, хранения и использования информации стимулировали интенсивность информационного обмена. В этих условиях определяющими факторами развития общества становятся сфера информационных технологий, образование, культура и право. Мы столкнулись с ситуацией, когда человека часто окружает искусственная информационно-символическая среда. И тогда человек сталкивается с проблемой интеллектуальной уязвимости и информационной безопасности [2].

В связи с распространением информатизации российского общества, появлением интернет-сайтов, социальных сетей и форумов можно говорить об имеющейся киберсоциализации населения, диктующей свои правила, порой опасные для жизни человека и общества. Эти правила устанавливают

определённую зависимость населения, что может привести к самоуничтожению человека как разумного существа.

В Стратегии развития информационного общества в РФ на 2017–2030 гг. отмечается важность законодательного регламентирования доступа организаций к данным о гражданах и юридических лицах, в том числе содержащимся в государственных информационных системах, порядка обработки данных, а также порядка государственной защиты персональных данных граждан на территории

страны, необходимость обеспечения защиты данных от несанкционированной и незаконной трансграничной передачи иностранным организациям путём использования российских информационных и коммуникационных технологий в области защиты информации [9].

В этой связи информационная политика государства должна быть направлена на сохранение и обеспечение нравственных ценностей в информационном пространстве.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахундов М. Киберсин // Аналитический клуб: школа информационного анализа и управления: [сайт]. URL: <http://www.analysisclub.ru/index.php?art=2706&page=schiller> (дата обращения: 13.09.2018).
2. Захаров А. В. Государство, право, общество в условиях глобализирующегося мира. М.: Проспект, 2017. 336 с.
3. Комаров С. А., Воробьев С. М. Кибернетическая (информационная) цивилизация: миф или реальность? // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 1.
4. Комаров С. А., Мицкая Е. В. Правовое регулирование обеспечения информационной безопасности и защиты персональных данных. СПб.: Издательство Юридического института, 2018. 136 с.
5. Макеев С. В. Концепции технократизма: историко-философский анализ. М.: ИИУ МГОУ, 2008. 254 с.
6. Моцелков Е. Н. Переходные процессы в России. М., 1996. 150 с.
7. Понарина Н. Н. Глобализация и информационное общество // Общество: политика, экономика, право. 2012. № 1. С. 19–24.
8. Тихонова С. В. Становление правовой коммуникативистики в России: проблемы и перспективы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2015. Вып. 3. Т. 15. С. 319–330.
9. Тойнби А. Исследование истории: Возникновение, рост и распад цивилизаций. Т. 1. М.: АСТ, 2009. 863 с.

REFERENCES

1. Akhundov M. [Kibersin]. In: *Analiticheskii klub: shkola informatsionnogo analiza i upravleniya* [Analytical club: school of information management and analysis]. Available at: <http://www.analysisclub.ru/index.php?art=2706&page=schiller> (accessed: 13.09.2018).
2. Zakharov A. V. *Gosudarstvo, pravo, obshchestvo v usloviyakh globaliziruyushchegosya mira* [State, Law, Society in a Globalizing World]. Moscow, Prospekt Publ., 2017. 336 p.
3. Komarov S. A., Vorobyev S. M. [Information Civilization: Myth or Reality?]. In: *Pravo. Zhurnal Vyshei shkoly ekonomiki* [Law. Journal of Higher School of Economics], 2019, no. 1.
4. Komarov S.A., Mitskaya E. V. *Pravovoe regulirovanie obespecheniya informatsionnoi bezopasnosti i zashchity personal'nykh dannykh* [Legal Regulation of Information Security and Personal Data Protection]. St. Petersburg, Institute of Law Publ., 2018. 136 p.

5. Makeyev S. V. *Kontseptsii tekhnokratizma: istoriko-filosofskii analiz* [Concepts of Technocracy: Historical and Philosophical Analysis]. Moscow, Moscow Region State University Publ., 2008. 254 p.
 6. Moshchelkov E. N. *Perekhodnye protsessy v Rossii* [Transitional Processes in Russia]. Moscow, 1996. 150 p.
 7. Ponarina N. N. [Globalization and Information Society]. In: *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo* [Society: Policy, Economy, Law], 2012, no. 1, pp. 19–24.
 8. Tikhonova S. V. [The Development of Law Communication Study in Russia: Problems and Prospects]. In: *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Ekonomika. Upravlenie. Pravo* [News of Saratov University. New series. Series: Economy. Management. Law], 2015, no. 3, vol. 15, pp. 319–330.
 9. Toinbi A. *Issledovanie istorii: Vozniknovenie, rost i raspad tsivilizatsii* [The Study of History: The Origin, Growth and Disintegration of Civilizations. Vol. 1]. Moscow, AST, 2009. 863 p.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Сергей Александрович Комаров – доктор юридических наук, профессор, научный руководитель Юридического института (Санкт-Петербург), заслуженный деятель образования и науки РАН, президент Межрегиональной ассоциации теоретиков государства и права;
e-mail: SVKomarov2008@yandex.ru

Сергей Михайлович Воробьев – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права, международного и европейского права Академии права и управления ФСИН России, ;
e-mail: sergey.vorobev.78@inbox.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Sergey A. Komarov – Doctor of Law, Director of the Law Institute (St. Petersburg), professor, honored worker of education and science of Russian Academy of Education, president of the Interregional Association of Theorists of State and Law;
e-mail: SVKomarov2008@yandex.ru

Sergey M. Vorobiev – Doctor of Law, professor at the Department of Theory of State and Law, International and European Law at the Academy of Federal penalty Service of Russia, associate professor;
e-mail: sergey.vorobev.78@inbox.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Комаров С. А., Воробьев С. М. Переходное электронное государство в условиях функционирования информационной (кибернетической) цивилизации: теоретико-правовой анализ // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2019. № 1. С. 17–27.
DOI: 10.18384/2310-6794-2019-1-17-27

FOR CITATION

Komarov S. A., Vorobyev S. M. Transitional Cybernetic State in Information Civilization: Theoretical and Legal Study. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2019, no. 1, pp. 17–27.

DOI: 10.18384/2310-6794-2019-1-17-27

УДК 342.56(470)

DOI: 10.18384/2310-6794-2019-1-28-38

ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Догадайло Е. Ю., Носов С. И., Чепунов О. И.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы

при Президенте Российской Федерации

119571, г. Москва, Проспект Вернадского, д. 84, Российская Федерация

Аннотация. В основе работы – анализ эмпирического материала по организации и совершенствованию судебной системы в Российской Федерации как главного механизма разрешения возникающих в обществе социальных конфликтов и споров. Основная цель исследования выявление особенностей и проблем, сложившихся в российской судебной системе. Авторы приходят к выводу, что необходимо продолжение судебной реформы как в повышении открытости судебной системы, так и в совершенствовании её внутренней структуры и развитии системы связей с различными институтами гражданского общества. Проблемы, возникающие в процессе совершенствования судебной системы, носят комплексный характер. Они сложны и многообразны, и без осмысления результатов существующего опыта реформирования судебной системы, без рассмотрения и определения тенденций современной правовой модернизации невозможно её эффективное развитие. Результатом проведенного исследования явились предложения по совершенствованию и развитию судебной системы для повышения качества и доступности правосудия в Российской Федерации. Статья адресована широкому кругу читателей, интересующихся проблемами права и государства, студентам юридических вузов, сотрудникам правоохранительных органов и другим государственным служащим, а также специалистам, интересы которых находятся в судебной сфере.

Ключевые слова: правоприменение, правосудие, судья, информатизация, процессуальное действие.

CURRENT PROBLEMS OF IMPROVING THE JUDICIAL SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION

E. Dogadailo, S. Nosov, O. Chipunov

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

84, Vernadsky prospect, Moscow, 119571, Russian Federation

Abstract. The article analyzes the empirical data on the organization and improvement of the judicial system of the Russian Federation as the main mechanism for resolving social conflicts and disputes. The study focuses on identification of the features and problems that have developed in the Russian judicial system. The authors argue the necessity to continue the judicial reform in the direction of increasing its openness and improving its internal structure and developing the system of relations with various institutions of the civil society. The problems

arising in the process of improving the judicial system are complex and diverse and without the analysis of the past experience of reforming the judicial system and consideration of future trends, its effective development is impossible. In conclusion, the authors formulate proposals for improvement and development of the judicial system of the Russian Federation to make it more accessible and qualitative. The article is aimed at a wide range of readers interested in the problems of law and state, students of law schools, law enforcement officers and other civil servants and specialists whose interests are in the field of judicial activity.

Keywords: law enforcement, justice, judge, informatization, procedural action.

Вопросы повышения эффективности функционирования судебной системы в Российской Федерации являются предметом постоянного повышенного внимания со стороны общества, представителей науки, практических работников, бизнеса. Не случайно доверие общества к судебной власти всегда рассматривалось как важнейший индикатор справедливого, независимого и эффективного правосудия. Между тем в адрес судебных органов нередко поступает весьма острая критика в части недостаточной обоснованности выносимых судебных решений, обеспечения доступности и открытости правосудия, необходимости укрепления кадрового состава судебного корпуса.

Всё чаще у учёных и практиков возникает ощущение, что судебная власть постепенно превращается в «замкнутую саморегулируемую систему», никому не подотчётную, освобождённую от какого-либо действенного контроля [4; 5]. Эти вопросы имеют широкий общественный резонанс и активно обсуждаются в научной среде [8; 10]. Указанной проблематике посвящены целый ряд крупных научных исследований и множество публикаций в средствах массовой информации¹.

¹ Попондопуло В. Ф., Слепченко Е. В. Судебная система: состояние и проблемы совершенствования // PPT.ru. URL: <http://ppt.ru/news/134093> (дата обращения: 14.12.2018).

Примером такого рода исследований, посвящённых проблемам реформирования судебной системы в России, являются монографические работы экспертов Института проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге и научные работы, доклады² Центра стратегических разработок [2; 3; 9].

Например, Центр стратегических разработок (ЦСР) предлагает следующие направления совершенствования судебной системы Российской Федерации [2, с. 106]:

- преодоление обвинительного уклона при вынесении приговоров;
- снижение организационной зависимости судей от председателей судов;
- изменение политики рекрутинга судей;
- снижение нагрузки на судей с сохранением доступности правосудия.

При этом также приводятся аргументы о необходимости внесения таких изменений в порядок работы квалификационных коллегий судей, чтобы возможность привлечения к ответственности любого судьи без конкретизации оснований была в зна-

² Корня А., Прокопенко А. Эксперты Алексея Кудрина готовят для Кремля план судебной реформы // Ведомости: [сайт]. URL: <http://www.vedomosti.ru/politics/articles/2017/03/13/680829-kudrina-plan-sudebnoi-reformi> (дата обращения: 15.12.2018).

чительной степени затруднена. Этому, по мнению авторов данного предложения, могли бы способствовать увеличение открытости работы квалификационных коллегий, повышение роли независимых представителей общественности в их работе, введение иных мер дисциплинарного воздействия на судью (кроме замечания и прекращения полномочий).

Предлагается также расширение юрисдикции суда присяжных, поскольку «решения присяжных не подвержены влиянию организационных ограничений профессиональных судей и ведомственных интересов обвинения». Рекомендуются принятие программы развития суда присяжных, включающей расширение использования данного института, его организационную поддержку, совершенствование процедур отбора присяжных, формирование в обществе идеи важности участия граждан в работе судов присяжных.

В целях снижения организационной зависимости судей от председателей судов предлагается:

- изменить принципы назначения и осуществления полномочий председателями судов (выборы председателя суда, ограничение срока его пребывания в должности, введение обязательной ротации председателей судов каждые 3 года с запретом занимать должность повторно);
- освободить председателей судов от организационно-хозяйственных функций, передав их администраторам судов, не имеющим отношения к судопроизводству;
- внести в процессуальное законодательство положения, в соответствии с которыми должен быть

установлен в качестве обязательного случайный (с использованием электронной системы) принцип распределения дел в судах (где есть специализация судей).

По мнению экспертов Центра стратегических разработок, в существующей системе качественной подготовки и кадрового отбора судей для судебной системы требуется серьезная реформирование. На сегодняшний день действующей системой отбора судей не обеспечиваются необходимые предпосылки для назначений на судейские должности «квалифицированно подготовленных юристов и не создает действенных и эффективных механизмов для ограничений принятия в судейское сообщество лиц с низким уровнем профессиональных знаний и моральных качеств» [1, с. 6]. Достижение данной цели, по мнению экспертов, связано с решением следующих научно-практических задач:

- повышения роли органов судейского сообщества в существующей процедуре назначения судей;
- изменения квалификационных требований к кандидату на должность судьи;
- изменения стимулов работы в аппарате судов;
- изменения системы подготовки и процедуры назначения судей;
- создания центра подготовки судей;
- разработки содержательных профессиональных стандартов для судьи, или модель «идеального судьи»¹.

Мерой по улучшению отбора, подготовки и назначения судей могут

¹ Эксперты описали идеального кандидата в судьи // Право: [сайт]. URL: pravo.ru/news/view/147100 (дата обращения: 12.12.2018).

стать, по мнению экспертов ЦСР, изменение требований к стажу работы, необходимому для будущего судьи. В частности, кандидат на должность судьи должен иметь опыт работы не менее чем в 2-х разных сферах юридической практики, не менее 3 лет в каждой сфере. Предлагается увеличение минимального юридического стажа, требуемого для назначения на должность судьи, до 10 лет или увеличения возраста для кандидата в судьи до 35 лет. Хотя бы одно из мест работы должно относиться к отраслям юридической практики, непосредственно связанной с судебной сферой. Результатом принятия таких мер должно стать снижение количества кандидатов в судьи из правоохранительных органов или из аппаратов судов.

Несомненно, многие предлагаемые Центром стратегических разработок меры направлены на совершенствование функционирования судебной системы в целом. В частности, это касается предложения изменить требования к стажу работы кандидата на должность судьи. Закрепление различных сфер юридической практики в качестве обязательных для кандидата в судьи, как и стремление механически снизить количество кандидатов – представителей правоохранительных органов вряд ли могут привести к ожидаемому результату – качественному повышению состава судейского корпуса.

Кроме того, требование к возрасту кандидата для назначения на должность судьи (не менее 25 лет), как и требование к стажу работы по юридической профессии (не менее 5 лет) установлены ст. 119 Конституции РФ. Сложившаяся и оправдавшая себя

многолетняя практика применения указанных требований к кандидатам на должности судей не вызывает каких-либо серьезных нареканий со стороны юридической научной общественности и специалистов-практиков. Кроме того, в определённых случаях законодательство устанавливает более высокие требования к стажу работы и возрасту кандидатов для назначения на должности судей (например, при назначении на должности судей верховных, областных, краевых судов, судей Верховного и Конституционного Судов РФ). В этой связи предложения Центра по увеличению возраста и стажа кандидатов на должность судей требуют дополнительного обоснования и соответствующих пояснений относительно того, о каких именно судах идёт речь.

Высказываются предложения о необходимости закрепления в законодательстве норм, предусматривающих участие в качестве представителей в гражданском и арбитражном процессе только лиц, имеющих высшее юридическое образование. Более того, подобные законодательные инициативы уже вносились в Государственную Думу Федерального Собрания РФ¹.

Введение института профессионального представительства (предлагается внести изменения в ст. 49, 53 ГПК РФ и 59, 61 АПК РФ) обосновывается необходимостью оказания квалифицированной юридической помощи гражданам и юридическим лицам и повышением качества такой

¹ Законопроект № 273154-7 «Об осуществлении представительства сторон в судах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты» (не действует) // Система обеспечения законодательной деятельности [сайт]. URL: sozd.duma.gov.ru (дата обращения: 12.12.2018).

помощи. Вместе с тем заявленная цель получения более высокого стандарта правовой помощи на практике может привести к негативным последствиям из-за отсутствия возможности найти профессионального юриста за пределами крупных населённых пунктов. Предлагаемые законодательные изменения могут лишить стороны возможности обращаться к лицам, хотя и не имеющим юридического образования, но обладающим необходимыми профессиональными знаниями и опытом.

В настоящее время в порядке гражданского судопроизводства (по первой инстанции) рассматривается около 13 млн дел в год, многие из которых являются незначительными по сумме исковых требований. Введение обязательного требования о судебном представительстве только лиц с высшим образованием может привести к значительному повышению судебных расходов лиц, обращающихся в суд даже по малозначительным делам. Не случайно в принятом федеральном законе № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹ требование о судебном представительстве лиц, имеющих высшее юридическое образование или ученую степень по юридической специальности, не распространяется на судебные дела, рассматриваемые районными судами и мировыми судьями.

Рассматривая предложенные меры ЦСР, следует отметить, что многие из указанных рекомендаций обусловле-

¹ Федеральный закон от 28.11.2018 № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Система обеспечения законодательной деятельности: [сайт]. URL: sozd.duma.gov.ru (дата обращения: 12.12.2018).

ны стремлением повысить эффективность работы судебного корпуса. И, конечно же, они заслуживают самого пристального внимания и активного обсуждения в научном сообществе и среди практических работников.

Некоторые вопросы уже нашли свое отражение в законопроектах, внесенных на рассмотрение в Государственной Думе Федерального Собрания РФ. Часть из законодательных актов уже приняты, например: Федеральный закон № 190-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с расширением применения института присяжных заседателей»², многие положения которого введены в действие с 1 июня 2018 г., федеральный закон № 265-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»³.

Давайте остановимся ещё на некоторых проблемах, направленных на совершенствование деятельности судебных органов.

В целях формирования независимых и самостоятельных апелляционных и кассационных инстанций предлагалось создание окружных кассационных и межрегиональных апелляционных судов общей юрисдикции. Их структурное выделение не было бы связано с границами административ-

² Федеральный закон от 23.06.2016 № 190-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с расширением применения института присяжных заседателей» // Система обеспечения законодательной деятельности: [сайт]. URL: sozd.duma.gov.ru (дата обращения: 12.12.2018).

³ Федеральный закон от 13.07.2015 № 265-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2018. № 31. Ст. 4854.

но-территориального деления. Это, с одной стороны, послужит унификации построения судебной системы, а с другой, – оптимизирует судебную нагрузку.

В июле 2018 г. были приняты федеральный конституционный закон № 1-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон “О судебной системе Российской Федерации”» и отдельные федеральные конституционные законы в связи с созданием кассационных судов общей юрисдикции и апелляционных судов общей юрисдикции¹, предусматривающие образование в Российской Федерации 9 кассационных и 5 апелляционных судов общей юрисдикции.

Структурное выделение звена кассационных и апелляционных судов общей юрисдикции направлено на оптимизацию судебной нагрузки, совершенствование иерархии построения судебной системы с учетом положительного опыта функционирования этих видов судов в системе арбитража.

В части мер, касающихся повышения роли органов судейского сообщества в существующей процедуре назначения судей, а также снижения организационной зависимости судей от председателей судов, следует отметить, что указанные идеи, высказанные экспертами Центра, частично нашли своё отражение в федеральном зако-

не № 243-ФЗ² и в не вступившем еще в силу Федеральном законе от 29.07.2018 № 265-ФЗ «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации»

Внесённые изменения направлены на снижение роли председателей судов при назначении судей и повышение роли квалификационных коллегий судей. В частности, вносится изменение в действующую процедуру рекомендации гражданина на должность судьи: согласно предлагаемому порядку положительное решение о рекомендации гражданина на должность судьи принимается квалификационной коллегией судей без обязательного согласия с указанным решением председателя суда.

Экспертное сообщество в целом позитивно относится к предлагаемым мерам³: предполагается, что такие изменения будут способствовать ожидаемым результатам повышения объективности рассмотрения дел, укреплению независимости судей.

Заслуживают всемерной поддержки меры, направленные на совершенствование законодательных требований в части получения гражданами полной и достоверной информации о деятельности судов, осуществления комплекса мероприятий по обеспечению гласности и прозрачности при

¹ Федеральный конституционный закон от 29.07.2018 № 1-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон “О судебной системе Российской Федерации”» и отдельные федеральные конституционные законы в связи с созданием кассационных судов общей юрисдикции и апелляционных судов общей юрисдикции» // Российская газета. 2018. 31 июля.

² Федеральный закон от 29.07.2018 № 243-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации “О статусе судей в Российской Федерации” и Федеральный закон “Об органах судейского сообщества в Российской Федерации”» (не вступил в силу) // Право: [сайт]. URL: <https://clck.ru/FRoa3> (дата обращения: 12.12.2018).

³ Верещагин А. Н. О развитии суда присяжных в России // Отрасли права. Аналитический портал [сайт]. URL: <http://xn----7sbaj7auwnffhk.xn--p1ai/article/24709> (дата обращения: 15.12. 2018).

осуществлении правосудия. Это прежде всего означает:

- возможность присутствия граждан, в том числе представителей организаций (юридических лиц), общественных объединений, средств массовой информации, органов государственной власти и органов местного самоуправления, в открытом судебном заседании;
- возможность фиксации хода судебного разбирательства, в том числе с использованием технических средств (средств аудио и видеозаписи);
- более широкое освещение деятельности судов в средствах массовой информации;
- размещение информации о деятельности судов в интернете;
- предоставление пользователям по запросу информации о деятельности судов;
- возможность передачи процессуальных документов в суд в электронном виде, в том числе в виде электронного документа.

Рассмотрим предложение об отмене требования обязательного юридического образования для секретаря судебного заседания и секретаря суда. Секретарь судебного заседания является процессуальной фигурой, он наделён определёнными процессуальными полномочиями, ему в установленном порядке могут быть заявлены отводы. Нет сомнений в том, что указанное лицо должно обладать юридическими знаниями, знаниями процессуального законодательства. Следовательно, требование наличия у секретаря судебного заседания высшего юридического образования является обоснованным. Не случайно многие из них наряду с помощниками судей составляют ка-

дровый резерв на занятие должности судьи. Секретарь же суда не наделяется процессуальными полномочиями, осуществляет в основном организационно-технические функции. В этой связи требование наличия для него обязательного высшего юридического образования представляется излишним.

Вызывают серьёзные сомнения и предлагаемые меры по снижению судебной нагрузки. Так, в качестве меры, которая должна привести к снижению судебной нагрузки на судей, предлагается существенно расширить перечень судебных дел, по которым не требуется составления мотивировочной части решения суда. При этом целью отказа от мотивировочной части решения провозглашается повышение качества правосудия.

Как неоднократно отмечалось в юридической литературе, подход, предполагающий отказ от составления мотивировочной части судебного решения в качестве основного правила, является необоснованно широким и преждевременным. Провозглашаемая цель добиться процессуальной экономии на практике может привести к фактическому ограничению права на доступ к правосудию, а в итоге – к усилению закрытости судебной власти. Принятие указанного порядка приведёт к тому, что мотивы принятия большинства судебных решений будут неясными. Существенное упрощение требований к формальной стороне выносимых судебных решений, лишённых мотивировочной части с указанием доводов, по которым они вынесены, может создать немало проблем и при рассмотрении этих дел вышестоящими судебными инстанциями.

Приоритетным направлением развития судебной системы является повышение качества и доступности правосудия. В этом направлении, оптимизируя процессуальное законодательство, следует сформировать конструктивные подходы к определению оптимально-приемлемых сроков рассмотрения дел и осуществления отдельных процессуальных действий, уточнению порядка извещения лиц, участвующих в деле, введению упрощенной формы судопроизводства, оптимизации круга гражданских дел, по которым должны составляться мотивированные судебные решения, расширению институтов досудебного и внесудебного урегулирования споров, развитию института третейского разрешения споров, модернизации системы исполнения судебных актов, совершенствованию законодательства об экспертной деятельности и сокращении сроков производства судебных экспертиз.

Требуется дальнейшее обеспечение открытости и прозрачности при осуществлении правосудия путем внедрения в деятельность судов современных информационных и электронных технологий. Актуальным являются формирование информационного ресурса юридически значимых консолидированных сведений по делам с вынесенными процессуальными (в том числе и исполнительными) документами, перевод архивов судебных документов в электронный вид.

На современном этапе в соответствии с Концепцией развития информатизации судов до 2020 г. осуществляются мероприятия по интеграции автоматизированных систем

федеральных арбитражных судов в ГАС «Правосудие»¹.

Разработан порядок выдачи электронных подписей судьям федеральных судов общей юрисдикции и работникам аппаратов судов. Введён в действие «Модуль распределения дел» программного средства ГАС «Правосудие», автоматизированы процессы отображения информации о движении судебных дел и подготовке текстов судебных актов к размещению на официальных сайтах судов; разработан комплекс программ «Электронное хранилище судебных документов», вошедший в состав комплекса программ «Судебное делопроизводство».

Несмотря на нововведения, в сфере электронного правосудия остаётся ещё много проблем. Так, большое число нареканий поступает от граждан и организаций на порядок подачи исковых заявлений в электронном виде, размещение информации о рассмотрении дел в судах. Очевидно, что внедрение и широкое использование современных информационных и электронных технологий в деятельности судов требует их соответствующей настройки при неукоснительном соблюдении принципа доступности правосудия.

Проблемы, возникающие в процессе совершенствования судебной системы, носят комплексный характер, сложны и многообразны. Учёными, практиками, всем юридическим законодательным сообществом должны

¹ Постановление Правительства РФ от 27.12.2012 № 1406 (ред. от 14.12.2017) «О федеральной целевой программе “Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы”» (опубликован не был) // Консультант Плюс: справочная правовая система [сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140638 (дата обращения: 12.12.2018).

быть выработаны необходимые меры, способные повысить доступность и качество правосудия, а также нейтрализовать то недоверие к судебной системе, которое существует у значительной части общества.

Механизмы взаимоотношения судебной власти с иными органами государственной власти проявляются в специальных формах и должны быть подчинены единой политико-правовой воле государства по выполнению общесистемных целей и реализующих-

ся через правоприменение и нормотворчество, вследствие чего действуют корреспондирующие организационно-правовые формы реализации взаимодействия. Такие механизмы взаимодействия должны действовать на основе детальной нормативно-правовой регламентации деятельности судов и государственных органов, в том числе по передаче и получению информации через систему межведомственного электронного взаимодействия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Айвар Л. К. Судьи в кризисе // *Эж-Юрист*. 2008. № 31 (536). С. 5–6.
2. Диагностика работы судебной системы в сфере уголовного судопроизводства и предложения по её реформированию. Часть I / Т. Бочаров и др. [Электронный ресурс] URL: http://deviantology.spb.ru/etc/IPP_Report_Criminal_Justice_Ref.pdf (дата обращения: 12.12.2018).
3. Российские судьи как профессиональная группа: социологическое исследование / В. В. Волков и др. СПб.: Институт проблем правоприменения Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2012. 60 с.
4. Колоколов Н. А. Судебная власть: предложения Совета при Президенте России // *Мировой судья*. 2017. № 12. С. 11–17.
5. Кашепов В. П. Надзор за судебной деятельностью как конституционное начало организации судебной деятельности // *Журнал российского права*. 2017. № 12. С. 43–54.
6. Певцова Е. А., Клишина А. В. О некоторых аспектах правосознания адвокатов: историко-правовое исследование // *Право и образование*. 2014. № 2. С. 144–156.
7. Сахаровский И. Ю. Концепция развития судебной системы в России // *Молодой ученый*: [сайт]. URL: <https://moluch.ru/archive/88/17445> (дата обращения: 12.12.2018).
8. Сиротюк А. З. О проблемах определения элементов системы органов судебной власти Российской Федерации и включения в нее органов со сложной правовой природой // *Российская юстиция*. 2016. № 11. С. 42–45.
9. Судебная практика в современной правовой системе России / Т. Я. Хабриева и др. М.: Норма: Инфра-М, 2017. 432 с.
10. Чепунов О. И. Об эффективности судебной власти // *Современное право*. 2009. № 5 (1). С. 79–83.

REFERENCES

1. Aivar L. K. [Judges in Crisis]. In: *Ezh-Yurist* [Ezh-Yurist], 2008, no. 31 (536), pp. 5–6.
2. Bocharov T., Volkov V. V., Dmitrieva A. D. et al. *Diagnostika raboty sudebnoi sistemy v sfere ugovnogo sudoproizvodstva i predlozheniya po ee reformirovaniyu. Chast I* [Diagnosis of judicial system functioning in criminal proceedings and proposals for its reform. Part I]. Available at: http://deviantology.spb.ru/etc/IPP_Report_Criminal_Justice_Ref.pdf (accessed: 12.12.2018).

3. Volkov V. V., Dmitrieva A. V., Pozdnyakov M. L. at al. *Rossiiskie sudi kak professionalnaya gruppа: sotsiologicheskoe issledovanie* [Russian judges as a professional group: sociological study]. St. Petersburg, The Institute of Law Enforcement at the European University at St. Petersburg Publ., 2012. 60 p.
4. Kolokolov N. A. [The judiciary: the proposals of the Council under the President of Russia]. In: *Mirovoi sudya* [Magistrate], 2017, no. 12, pp. 11–17.
5. Kashepov V. P. [Judicial supervision as a constitutional basis of judicial organization activity]. In: *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian Law], 2017, no. 12, pp. 43–54.
6. Pevtsova E. A., Klishina A. V. [Some aspects of lawyers' legal consciousness: historical and legal research]. In: *Pravo i obrazovanie* [Law and Education], 2014, no. 2, pp. 144–156.
7. Sakharovsky I. Y. [The concept of the development of judicial system in Russia]. In: *Molodoi uchenyi* [Young Scientist]. Available at: <https://moluch.ru/archive/88/17445/> (accessed: 12.12.2018).
8. Sirotyuk A. Z. [The problems of determining the elements of the system of judicial authorities of the Russian Federation and including into it the bodies of complex legal nature]. In: *Rossiiskaya yustitsiya* [Russian Justice], 2016, no. 11, pp. 42–45.
9. Khabrieva T. Y., Lazarev V. V., Gabov A. V. at al. *Sudebnaya praktika v sovremennoi pravovoi sisteme Rossii* [Judicial practice in modern legal system of Russia]. Moscow, Norma Publ., Infra-M Publ., 2017. 432 p.
10. Chepunov O. I. [On the effectiveness of judiciary]. In: *Sovremennoe pravo* [Modern Law], 2009, no. 5 (1), pp. 79–83.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Догдайло Екатерина Юрьевна – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры конституционного права юридического факультета Института права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации;
e-mail: dogadailo@gmail.com

Носов Сергей Иванович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного права юридического факультета Института права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации;
e-mail: sinosov@mail.ru

Чепунов Олег Иванович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного права юридического факультета Института права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации;
e-mail: chepunovleg@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ekaterina Y. Dogadailo – Doctor of Law, associate professor, professor at the Department of Constitutional Law at Law Faculty at the Institute of Law and National Security, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration;
e-mail: dogadailo@gmail.com

Sergey I. Nosov – Doctor of Law, professor at the Department of Constitutional Law at Law Faculty at the Institute of Law and National Security, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration;
e-mail: sinosov@mail.ru

Oleg I. Chipounov – Doctor of Law, professor, head at the Department of Constitutional Law at Law Faculty at the Institute of Law and National Security, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration;
e-mail: chepunovoleg@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Догадайло Е. Ю., Носов С. И., Чепунов О. И. Проблемы совершенствования судебной системы Российской Федерации на современном этапе // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2019. № 1. С. 28–38.

DOI: 10.18384/2310-6794-2019-1-28-38

FOR CITATION

Dogadailo E. Y., Nosov S. I., Chipounov O. I. Current Problems of Improving the Judicial System of the Russian Federation. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2019, no. 1, pp. 28–38.

DOI: 10.18384/2310-6794-2019-1-28-38

РАЗДЕЛ II. ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА; ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

УДК 34.3:343.222

DOI: 10.18384/2310-6794-2019-1-39-50

ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ОСНОВНЫХ ПОДХОДОВ К ЕЕ ПОНИМАНИЮ

Шагиева Р. В.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
119571, г. Москва, Проспект Вернадского, д. 84, Российская Федерация*

Аннотация. В статье предпринята попытка выявить эвристическую ценность понимания категории «юридическая ответственность» в современных условиях посредством анализа имеющихся подходов в юриспруденции. В исследовании использовались исторический, сравнительный, формально-логический и юридико-догматический методы. Научный анализ проблемы позволил утверждать наличие преемственности основных подходов к пониманию юридической ответственности. На основе рассмотрения конкретных позиций, обосновываемых советскими и современными авторами, сделаны выводы о сохранении неоднозначности в теоретико-правовом осмыслении феномена юридической ответственности и о необходимости её интегративного понимания. Автором представлена оригинальная трактовка проспективной ответственности и ее связи с ретроспективной, обоснована идея необходимости объединения всех научных представлений о мерах правового обеспечения (в том числе правовой ответственности) в рамках единой интегративной концепции правовой защиты, предложена модель теоретико-правового осмысления юридической ответственности. Основные выводы автора могут быть применены в учебном процессе, послужить основой для дальнейших научных исследований, а также будут полезны в практике осуществления различных видов юридической ответственности.

Ключевые слова: правовая ответственность, ретроспективная и проспективная юридическая ответственность, меры юридической защиты.

LEGAL LIABILITY: THEORETICAL AND LEGAL UNDERSTANDING OF THE MAIN APPROACHES TO ITS INTERPRETATION

R. Shagieva

*The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
84, Vernadsky prospect, Moscow, 119571, Russian Federation*

Abstract. The article attempts to reveal the heuristic value of present-day interpreting the category of legal liability through the analysis of the existing in legal literature approaches. The research methods are historical, comparative, formal-logical and legal-dogmatic. The analysis of the problem allowed to reveal the existence of continuity in approaching the interpretation of legal liability. On the basis of the views of Soviet and modern scholars the author concludes that the ambiguity is preserved in theoretical and legal interpretation of legal liability and the need exists for its integrative understanding. The author suggested an original interpretation of prospective liability, its connection with the retrospective one and argued the need of combining all theoretical ideas of the measures of legal support (including legal liability) within a single integrative concept of legal protection. The findings of the research can be applicable in legal education, further research, and various types of legal liability practices.

Keywords: legal liability, retrospective and prospective legal liability, legal protection measures.

В современной юриспруденции не вызывает возражений утверждение, что общая теория юридической ответственности была и остаётся до сих пор одним из актуальнейших научных направлений развития современной юридической науки и практики [5]. Во многом это связано с переосмыслением системы прав человека в их соотношении с ответственностью человека перед обществом и государством, формированием ответственного человека как субъекта происходящих преобразований во всех сферах жизни современного общества.

Утверждение взаимной ответственности государства и членов гражданского общества в качестве необходимого условия становления правового государства потребовало признания института ответственности как общечеловеческой ценности. Анализ новейших научных публикаций показал, что данная проблематика, начиная с

правовой природы, функций, системы и завершая отраслевыми особенностями данного правового феномена, по-прежнему остаётся одной из самых обсуждаемых в рамках фундаментальной и догматической (отраслевой) юридической юриспруденции на страницах научных журналов [4; 6; 7]. При этом следует признать, что отраслевые юридические науки весьма разнообразно определяют её содержание и функции. Неслучайно законодатель до сих пор не выработал легального определения юридической ответственности (хотя бы в той или иной отрасли права), что во многом препятствует успешному обновлению российского законодательства. Это и многое другое заставляет исследователей вновь и вновь возвращаться к основополагающим постулатам теории юридической ответственности, выработанным отечественными правоведами, с целью определения тех, которые не потеряли

своего значения в современной юридической науке, а также нахождения новых плодотворных научных идей.

В отечественном правоведении давно сложилось общепризнанное представление относительно рассматриваемой правовой категории, согласно которому юридическая ответственность признавалась одной из государственно-принудительных мер, применяемых за правонарушение. Так, по мнению известного теоретика права С. Алексеева, «ответственность – государственное принуждение, выраженное в праве, выступает как внешнее воздействие на поведение, основанное на организованной силе государства и наличии у него “вещественных” орудий власти и направленное на внешне безусловное (непреклонное) утверждение государственной воли» [1, с. 106]. В науке уголовного права аналогичная позиция была высказана Н. Стручковым [17]. Юридическая энциклопедия подтверждает общепризнанность этой позиции в советской юридической науке: «Юридическая ответственность – государственное принуждение к исполнению требований права, правоотношение, каждая из сторон которого обязана отвечать за свои поступки перед другой стороной, государством и обществом»¹. Именно в таком понимании юридическая ответственность – одна из наиболее широко и активно исследуемых проблем российской юриспруденции, которой посвящено немало фундаментальных общетеоретических и отраслевых научных исследований. Однако юридическая ответственность – развивающееся, динамическое правовое явление, благо-

даря чему в наше время возникла потребность в новой концепции для её осмысления [15].

Справедливости ради следует заметить, что попытки другой трактовки понятия «юридическая ответственность» предпринимались ещё советскими исследователями. Например, представители общепринятого тогда подхода к этой категории утверждали, что правовая ответственность – это та особая государственно-принудительная мера, которая обрушивает на ответственного субъекта существенно новые, дополнительные обременения [7]. Но некоторые представители советской юридической науки предлагали расширить содержание этого юридического явления: «юридическая ответственность – это та же обязанность, но принудительно исполняемая ... на основе государственного или приравненного к нему общественного принуждения» [4]. Следует заметить, что исполнение обязанности под принуждением не всегда является юридической ответственностью, в чём усматривается неоправданное расширение объёма этой категории за счёт включения в него, кроме собственно мер юридической защиты, иных мер юридической защиты. Поэтому данная позиция вызывала заслуженные возражения и не привела к пересмотру общепризнанной теории юридической ответственности.

Некоторые авторы характеризовали юридическую ответственность иначе – как правовую обязанность должника отдавать отчёт своим действиям [18]. Данный подход дал основание для выработки понятия «перспективной юридической ответственности» (ответственность за будущее) наряду

¹ Юридическая энциклопедия / под ред. М. Ю. Тихомирова. М., 1999. С. 503.

с другим её видом – ретроспективной (ответственность за уже состоявшееся правонарушение), что действительно создавало основу для переосмысления классического подхода к пониманию природы юридической ответственности.

В юриспруденции – как фундаментальной, так и отраслевой – разрабатывается понятие новой разновидности юридической ответственности – проспективной (позитивной) как просто обязанности исполнять требования права, действовать правомерно. По мнению Б. Базылева, сущность позитивной юридической ответственности заключается в обязанности соблюдать предписания правовых норм, которая должна реализоваться в реальном правомерном поведении [3].

В правовой науке не сложилось единства мнений относительно понятия позитивной юридической ответственности. Так, проспективную ответственность интерпретировали как осознание правовых свойств своих действий (бездействий), соотнесение их с действующими законами и подзаконными актами, готовность отвечать за них перед государством и обществом [19]. Близкую позицию занимал Л. Смирнов, который указывал на осознание долга, его эмоциональное осмысление как на один из существенных признаков юридической ответственности [16]. Такой подход отличен от приведенного ранее мнения В. Тархова.

Кроме этого, многие исследователи не сомневались в том, что новая категория по своему содержанию не должна быть просто тождественна обязанности действовать правомерно. Но не все ученые-правоведы признали

необходимость введения в научный оборот юриспруденции категории «проспективная (позитивная) ответственность». Появились критические суждения относительно необходимости введения в научный оборот категории «проспективная ответственность» в юридической науке, ибо в этом понятии нет ничего юридического, а лишь одни нравственные и психологические признаки и характеристики. Отвечая на эти упреки, один из сторонников концепции позитивной ответственности справедливо заметил, что «критика со стороны оппонентов позитивной юридической ответственности, указывающая на психологизацию данного понятия, во многом способствовала исследованию этого явления не со стороны субъективного, а исходя из ее объективных признаков» [14].

В настоящее время идея проспективной (позитивной) ответственности всё же прокладывает себе дорогу, о чём свидетельствуют появляющиеся как общетеоретические, так и отраслевые научные исследования. В связи с этим очевидно, что накопленный научный материал позволяет дополнить основные постулаты общей теории юридической ответственности [8; 21].

В социологической науке ответственность (*в широком, социальном плане*) трактуется как общественное отношение между субъектом и контролирующей его поведение инстанцией (государством, обществом). В *узком смысле* социальная ответственность предстаёт как *объективная необходимость отвечать за социально значимое поведение* (например, за отклонение от требований социальных норм).

Социальная ответственность выполняет функцию поддержания в обществе организованности и порядка, являясь общественной реакцией на те или иные действия людей. Общественно полезное поведение влечёт положительные последствия в виде *позитивной (проспективной) ответственности*. Что же касается общественно вредных поступков, они с неизбежностью порождают негативные последствия, в том числе общественное осуждение и *ретроспективную ответственность* (ответственность за социальное отклонение).

Существует логико-методологическая предпосылка для различения правовой и юридической ответственности. Только на этой основе возможно снятие различий между ретроспективной и проспективной ответственностями. Правовая ответственность (включая ретроспективную и проспективную) может являться объектом многих обществоведческих исследований.

В юридической науке речь должна идти только о юридической *ответственности*, которая образует особую разновидность по отношению ко всем иным неправовым видам социальной ответственности – политической, религиозной, экономической и т. д. Юридическая ответственность имеет две формы проявления: проспективная (позитивная) юридическая ответственность и ретроспективная (негативная) юридическая ответственность. Указание на то, что каждая из подвидов правовой ответственности является *юридической*, подчёркивает её социально-правовую «идентичность». Дело не только в том, что её элементы в той или иной степени закреплёны действующими правовыми

нормами и направлены на обеспечение порядка правовых отношений, но и в том, что она заключается в необходимости осуществления особых профессионально-правовых (юридических) действий (при помощи особых правовых способов и средств в особом процедурно-процессуальном порядке), вызывающих особые юридически значимые последствия, либо положительные (в проспективном аспекте), либо негативные (в ретроспективном аспекте).

Как форма проявления правовой ответственности проспективная (позитивная) юридическая ответственность основана на осознаваемой обязанности (ответственной позиции) такого исполнения права, которое выражается в социально-правовой активности, инициативе, в ходе осуществления норм права, которое одобряется и поддерживается государством и даже влечёт за собой специальные меры поощрения. Поэтому существует определённая разница между *простым* правомерным поведением и *специально поощряемым*, отличающимся от первого не только своей повышенной социальной значимостью, но и тем, что служит юридическим основанием для возникновения обеспечительного, а точнее – поощрительного правоотношения, в рамках которого социально-активный субъект вправе потребовать от государства выполнения указанных в поощрительных санкциях благоприятных последствий своего безупречного и ответственного поведения. При этом, как справедливо отмечалось в юридической литературе, поощрительные средства могут взыскиваться принудительно, если появляется в этом необходимость [19].

Соответственно, возникающая только на основе такого специально поощряемого поведения проспективная (положительная) ответственность обладает следующими признаками:

- опирается на государственный аппарат, обеспечивающий реализацию поощрительных санкций;

- выступает за осознанную и воспринятую лицом социальную необходимость совершения специально поощряемых правомерных действий и связана с общественным одобрением;

- выражается в определённых положительных последствиях для совершающего специально поощряемое поведение, являющихся для него новыми социально-правовыми благами (материнским капиталом, премией, условно-досрочным освобождением, более ранним выходом на пенсию, предоставлением кредита на льготных условиях и т. д.), на которые он не мог бы рассчитывать без ответственного отношения к правовому порядку вещей;

- воплощается в особом процедурно-процессуальном порядке, в ходе которого подтверждается факт положительного отношения к соблюдению правовых норм и конкретизируется применяемая мера поощрения.

Только при наличии всех этих обстоятельств можно вести речь о собственно юридической ответственности, пусть и в проспективном плане. Тогда как обычное правомерное поведение не влечёт наступления проспективной юридической ответственности.

Итак, *проспективная (положительная) юридическая ответственность – это признаваемое государством в ряде случаев и возникающее на основе осознанной необходимости соблюде-*

ния правовых норм заранее установленное благоприятное последствие специально-поощряемого поведения, наступающее для конкретного социально-активного субъекта в особом процедурно-процессуальном порядке.

Особое место в правовой системе занимает ретроспективная (негативная) юридическая ответственность как важнейшая форма реализации ответственности правовой. Ей присущи такие юридические свойства:

- возникает на основе правовых предписаний, представляя собой осуществление государственно-принудительных мер, предусмотренных в карательных (штрафных) санкциях правовых норм¹;

- является негативным правовым последствием правонарушающего поведения как ответная реакция государства, осуждающего правонарушителя;

- является для правонарушителя *новой юридической обязанностью*, не существовавшей до совершения им правонарушения и выражающейся в необходимости претерпевания лишения личного, организационного либо имущественного характера;

- реализуется в процедурно-процессуальном порядке, необходимым для установления наличия

¹ Можно согласиться с мнением С. А. Комарова и Д. А. Липинского: «...гражданско-правовая ответственность обладает всеми чертами и характеристиками, свидетельствующими о наличии карательной функции. В решении о привлечении гражданско-правового нарушителя к ответственности содержится его осуждение, порицание. Осуждение всегда содержит элемент кары. Оно негативно действует на психику правонарушителя, причиняет ему нравственные страдания и одновременно служит основой для сужения имущественной сферы последнего» [11, с. 132].

(отсутствия) факта совершения правонарушения и конкретизации применяемой меры государственного принуждения.

Эти свойства раскрывают саму правовую природу ретроспективной (негативной) юридической ответственности, отличая её от смежных социально-правовых явлений. Утрата какого-либо из них приводит к трансформации данного юридического феномена в другое качество (например, в одну из мер юридической защиты). Напротив, наличие всех этих свойств позволяет учёным-юристам характеризовать *ретроспективную* (негативную) *юридическую ответственность как юридическую обязанность правонарушителя претерпевать особые, заранее установленные государством в санкциях правовых норм меры государственно-правового принуждения за совершённое правонарушение в установленном для этого процедурно-процессуальном порядке.*

Данное общепризнанное определение позволяет конкретизировать представление относительно этой формы реализации правовой ответственности и вполне коррелируется с понятием проспективной юридической ответственности.

В юриспруденции до сих пор не выработано единого понимания мер юридической защиты и их отличия от мер юридической ответственности, хотя этот вопрос давно исследуется различными авторами, обращающими внимание на различные стороны этой проблемы. Например, некоторые ученые различали государственно-принудительные, профилактические и превентивные меры правового принуждения и государственно-принуди-

тельные меры, являющиеся реакцией государства в отношении конкретного лица на факт противоправного поведения [2]. При этом в качестве одного из отличительных критериев различия между мерами юридической ответственности и мерами юридической защиты называли вину, так как для возложения мер ответственности на правонарушителя необходимо, чтобы его поведение с субъективной стороны характеризовалось виной. Что касается мер защиты, их возложение не связывается субъективным моментом [9]. Теоретики права вслед за учёными-цивиристами также утверждали, что для применения мер защиты достаточно объективно противоправного действия («правовая аномалия»). Вина не входит в фактическое основание мер защиты; это основание ограничивается фактом нарушения права, интереса управомоченного лица [1].

Продолжая изучение данной проблематики, Р. Хачатуров и Р. Ягутян писали, что в отличие от юридической ответственности меры защиты предусматривают принуждение не в связи с правонарушением и в рамках правоохранительных отношений, а в связи с правоохранительной деятельностью государственных органов и в рамках регулятивных отношений. Если основанием юридической ответственности является правонарушение, то ряд мер защиты применяется для предотвращения правонарушений. Отсутствие отрицательных последствий и государственного осуждения отличает меры защиты от юридической ответственности: меры защиты направлены на обеспечение неприкосновенности прав, а правовая ответственность,

кроме того, на предупреждение правонарушений и наказание виновных [20].

Завершая обзор развития научных представлений по рассматриваемому вопросу, заметим: что и сейчас исследователи полагают, что меры защиты отличаются от юридической ответственности – они наступают за правонарушения, обладающие часто минимальной степенью опасности, или за деяние, представляющее собой «правовую аномалию», незначительные отклонения от нормального правопорядка, не приобретающие характера правонарушения. Меры защиты заключаются в том, что лицо принуждается к исполнению лежащей на нём обязанности, которую оно ранее должно было исполнить, но не исполнило. Дополнительных лишений (помимо исполнения обязанности) в этом случае для лица не наступает. Например, гражданин не исполняет возложенных на него Конституцией и брачно-семейным законодательством обязанностей по содержанию и воспитанию детей. С него в принудительном порядке могут быть взысканы алименты. Это не ответственность, а мера защиты. Ответственность наступает лишь в случае злостного уклонения от уплаты алиментов. В этом случае в соответствии с законодательством (ст. 122 УК РФ) он может быть привлечён к уголовной ответственности, и, кроме исполнения ранее не выполненных, ему могут быть вменены дополнительные лишения: исправительные работы или лишение свободы.

В итоге в общетеоретической литературе обосновывается общий подход, согласно которому юридическая ответственность связана с возложением новой, дополнительной, юридической

обязанности, а меры защиты – с выполнением «старой» обязанности, той, которая была возложена на данного субъекта ранее. Цель мер защиты – не карать, а лишь восстанавливать нарушенное право без привлечения нарушителя к ответственности [12].

В дополнение к этому М. Шиндяпина также отмечала, что меры защиты могут выступать в качестве первичных правоохранительных средств, они могут быть направлены на предотвращение правонарушений. В зависимости от решения вопроса по установлению состава правонарушения лицо, к которому были применены меры защиты, может быть подвергнуто юридической ответственности или освобождено от неё. При применении мер защиты оказывается вполне достаточным только принуждение к исполнению юридических обязанностей. Соотношение мер ответственности и мер защиты рассматривается учёным как различных уровней познания совершенного или возможного совершения в будущем правонарушения. Применение мер защиты или мер юридической ответственности зависит от объёма и содержания информации, которой обладает правоприменитель [22].

В связи с этим В. Ведяхин, делая общие выводы, отмечает, что общеобязательные признаки, характерные именно для всех мер защиты, вывести невозможно. Необходимость же выделения мер защиты существует потому, что нельзя защищать свои права и право в целом только мерами юридической ответственности [5].

В состав этих мер необходимо включать *превентивные, правовосстановительные* меры, меры *юридической ничтожности* (например, признание

брака недействительным, отмена незаконного решения, признание правового акта противоречащим закону), *меры юридической ответственности* (как проспективной, так и ретроспективной).

В пользу необходимости такого интегративного понимания мер юридической защиты свидетельствуют новейшие исследования и в отраслевых науках. В частности, в цивилистике на основе тщательного анализа способов обеспечения обязательств, мер защиты гражданских прав и мер гражданско-правовой ответственности обосновывается отсутствие между ними существенных перегородок и доказывается возможность использования одних и тех же принудительно-правовых средств (в зависимости от сложившейся в реальной юридической практике ситуации, виновности или невиновности сторон в обязательстве и других обстоятельств) для различных целей – предупреждения, восстановления нарушенного права, возмещения причинённого ущерба или в качестве возложения на правонарушителя меры юридической ответственности [13].

Любопытно, что в рамках такой интегративной концепции правовой защиты можно не только показать различия этих мер, способов и форм обеспечения действия права, но и увидеть их взаимовлияние и взаимопереходы. Например, рассматривая проспектив-

ную юридическую ответственность, мы отмечали возможность принудительного исполнения поощрительных мер. А при реализации ретроспективной юридической ответственности имеют место случаи добровольного исполнения правонарушителем принятого решения о применении мер юридической ответственности.

В заключение можно согласиться с тем, что современные научные исследования в области общей теории юридической ответственности охватывают широкий круг вопросов, так или иначе связанных с проблемами понимания и реализации ответственности в праве, а также близкими правовыми явлениями, что делает необходимым обобщение и комплексное восприятие многочисленных государственно-правовых феноменов, задействованных в процессе установления и осуществления юридической ответственности [10, с. 61].

В контексте приведённых рассуждений можно констатировать несовпадение позиций разных исследователей. И в целях преодоления существующих разногласий считаем целесообразным выработать *интегративное понятие мер юридической защиты*, охватывающее собой все предусмотренные действующим законодательством юридические средства, при помощи которых обеспечивается правовая защита реализации права.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев С. С. Социальная ценность права в советском обществе. М.: Юридическая литература, 1971. 223 с.
2. Базылев Б. Т. Социальное назначение государственного принуждения в советском обществе // Правоведение. 1968. № 5. С. 29–36.

3. Базылев Б. Т. Юридическая ответственность (теоретические вопросы). Красноярск: Издательство Красноярского университета, 1985. 120 с.
4. Братусь С. Н. Юридическая ответственность и законность. М.: Юридическая литература, 1976. 216 с.
5. Ведяхин В. М. Меры защиты как правовая категория // Право и политика. 2005. № 5 (65). С. 21–34.
6. Виноградов В. А. Конституционная ответственность: вопросы теории и правовое регулирование. М., 2000. 287 с.
7. Иоффе О. С. Вина и ответственность по советскому праву // Советское государство и право. 1972. № 9. С. 34–43.
8. Карибян С. О. Семейно-правовая ответственность: сущность и правоприменение по законодательству Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. 211 с.
9. Красавчиков О. А. Ответственность, меры защиты и санкции в советском гражданском праве // Проблемы гражданско-правовой ответственности и защиты гражданских прав. 1973. Вып. 27. С. 5–16.
10. Кузьмин И. А. Система юридической ответственности как объект научных исследований // Государство и право. 2018. № 10. С. 61–62.
11. Комаров С. А., Липинский Д. А. Карательная и догматическая функции гражданско-правовой ответственности: взгляд представителей науки теории государства и права // Государство и право. 2018. № 9. С. 129–132.
12. Комаров С. А., Малько А. В. Теория государства и права: учеб. пособие. М., 1999. 448 с.
13. Кулаков В. В. Обеспечение исполнения обязательства, защита гражданских прав, гражданско-правовая ответственность: некоторые проблемы соотношения // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2018. № 4 (51). С. 69–74.
14. Липинский Д. А. Концепции позитивной юридической ответственности в отечественной юриспруденции // Журнал российского права. 2014. № 6. С. 37–51.
15. Малько А. В., Маркунин Р. С. Место и роль юридической ответственности органов публичной власти в концепции правовой политики в сфере юридической ответственности // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2016. № 2 (25). С. 45–48.
16. Смирнов Л. Б. Юридическая ответственность осужденных в пенитенциарных учреждениях (теоретико-правовой аспект): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1990. 199 с.
17. Стручков Н. А. Уголовная ответственность и ее реализация в борьбе с преступностью. Саратов, 1977. 288 с.
18. Тархов В. А. Ответственность по советскому гражданскому праву. Саратов, 1973. 456 с.
19. Фаткуллин Ф. Н. Проблемы теории государства и права: курс лекций. Казань: Издательство Казанского университета, 1987. 336 с.
20. Хачатуров Р. Л., Ягутян Р. Г. Юридическая ответственность. Тольятти: Международная академия бизнеса и банковского дела, 1995. 196 с.
21. Чепус А. В. Теория позитивной юридической ответственности органов исполнительной власти: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2016. 63 с.
22. Шиндяпина М. Д. Стадии юридической ответственности: учеб. пособие. М.: Книжный мир, 1998. 162 с.

REFERENCES

1. Alekseev S. S. *Sotsialnaya tsennost prava v sovetskom obshchestve* [Social Value of Law in Soviet Society]. Moscow, Legal Literature Publ., 1971. 223 p.
2. Bazylev B. T. [The Social Purpose of State Coercion in Soviet Society]. In: *Pravovedenie* [Jurisprudence], 1968, no. 5, pp. 29–36.
3. Bazylev B. T. *Yuridicheskaya otvetstvennost: teoreticheskie voprosy* [Legal Liability: Theoretical Issues]. Krasnoyarsk, Krasnoyarsk University Publ., 1985, 120 p.
4. Bratus S. N. *Yuridicheskaya otvetstvennost i zakonnost* [Legal Liability and Legality]. Moscow, Legal Literature Publ., 1976. 216 p.
5. Vedyakhin V. M. [Means of Protection as a Legal Category]. In: *Pravo i politika* [Law and Policy], 2005, no. 5 (65), pp. 21–34.
6. Vinogradov V. A. *Konstitutsionnaya otvetstvennost: voprosy teorii i pravovoe regulirovanie* [Constitutional Liability: Theory and Legal Regulation]. Moscow, 2000. 287 p.
7. Ioffe O. S. [Guilt and Liability by the Soviet Law]. In: *Sovetskoe gosudarstvo i pravo* [Soviet State and Law], 1972, no. 9, pp. 34–43.
8. Karibyan S. O. *Semeino-pravovaya otvetstvennost: sushchnost i pravoprimerenie po zakonodatel'stvu Rossiiskoi Federatsii: dis. ... kand. yur. nauk* [Family-Legal Liability: the Nature and Enforcement of the Legislation of the Russian Federation: PhD thesis in Juridical sciences]. Moscow, 2016. 211 p.
9. Krasavchikov O. A. [Liability, protection measures and sanctions in the Soviet Civil Law]. In: *Problemy grazhdansko-pravovoi otvetstvennosti i zashchity grazhdanskikh prav* [Issues of Civil Liability and Civil Rights Protection], 1973, no. 27, pp. 5–16.
10. Kuzmin I. A. [The system of legal liability as an object of research]. In: *Gosudarstvo i pravo* [State and Law], 2018, no. 10, pp. 61–62.
11. Komarov S. A., Lipinsky D. A. [Dogmatic and punitive function of civil liability: from the theorists of state and law perspective]. In: *Gosudarstvo i pravo* [State and Law], 2018, no. 9, pp. 129–132.
12. Komarov S. A., Malko A. V. *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law]. Moscow, 1999, 448 c.
13. Kulakov V. V. [Enforcement obligations, the protection of civil rights, civil liability: some problems of correlation]. In: *Uchenye trudy Rossiiskoi akademii advokatury i notariata* [Works of the Russian Academy of Legal Profession and Notary], 2018, no. 4 (51), pp. 69–74.
14. Lipinsky D. A. [The concepts of positive legal liability in Russian law]. In: *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian Law], 2014, no. 6, pp. 37–51.
15. Malko A. V., Markunin R. S. [The place and role of legal liability of state bodies in the concept of legal policy in the sphere of legal liability]. In: *Vektor nauki Tolyatinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Yuridicheskie nauki* [Vector of Science of Tolyatti State University. Series: Jurisprudence], 2016, no. 2 (25), pp. 45–48.
16. Smirnov L. B. *Yuridicheskaya otvetstvennost' osuzhdennykh v penitentsiarnykh uchrezhdeniyakh (teoretiko-pravovoi aspekt): avtoref. dis. ... kand. yur. nauk* [Legal Liability of Convicts in Penitentiary Institutions (Theoretical and Legal Aspects): abstract of PhD thesis in Juridical sciences]. Moscow, 1990. 199 p.
17. Struchkov N. A. *Ugolovnaya otvetstvennost i ee realizatsiya v borbe s prestupnostyu* [Legal Liability and its Enforcement in Fighting Crime]. Saratov, 1977. 288 p.
18. Tarkhov V. A. *Otvetstvennost po sovetskomu grazhdanskomu pravu* [Liability by the Soviet Civil Law]. Saratov, 1973. 456 p.

19. Fatkullin F. N. *Problemy teorii gosudarstva i prava: kurs lektzii* [Issues of the Theory of State and Law: A Course of Lectures]. Kazan, Kazan University Publ., 1987. 336 p.
 20. Khachaturov R. L., Yagutyan R. G. *Yuridicheskaya otvetstvennost* [Legal Liability]. Togliatti, International Academy of Business and Banking Publ., 1995. 196 p.
 21. Chepus A. V. *Teoriya pozitivnoi yuridicheskoi otvetstvennosti organov ispolnitel'noi vlasti: dis. ... dok. yur. nauk* [The Theory of Positive Legal Liability of Executive Bodies: D. thesis in Juridical sciences]. Moscow, 2016. 63 p.
 22. Shindyapina M. D. *Stadii yuridicheskoi otvetstvennosti* [The Stages of Legal Liability]. Moscow, Book World Publ., 1998. 162 p.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шагиева Розалина Васильевна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственно-правовых наук Высшей школы правоведения Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; e-mail: rozalina.shagieva@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Rozalina V. Shagieva – Doctor of Law, professor at the Department of State-Legal Sciences, Higher School of Law at the Institute of Public Service And Administration at the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; e-mail: rozalina.shagieva@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Шагиева Р. В. Юридическая ответственность: теоретико-правовое осмысление основных подходов к ее пониманию // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2019. № 1. С. 39–50.
DOI: 10.18384/2310-6794-2019-1-39-50

FOR CITATION

Shagieva R.V. Legal Liability: Theoretical and Legal Understanding of the Main Approaches to its Interpretation. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2019, no. 1, pp. 39–50.
DOI: 10.18384/2310-6794-2019-1-39-50

УДК 340.13/14:347.918

DOI: 10.18384/2310-6794-2019-1-51-63

ПРИНЦИП ДОБРОСОВЕСТНОСТИ В ПРИМЕНЕНИИ ИСТОЧНИКОВ ПРАВА (ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ НА ОСНОВЕ ПРАКТИКИ МЕЖДУНАРОДНОГО ТОРГОВОГО АРБИТРАЖА)

Чирич А.*Белградский государственный университет**11000, г. Белград, ул. Вука Караджича, д. 1, Республика Сербия*

Аннотация. Автору удалось с юридической точки зрения определить в процессе исследования суть принципа добросовестности в применении источников права на международном уровне. В исследовании используется метод компаративистики, что позволяет доказать, что в практике работы судов в различных странах мира сложилась система требований к автономной интерпретации международных источников права. Однако источники права не могут применяться без опоры на концепции национальных правовых систем. Новизной исследования является выявление тенденций юридической практики, в соответствии с которыми очевидна необходимость реализации принципа добросовестности для продвижения правил автономного торгового права (*lex mercatoria*). Автор раскрывает суть реализации принципа добросовестности при применении разных источников права, выявив *homeward trend* – отрицание автономного подхода к интерпретации международных источников права и пренебрежение их атрибутами интернациональности. Исследование имеет теоретический и практический характер и позволяет правоприменителю увидеть, что строгое применение права и юридической техники может привести к недобросовестным решениям, нарушению справедливости, превращая определённые отношения в так называемые тяжёлые случаи (*hard cases*). Основные выводы заключаются в том, что принятие арбитражного решения на основе добросовестности и честности не означает, что оно основывается только на чувстве права или на справедливой оценке. Оно должно опираться на обстоятельства дела. Следовательно, современное право на национальном, региональном или универсальном уровне предусматривает соответствующие коррективные механизмы в виде применения принципов добросовестности, справедливости, передовой практики и других стандартов.

Ключевые слова: источники права, принцип добросовестности в праве, международное торговое право, *homeward trend* в праве.

THE PRINCIPLE OF GOOD FAITH IN DEALING WITH LEGAL SOURCES (THEORETICAL AND LEGAL STUDY BASED ON INTERNATIONAL TRADE ARBITRATION PRACTICE)

A. Chirić*Belgrade State University, Republic of Serbia**1, Vuk Karadžić st., Belgrade, 11000, Republic of Serbia*

© СС ВУ Чирич А., 2019.

Abstract. The purpose of the study is to determine the meaning of the principle of good faith in international law practices. The author uses the method of comparative studies, which allows us to prove that in court procedures of different countries there is a system of requirements for the autonomous interpretation of international law sources. However, the sources of law cannot be applied without reliance on the concepts of national legal systems. The novelty of the study is to identify trends in legal practice, according to which the need to implement the principle of good faith to promote the rules of Autonomous Commercial Law («lex mercatoria») is obvious. The author reveals the essence of the implementation of the principle of good faith in the application of different sources of law, revealing the homeward trend, i.e. denial of the autonomous approach to the interpretation of international law sources and neglect of their international attributes. The study is both theoretical and practical and allows the law enforcement officer to see that the exact application of law and legal technique can lead to unfair decisions, violation of justice, turning certain relationships into the so-called severe cases (hard cases). The main conclusions of the author are that the adoption of an arbitral award on the basis of good faith and honesty does not mean that it is based only on a sense of law or on a fair assessment. It should be based on the circumstances of the case. Consequently, contemporary law, whether at the national, regional or international level, provides for appropriate remedial mechanisms in the form of the application of the principles of good faith, fairness, best practices and other standards.

Keywords: legal sources, principle of good faith in law, international trade law, homeward trend in law.

Введение

Решение споров по поводу международного оборота товаров, услуг и денег со стороны международных торговых арбитражных органов представляет одну из самых значительных характеристик международного торгового права и международных торговых отношений.

Международный торговый арбитраж в функции органа решения международных торговых споров сужает ширину компетенции государственных судов. Соглашение о компетенции арбитража для регулирования международного торгового или морского спора является конститутивным актом подсудности арбитража и одновременно благодаря позволению со стороны национальных правовых систем актом дерогации подсудности

государственных либо других надлежащих судебных органов.

Источники права для регулирования международных торговых отношений (МТО), которые могут появиться предметом арбитражного разрешения споров, отличаются своей многочисленностью, охватывая широкий ряд норм, как *jus cogens* (императивных), так и *jus dispositivum* (диспозитивных). На основании своего происхождения и способа создания они разделяются на государственные, национальные, международные, наднациональные и автономные нормы [16, р. 3–8].

Органы, решающие споры с международными элементами в лице международных торговых арбитражей и национальных судов, кроме национального права, применяют международные правовые источники, основывая свои решения на их нормах. Такая практика вносит важный вклад в пра-

вовую известность участников международного торгового оборота.

Влияние арбитражных решений несомненное, и оно может быть более значительным для правового порядка на фоне международных отношений по сравнению с судебной практикой либо практикой других государственных органов в национальном праве. Нужно учитывать тот факт, что арбитражная практика должна постоянно гармонизировать существующие различия между правилами национального законодательства.

В практике международного торгового арбитража особое значение придаётся международному характеру, гармонизации, унификации и толкованию источников права международной торговли. Регулирование международных торговых отношений сталкивается с противоречиями интернационального характера коммерческого оборота и расхождением национальных права. Правовые системы различных государств отличаются в регламентации идентичных отношений. Такая ситуация может быть причиной многочисленных расхождений и споров, отрицательно влияющих на правовую известность во взаимоотношениях субъектов международного торгового оборота.

Гармонизация и унификация источников права международных торговых отношений обеспечивают субституцию применения решений национальных юридических систем, которые содержат разнообразные ответы на одни и те же вопросы в связи с регулированием классических видов работ с традиционным и новым содержанием.

В арбитражных решениях часто встречаются правила *common law*, а

также нормы наднационального, комунитарного права Европейского Союза. Необходимо подчеркнуть, что процесс продвижения правил автономного торгового права (*lex mercatoria*) также является основанием для расширения роли арбитражного способа разрешения споров и увеличения значения арбитражной практики как специфического вида источника МПП на основе применения унифицированных международных источников права.

В широком значении *lex mercatoria* включает в себя конвенции, международные договоры, общие принципы права и другие инструменты регулирования международных коммерческих отношений, обладающих различной правовой силой, а также саму арбитражную практику¹. Особое место сре-

¹ Концепция о государстве как о едином создателе права появлением *lex mercatoriae* подвергается серьёзной проверке. Несмотря на различные подходы в доктрине о том, считается ли *lex mercatoria* самостоятельным правопорядком, который можно применять независимо от государственного правового порядка, в практике появляются арбитражные соглашения со ссылками на применение правил автономного торгового права – *lex mercatoria*. Международные торговые арбитражи уважают источники *lex mercatoria*, ставя их в основу своих решений. (См: Симовић А. *Lex mercatoria* као извор међународног трговинског права у пракси Спољнотрговинске арбитраже при Привредној комори Србије // «Арбитража». 2008. Бр. 5. С. 65.).

Источников автономного торгового права множество. Самыми значительными среди них являются: модельные законы; кодифицированные правила; типовые договоры; общие условия; обычаи и узанции; обычаи оборота товаров и услуг; деловые обычаи; деловые и производственные стандарты; *soft law*; арбитражная практика национального и международного арбитража и др. О применении источников права со стороны международных торговых арбитражей (см. Чирич А. Международный торговый арбитраж: Применение автономных ис-

ди них занимают Конвенция ООН о договорах международной купли-продажи товаров (ВК 1980) и источники права мягкого нормативитета – *soft law*.

Общие характеристики источников права международной торговли

Исходя из того, что источники права в материально-правовом смысле связываются с общественными факторами и с причинами, из которых они происходят, возникает вопрос: кто создаёт право международной торговли, включающее правила для разрешения международных торговых споров? Традиционно на уровне обществ, организованных в лице самых государств, воля «правлящего класса» является материальным источником права. Когда речь идёт о факторах, определяющих создание источников права международного характера, поиск ответа на этот вопрос оказывается более сложным. Движущей силой их создания является «международное сообщество». Оно воплощено в форме международных организаций универсального и регионального характеров, а также и в «мировом сообществе трейдеров». Все они влияют на создание источников права в формальном смысле, которые являются применимым правом, включая и процесс в ходе разбирательства арбитражных споров.

Современные общественные факторы создания источников международного торгового права опираются на транснациональные рыночные структуры, которые имеют и свои регуляторные («законодательные») институты источников права // Материалы Первых международных арбитражных чтений памяти академика И. Г. Побирченко. Киев, 2014. С. 80–92).

ции (*formulating agencies*) [18, p. 230]. Эти факторы являются отражением влияния экономически мощных элитных торговых кругов, обозначенных как «меркатократия» (*mercatoocracy*) [20, с. 27]. Их создают транснациональные компании и их ассоциации, эксперты и представители международных правительственных и неправительственных организаций [28]. Они вместе являются факторами процессов унификации, гармонизации и глобализации международных торговых отношений. Все это может серьезно повлиять и на существующую практику международных арбитражных торговых центров на нашей планете. В связи с этим надо подчеркнуть, что национальные источники права, регулирующие международные торговые отношения, всё больше подвергаются международному правовому режиму, который должен защищать не только национальные, но и интересы международного рынка [19, с. 39].

Неолиберализм во главе с меркатократией считает частное регулирование торговли наиболее прогрессивным методом для достижения международной конкурентоспособности [28]. Глобальный либеральный мир требует от государства стать «адаптером» отечественного хозяйства, чья структура послужит не только национальным потребностям, но и интересам международного рынка. Государство теряет свои традиционные черты бескомпромиссного «защитника» национального хозяйства от более конкурентоспособных иностранных акторов на национальном и на международном рынке [19].

Организация Объединённых Наций отдельной резолюцией объявила,

что существование сравнительных различий в источниках права национального характера является серьёзным препятствием к развитию международной торговли¹. Следовательно, применяется тренд унификации правовых источников, регулирующий отношения по международной торговле в национальных государственных системах.

Процесс унификации права международной торговли медленно, но всё же приходит к единым решениям в связи с многочисленными вопросами международных торговых отношениях. Цель этого процесса – предотвращение коллизии национальных законов и восстановление правовой предсказуемости и известности в нормировании международной торговли. Но возникает вопрос: успевает ли система унифицированных национальных юридических норм учесть и предусмотреть все потребности современной международной торговли и мирового рынка?

Каждое государство определяет национальные формальные правовые рамки внешнеторговой деятельности, а гармонизация и унификация источников права, регулирующих международные торговые отношения, постоянно влияют на субституцию применения национальных юридических норм.

В настоящее время очевидна тенденция интеграции универсальных и региональных автономных правовых актов, которые приобретают всё большее значение для правового регулирования. Это позволяет говорить

о необходимости создания иных так называемых унифицированных актов. Вместе с тем не только нормативные правовые акты регулируют указанную сферу, но и договорные отношения в сфере международного делового оборота становятся всё более самостоятельными в отношении национального законодательства. Происходит их как бы параллельное регулирование. Таким образом, постепенно артикулируется международный функциональный эквивалент как субститут в области торгового права.

Автономные международные торговые источники являются важными составляющими в системе правового регулирования коммерческого делового оборота. Они же играют и важную роль в арбитражной практике. Исследование показало, что они эффективно применяются в условиях толерантности государственного правопорядка, заменяя применение национальных диспозитивных норм.

О необходимости единообразного способа толкования правовых норм международного характера

Необходимость единообразного толкования международных источников права происходит из их международного характера. Так, например, в тексте Венской Конвенции (ВК) в ст. 7. п. 1 с целью материальной, субстантивной унификации предусмотрено, что «при толковании Конвенции надо учитывать её международный характер и необходимость продвижения однородности ее применения и соблюдения добросовестности в международной торговле». Такая норма означает, что термины и понятия,

¹ Резолюция ООН 2102 (XX), 1965 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.uncitral.org/pdf/russian/yearbooks/yb1968-70-r/vol1-p20-52-r.pdf> (дата обращения: 12.12.2018).

содержащиеся в международных источниках права (включая Конвенцию) нельзя автоматически трактовать на основании методов и измерений любого национального права, которые применяются при толковании их национальных источников [21; 22; 23]. Это правило ВК несомненно относится и к остальным источникам права международной торговли.

Международный характер источников права и обычаев требует учитывать со стороны арбитражей, что **международные элементы имеют преимущество** над национальным.

Новой задачей правового сообщества, кроме акцептации универсальных правовых норм, является их единственное толкование на планетарном и национальном уровнях в ходе их применения в деловой и арбитражной практиках. Но часто им противоречит явление, которое в дискурсе юридической науки обозначается как *homeward trend*.

Что такое *homeward trend*

Международные источники права вносят значительный вклад в гармонизацию и унификацию права международной торговли. Однако в практике применения источников такого рода стороны, а также судебные органы отдельных государств, трактуют единообразный международный юридический текст согласно концептам партикулярных национальных правовых традиций с укоренившимися местными пониманиями. Такой подход особо проявляется, когда существует терминологическое совпадение или сходство между нормами международных

источников права и положениями национального законодательства.

Тенденция интерпретации международных правил на основе внутренних национальных правовых актов называется *homeward trend*. Этот тренд представляет собой отрицание автономного подхода к интерпретации международных источников права, а также пренебрежение атрибутами интернациональности.

В литературе подчеркивается, что *homeward* тенденция является характерной для судебной и арбитражной практик Соединённых Штатов, чьи форумы на основе прецедентного права в применении положений Единообразного торгового кодекса США толкуют и положения Венской Конвенции, особенно если существуют терминологические совпадения или сходство между их нормами [21].

Юриспруденция подчёркивает, что особый вид *homeward trend'a* проявляется и в случае ссылок судов на позиции судебной практики, основывающихся на толковании правовых институтов и норм в контексте национального права.

По сути, *homeward* противоречит автономному конспекту интерпретации международных единообразных правил и приводит к так называемому процессу *lex forism*. В принципе, *lex forism* является одним из вариантов *homeward trend'a*, который сконцентрирован на применении права арбитражного форума (*lex fori*), решающего конкретный спор¹.

¹ В практике существуют примеры *lex forism'a* в виде оспаривания Венской Конвенции учредительного элемента закона суда (*lex fori*), даже если ее применение частично или в полном объёме не исключается в соответствии со ст. 6 Конвенции.

В деле Т-16/2013 по спору перед Внешнеторговым арбитражем при Хозяйственной палате Сербии в Белграде (нынешний Постоянный арбитраж) между продавцом из Сербии и иностранным заказчиком в соответствии с положениями Арбитражного соглашения в договоре купли-продажи истец и ответчик согласились о применении надлежащего права Республики Сербии. Истец на слушании дела ссылаясь на ст. 6 договора и утверждал, что применение законов страны форума (арбитража) исключает применение международных источников права. По его словам, формулировка арбитражной оговорки, которая указывает на применение законодательства Сербии, исключает применение Конвенции ООН к международным договорам купли-продажи товаров (ВК 1980). Единоличный арбитр в связи с позицией истца исходил из принципа «*opting out*» (в связи применением ВК), в соответствии с которым предполагается применение Конвенции, если стороны не исключили её действия в отношении конкретных взаимных договорных отношений.

В конкретном случае стороны имели коммерческие помещения в Сербии и Словении, которые присоединились к Венской Конвенции. Ст. 1 Конвенции предусматривает, что она применяется к договорам купли-продажи товаров между сторонами, коммерческие предприятия которых находятся в разных государствах:

а) когда эти государства являются договаривающимися государствами («прямое применение» Конвенции);

б) когда согласно нормам международного частного права применимо право договаривающегося государства («косвенное применение»).

В конкретном случае стороны не исключили применения Венской Конвенции, ратифицированной Сербией, следовательно, Конвенция является составным элементом надлежащего законодательства Сербии, чье применение стороны четко и однозначно прописали в ст. 6 договора.

Арбитр согласно ст. 7. ст. 1 Венской Конвенции указал, что при толковании Конвенции надо «учитывать её международный характер, с целью ее единообразного применения и уважения принципа добросовестности в международной торговле».

Кроме того, «международный характер» Конвенции в качестве критерия её толкования обязывает дать преимущество «международно-

Последствия *homeward* подхода несут риск дивергентных толкований, что само по себе может привести к неправильному применению международных автономных источников права, включая и Конвенцию [27]. Поскольку текст Конвенции по-разному трактуется даже странами-участниками ВК, то достичь цели о её единообразном применении в одинаковых правовых ситуациях пока не удаётся. Это приводит к различным судебным и арбитражным практикам в зависимости от форума, где решается спор, что в свою очередь провоцирует появление так называемого *forum shopping*¹.

Толкование применимого права и соблюдение начала добросовестности

Строгое применение права и юридической техники иногда может привести к недобросовестным решениям, превращая определённые отношения в так называемые тяжелые случаи (*hard cases*). Требования строгого соблюдения формальных прав порой приводят к нарушению справедливости. Следовательно, современное право на национальном, региональном или универсальном уровнях предусматривает соответствующие коррективные механизмы в виде применения принципов

му» в конкуренции с «национальным». По этим причинам арбитр совершенно верно применил Венскую Конвенцию к разрешению спора, а не соответствующие нормы закона Сербии, на чём настаивал истец (См.: Ђирић А. Стална арбитража при Привредној комори Србије, Предмет Т-16/2013 // Међународно трговинско право, посебни део. Ниш, 2018. С. 98).

¹ *Forum shopping* – термин, используемый для обозначения попыток перенести разбирательство дела в юрисдикционный орган, чье решение предположительно окажется более выгодным для одного из участников процесса.

добросовестности, справедливости, передовой практики и других стандартов.

Определённое внимание к этому вопросу было уделено ещё в древнем римском праве путём применения института *bona fides* – соблюдения моральных норм, добросовестности, хороших обычаев и первоначальной честности [7; 8; 9; 10; 11]. В международном частном и торговом праве эти ценности достигаются установлением баланса в деловых отношениях сторон [6, p. 260].

Начало добросовестности является связующим звеном между правом и моралью. Как ни одно общество не может выжить, если не основывается на этическом содержании, так и в сфере договорных отношений между лицами среди прочего должны присутствовать доверие и честность [12, p. 131].

Начало добросовестности является воплощением этического и социального субстрата общества. Оно восстанавливает противовес индивидуалистическому принципу автономии воли договаривающихся сторон, вследствие чего можно сказать, что эти два принципа представляют пример диалектического единства противоположностей [13].

С точки зрения правовой природы, принципу добросовестности уделяется значение генеральной клаузулы, правового стандарта либо бланкетной нормы [12, с. 7]. По господствующей позиции в теории речь идёт о стандарте, чьё содержание не дано ни в отношении предпосылок, ни с точки зрения санкций.

В юриспруденции подчеркивается, что понятие добросовестности относится к надёжности, открытости и

честности сторон договорных отношений, к готовности выполнять договорные обязательства в полном объёме и надлежащим образом. Честность же означает намерение каждого участника деловых отношений оправдать доверие, которое ему дарит другая сторона [1; 2; 3; 4].

Перед судьёй или арбитром стоит задача определить истинное содержание договорных отношений с учётом всех обстоятельств дела. Применением этого стандарта осуществляется «морализация» договорных отношений, поскольку то, что не запрещено, может быть несправедливым [5, p. 54].

Обязательство уважения принципа добросовестности при интерпретации положений международного характера подразумевает, что судья или арбитр не будут толковать их способом, который обеспечит защиту нечестного или недобросовестного поведения одной из сторон в конкретном правовом отношении. Нормы этого принципа кратко прописаны в ст. 7. п. 1 Венской Конвенции и касаются вопросов международного характера и необходимости содействовать достижению единообразия в её применении: «При толковании настоящей Конвенции надлежит учитывать ее международный характер и необходимость содействовать достижению единообразия в ее применении и соблюдению добросовестности в международной торговле».

Несмотря на краткость формулировки нормы и на отсутствие в положениях ВК эксплицитного обязательства действовать добросовестно, традиционная суть этого принципа имплицитно пронизывает весь текст Конвенции.

Таким образом, Конвенция трактует принцип добросовестности в полном, целостном (холистическом) смысле. Толковательная оговорка Конвенции представляет собой своего рода императивный наказ суду либо арбитражу, что в зависимости от обстоятельств конкретного дела признаются условия для применения тех положений, которые косвенно выражают суть принципа добросовестности в международной торговле. Речь идёт о положениях, которые могут быть классифицированы в соответствии с основными требованиями, являющимися имманентными стандарту добросовестности в деловых операциях:

а) полный, честный и добросовестный обмен соответствующей информацией;

б) невозможность сторон защищать свои интересы на основании недобросовестного поведения, которое впоследствии приведёт к невозможности исполнения контракта;

в) минимализация ущерба в результате расторжения контракта [25].

Суды и арбитражные органы, решая конкретный спор между сторонами с применением международных правовых норм, обязаны учитывать, будут ли их решения способствовать улучшению стандарта добросовестности в международной торговле.

Однако принцип добросовестности не следует рассматривать только как средство интерпретации в руках судей и арбитров. До судов и арбитражных трибуналов этот принцип в качестве императива должны соблюдать и договаривающиеся стороны. Если от сторон не требовать соблюдения принципа добросовестности, интерпретация данного стандарта будет под угрозой [14].

Другими словами, стандарт добросовестности не может существовать в вакууме. Его невозможно применить в судебной и арбитражной практике, если его не уважают и не соблюдают сами стороны деловых отношений [17; 24; 26].

Со своей стороны суды и арбитражи обязаны уважать данный стандарт [5, р. 53, 54]. Так, на основании положения Конвенции в п. 1 ст. 7 судья или арбитр не должен использовать нормы, предусмотренные в конвенциях, законах либо договорах, которые противоречат обязательству соблюдения добросовестности в международной торговле.

Хотелось бы подчеркнуть, что применение принципа добросовестности со стороны международного коммерческого арбитража несёт с собой определённую угрозу правовой определённости из-за его возможного ошибочного применения.

«Метод применения стандарта добросовестности и честности не означает, что он является результатом “субъективного чувства права” со стороны арбитров или их “справедливой оценке”. Оно должно опираться на объективные критерии и обоснованную объективизацию конкретных обстоятельств дела» [12].

Заключение

Анализ проблемы показал, что автономное международное торговое право или современная *lex mercatoria* исчерпывает легитимность своего применения, в том числе и со стороны международных арбитражных органов.

Следует отметить, что, несмотря на требования к автономной интерпретации международных источников права, они, однако, не могут применяться и толковаться без какой-либо опоры на концепции национальных правовых систем. Такой вывод напрашивается из самого текста Венской Конвенции: ст. 1.1. п. б) и ст. 7. п. 2 ссылаются на коллизионные нормы международного частного права как составной части внутренней национальной правовой системы [15, р. 23]. Это означает, что

обязательство строгого автономного толкования ВК как её самого важного начала имеет преимущественный, но не всегда абсолютный характер.

Принятие арбитражного решения на основе добросовестности и честности не означает, что оно основывается только на чувстве права или справедливой оценке. Оно должно опираться на правила, требующие конкретизации в соответствии с объективными критериями особых обстоятельств дела.

ЛИТЕРАТУРА

1. Нам К. В. Принцип добросовестности. Отдельные аспекты. Вещное право // *Zakon.ru* [сайт]. URL: https://zakon.ru/blog/2018/10/7/princip_dobrosovestnosti_otdelnye_aspekty_veschnoe_pravo (дата обращения: 03.03.2019).
2. Кузьмин И. А. Объективные и субъективные предпосылки толкования права // *Сибирский юридический вестник*. 2017. № 3. С. 8–12.
3. Певцова Е. А., Клишина А. В. О некоторых аспектах правосознания адвокатов: историко-правовое исследование // *Право и образование*. 2014. № 2. С. 144–156.
4. Певцова Е. А., Соколов Н. Я. Профессиональное поведение юристов в электронном государстве в случаях несовершенства законодательства // *Журнал Российского права*. 2018. № 6 (258). С. 40–49.
5. Васиљевић М. Трговинско право. Београд, 2012. 583 р.
6. Вулетих В. Од bona fides до начела савесности и поштења // *Анали Правног факултета у Београду* 2010. № 1. Р. 258–187.
7. Ferdinand U. Obyčajové právo mešťanov do 13. Storočia // *Historicky Casopis*. 2018. Vol. 66. Iss. 2. P. 219–239.
8. Handrlica J. «Atomic Law» or «Nuclear Law»? An Academic Discussion Revisited // *BRICS Law Journal*. 2018. Vol. V. Iss. 3. P. 135–151.
9. Harrington K. J., Nutting C. M. Bravo for PRAVO // *The Lancet Oncology*. 2010. № 11 (5). P. 407–408.
10. Kutleља M. Dialogue between bioethics and biopolitics: The right to life of elderly people // *Diacovensia: teološki prilozi*. 2018. Iss. 26. № 3. P. 437–456.
11. Љкрк М. Ozn in pravo morja // *Teorija in Praksa*. 2016. Iss. 53 (1). P. 86–102.
12. Стојановић Д. Савесност и поштење у промету. Савремена администрација. Београд, 1973. 139 р.
13. Vukorepa I. Migracije i pravo na rad u Europskoj Uniji // *Zbornik Pravnog Fakulteta u Zagrebu*. 2018. № 68 (1). P. 85–120.
14. Цветковић П. Н. Тумачење уговора о међународној продаји робе: улога принципа добре вере и проблем «међународне» интерпретације // *Право и привреда*. 2001. Р. 966–979.
15. Ђирић А. Међународно трговинско право. Општи део. Ниш, 2010. 554 р.
16. Ђирић А. Међународно трговинско право. Посебни део. Ниш, 2012. 536 р.

17. Bridge M. Uniformity and Diversity in the Law of International Sale. The CISG and Uniform Law // *Pace International Law Review*. 2003. Vol. 15. Iss. 1. P. 72–88.
18. Cerny P. *The Changing Architecture of Politics: Structure, Agency and the Future of the State*. London: Sage Publications, 1990. p. XVIII, 267.
19. Cox R. *Critical Political Economy // International Political Economy. Understanding Global Disorder*. London & New Jersey: Zed Books, 1995. P. 31–45.
20. Cutler C. Public Meets Private: The International Unification and Harmonisation of Private International Trade Law // *Global Society*. 1999. Vol. 13. No. 1. P. 25–48.
21. Ferrari F. Tribunale di Vigevano: Specific Aspects of the CISG Uniformly Dealt With [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cisg.law.pace.edu/cisg/biblio/ferrari6.html> (дата обращения: 12.12.2018).
22. Honnold J. Uniform Law for International Sales under the 1980 United Nations Convention [Электронный ресурс] URL: <http://www.cisg.law.pace.edu/cisg/biblio/honnold.html> (дата обращения: 03.03.2019).
23. Huber P., Mullis A. The CISG. A New Textbook for Students and Practitioners [Электронный ресурс]. URL <http://bookre.org/reader?file=1162203&pg=4> (дата обращения: 03.03.2019).
24. Keily T. Good Faith and the Vienna Convention on Contracts for the International Sale of Goods (CISG) [Электронный ресурс] URL: https://www.trans-lex.org/131400/_/keily-troy-good- (дата обращения: 12.12.2018).
25. Klein J. Good Faith in International Transactions // *Liverpool Law Review*. 1993. No. 15. P. 125–134.
26. Koneru P. The International Interpretation of the UN Convention on Contracts for the International Sale of Goods: An Approach Based on General Principles // *Minnesota Journal of Global Trade*. 1997. No. 6. P. 105–152.
27. Lookofsky J. The 1980 United Nations Convention on Contracts for the International Sale of Goods [Электронный ресурс] URL: <http://www.cisg.law.pace.edu/cisg/biblio/lookofsky.html> (дата обращения: 29.07.2018).
28. Ruggie J. Trade Protectionism and the Future of Welfare Capitalism // *Journal of International Affairs*. 1994. Vol. 48. No. 1. P. 1–11.

REFERENCES

1. Nam K. V. [The principle of good faith. Individual aspects. Property law]. In: *Zakon.ru*. Available at: https://zakon.ru/blog/2018/10/7/princip_dobrosovestnosti_otdelnye_aspekty_veschnoe_pravo (accessed: 03.03.2019).
2. Kuzmin I. A. [Objective and subjective conditions of law interpretation]. In: *Sibirskii yuridicheskii vestnik* [Siberian Legal Bulletin], 2017, no. 3, pp. 8–12.
3. Pevtsova E. A., Klishina A. V. [Some aspects of lawyers' legal consciousness: historical and legal research]. In: *Pravo i obrazovanie* [Law and Education], 2014, no. 2, pp. 144–156.
4. Pevtsova E. A., Sokolov N. Y. [The professional conduct of lawyers in cybernetic state in cases of the imperfection of legislation]. In: *Zhurnal Rossiiskogo prava* [Journal of Russian Law], 2018, no. 6 (258), pp. 40–49.
5. Vasilević M. [Trade Law]. Belgrade, 2012, 583 p.
6. Vuletić V. [From *Bona Fides* to the Principal of Good Faith]. In: *Annals of the Faculty of Law in Belgrade*, 2010, no. 1, pp. 258–187.
7. Ferdinand U. Obyčajové právo mešťanov do 13. Storočia. In: *Historicky Casopis*, 2018, vol. 66, iss. 2, pp. 219–239.

8. Handrlica J. «Atomic Law» or «Nuclear Law»? An Academic Discussion Revisited. In: *BRICS Law Journal*, 2018, vol. V, iss. 3, pp. 135–151.
9. Harrington K. J., Nutting C. M. Bravo for PRAVO. In: *The Lancet Oncology*, 2010, no. 11 (5), pp. 407–408.
10. Kutleša M. Dialogue between bioethics and biopolitics: The right to life of elderly people. In: *Diacovensia: teološki prilozi*, 2018, iss. 26, no. 3, pp. 437–456.
11. Škrk M. Ozn in pravo morja. In: *Teorija in Praksa*, 2016, iss. 53(1), pp. 86–102.
12. Stojanović D. Савесност и поштење у промету. Савремена администрација. Београд, 1973. 139 p.
13. Vukorepa I. Migracije i pravo na rad u Europskoj Uniji. In: *Zbornik Pravnog Fakulteta u Zagrebu*, 2018, no. 68 (1), pp. 85–120.
14. Tsvetković P. N. [The Interpretation of International Sale Contracts: Good Faith Principle and “International” Approach]. In: *Law and Economy*, 2001, pp. 966–979.
15. Chirić A. [International Trade Law. General Part]. Niš, 2010. 554 p.
16. Chirić A. [International Trade Law. Special Part]. Niš, 2012. 536 p.
17. Bridge M. Uniformity and Diversity in the Law of International Sale. The CISG and Uniform Law. In: *Pace International Law Review*, 2003, vol. 15, iss. 1, pp. 72–88.
18. Cerny P. The Changing Architecture of Politics: Structure, Agency and the Future of the State. In: London: Sage Publications, 1990, pp. XVIII, 267.
19. Cox R. Critical Political Economy. In: *International Political Economy. Understanding Global Disorder*. London, New Jersey, Zed Books, 1995, pp. 31–45.
20. Cutler C. Public Meets Private: The International Unification and Harmonisation of Private International Trade Law. In: *Global Society*, 1999, vol. 13, no. 1, pp. 25–48.
21. Ferrari F. Tribunale di Vigevano: Specific Aspects of the CISG Uniformly Dealt With. In: Available at: <http://www.cisg.law.pace.edu/cisg/biblio/ferrari6.html> (accessed: 12.12.2018).
22. Honnold J. Uniform Law for International Sales under the 1980 United Nations Convention. In: Available at: <http://www.cisg.law.pace.edu/cisg/biblio/honnold.html> (accessed: 03.03.2019).
23. Huber P., Mullis A. The CISG. A New Textbook for Students and Practitioners. In: Available at: <http://bookre.org/reader?file=1162203&pg=4> (accessed: 03.03.2019).
24. Keily T. Good Faith and the Vienna Convention on Contracts for the International Sale of Goods (CISG). Available at: https://www.trans-lex.org/131400/_/keily-troy-good (accessed: 12.12.2018).
25. Klein J. Good Faith in International Transactions. In: *Liverpool Law Review*, 1993, no. 15, pp. 125–134.
26. Koneru P. The International Interpretation of the UN Convention on Contracts for the International Sale of Goods: An Approach Based on General Principles. In: *Minnesota Journal of Global Trade*, 1997, no. 6, pp. 105–152.
27. Lookofsky J. The 1980 United Nations Convention on Contracts for the International Sale of Goods. In: Available at: <http://www.cisg.law.pace.edu/cisg/biblio/lookofsky.html> (accessed: 29.07.2018).
28. Ruggie J. Trade Protectionism and the Future of Welfare Capitalism. In: *Journal of International Affairs*, 1994, vol. 48, no. 1, pp. 1–11.

БЛАГОДАРНОСТИ

Статья является результатом работы в рамках Проекта Н0-179046 Министерства образования, науки и технологического развития Республики Сербии.

ACKNOWLEDGMENTS

The article is the result of work under the Project H0-179046 of the Ministry of Education, Science and Technological Development of the Republic of Serbia.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Александр Чирич – доктор юридических наук, профессор, профессор права Белградского государственного университета, заместитель председателя Постоянного арбитража при Хозяйственной палате Республики Сербии в Белграде, арбитр;

e-mail: aciric@prafak.ni.ac.rs

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dr. Alexander Chirić – Doctor of Law, professor, Deputy Chairman of the Permanent Court of Arbitration at the Chamber of Economy of the Republic of Serbia in Belgrade, arbitrator, Professor of law at Belgrade State University, Republic of Serbia;

e-mail: aciric@prafak.ni.ac.rs

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Чирич А. Принцип добросовестности в применении источников права (теоретико-правовое исследование на основе практики международного торгового арбитража) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2019. № 1. С. 51–63.

DOI: 10.18384/2310-6794-2019-1-51-63

FOR CITATION

Chirić A. The Principle of Good Faith in Dealing with Legal Sources (Theoretical and Legal Study Based on International Trade Arbitration Practice). In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2019, no. 1, pp. 51–63.

DOI: 10.18384/2310-6794-2019-1-51-63

УДК 340.11

DOI: 10.18384/2310-6794-2019-1-64-71

РОЛЬ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ ФУНКЦИИ ПРАВА В ФОРМИРОВАНИИ ПРАВОСОЗНАНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПРАВОНАРУШИТЕЛЕЙ, ИЗОЛИРОВАННЫХ ОТ ОБЩЕСТВА

Сапогов В. М.¹, Лещенко О. В.²

¹Псковский государственный университет

180007, г. Псков, ул. Красноармейская, д. 1, Российская Федерация

²Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, Псковский филиал

180014, г. Псков, Зональное шоссе, д. 28, Российская Федерация

Аннотация. Актуальность исследуемой проблемы обусловлена необходимостью изучения современных представлений о проявлении воспитательной функции права в сфере противоправного поведения несовершеннолетних. В связи с этим данная статья направлена на определение роли воспитательной функции права в сфере функционирования учреждений, изолирующих несовершеннолетних правонарушителей от общества, воздействия права на формирование правосознания и правоообразного поведения несовершеннолетних правонарушителей. В статье представлен авторский подход к определению правовой коммуникации, правового воспитания и правовых ограничений несовершеннолетних правонарушителей в условиях изоляции от общества. Обозначены возможные положительные изменения в правовом сознании несовершеннолетних от применения правовых средств, а также ориентиры для выбора средств достижения цели воспитательной функции права.

Ключевые слова: воспитательная функция права, правовая коммуникация, правовое воспитание, правовое сознание, несовершеннолетние правонарушители, изолированные от общества.

EDUCATIONAL FUNCTION OF LAW IN RAISING LEGAL AWARENESS OF JUVENILE OFFENDERS IN CONFINEMENT

V. Sapogov¹, O. Leschenko²

¹Pskov State University

1, Krasnoarmeyskaya st., Pskov, 180007, Russian Federation

²Pskov Branch of the Academy of Law Management of the Federal Penal Service of Russia

28, Zonalnoe highway, Pskov, 180014, Russian Federation

Abstract. The relevance of the studied problem is in the need of developing new views on educational function of law with regard to delinquents. The article is aimed at identifying the educational function of law in penitentiary institutions for juvenile offenders, its influence on the

formation of delinquents' sense of justice and law. The article presents the authors' approach to the definition of legal communication, legal education and legal restrictions of juvenile offenders in confinement. Some possible positive changes have been forecasted in the legal consciousness of juveniles in case of implementing legal means, and the guidelines for their use have been provided.

Keywords: educational function of law, legal communication, legal education, legal awareness, juvenile offenders in confinement.

Происходящие изменения правовых систем и общественных отношений в мировом масштабе привели к модернизации представлений о функциях права.

С позиций аналитической юриспруденции право как инструмент социального управления формируется из правовых средств и механизмов, применение которых приводит к достижению требуемых результатов в решении задач воздействия права на общественные отношения [8]. В этом аспекте выделяются и активно исследуются функции права, а также может быть определена социальная ценность правового воздействия как системного правового образования.

Ориентация человека в правовом пространстве в отношении допустимого и недопустимого, необходимого и желательного является одной из важнейших задач, решаемых правом, решение которой мало вероятно без сформированного индивидуального правового сознания. Определённое качество правосознания, правоообразное активное поведение человека, на наш взгляд, является целью воспитательной функции права.

В российской юридической науке важную роль воспитательной функции права, которая позднее была признана одной из социальных функций права в начале XX в. отмечал выдающийся правовед Л. Петражицкий.

Особую актуальность в условиях глобализации приобретает исследование проявлений воспитательной функции права в процессах правовой аккультурации, адаптации людей, воспитанных в рамках иной правовой системы, к правовой реальности страны пребывания, а также в сфере противоправного поведения, которое проявляется в рассматриваемых процессах.

В числе основных жертв неадаптации к регулирующему воздействию права и правового нигилизма выступают несовершеннолетние. Если по каким-то субъективным и объективным причинам право становится не способным оказать воспитательное воздействие на ребёнка, помочь ему осознать необходимость правоообразного поведения, возникают предпосылки для трансформации его девиантного поведения в делинквентное.

Общество в лице государственных институтов реагирует на крайние формы противоправного поведения несовершеннолетних их изоляцией от общества и создаёт условия для их социальной и правовой реабилитации.

Право, исходя из эффективности его воспитательной функции относительно несовершеннолетних правонарушителей, изолированных от общества, может быть рассмотрено на основе подхода немецких исследователей, определяющих его коммуникативной, связующей, реагирующей

на потребности и нужды ребёнка, формирующей, эффективной социально-ориентированной сущностью общества, способной решать нестандартные задачи правового государства [11; 12].

В отечественной и зарубежной теории права активно разрабатывается коммуникативная теория правопонимания. Её сторонники определяют право специфичной формой коммуникации, которая реализует механизм социального взаимодействия нормативно-правовых процессов и явлений.

Для немецких исследователей характерно обращение к правовой коммуникации как в аспекте её проявления в повседневной правовой жизни, так и в призме нормативно-правовых процессов, через которые в институциональных рамках права создаются государственно-организованные правовые системы, например, системы правотворчества, управления, судопроизводства и т. п. Правовая коммуникация связывается не столько со средствами коммуникации (язык, тексты), сколько с уже институализированным межличностным поведением, в котором проявляются и закрепляются нормы права.

Правовая система в таком правопонимании – это глобальная процессуальная коммуникативная система, которая сочетает в себе структурные связи: институциональные, нормативно-фактические, организационные [10; 13; 14].

В отечественной юриспруденции А. Поляков определяет правовую коммуникацию как взаимодействие субъектов права, возникающее на основе социальной интерпретации правовых текстов и предоставляющее субъектам

права определённые правовые правомочия и обязанности, проявляющиеся в правовом поведении [5, с. 13–16].

Представлены и иные научные взгляды на определение правовой коммуникации: особая форма социального взаимодействия [1], деятельность субъектов права, которая направлена на получение новой информации, имеющая выражение в знаковой форме [7, с. 88], специфическое средство общения (взаимодействия), благодаря которому осуществляется систематическое распространение информации о правовых нормах с целью упорядочивания (регулирования) поведения субъектов права [6, с. 150].

На наш взгляд, в условиях изоляции несовершеннолетних правонарушителей от общества правовую коммуникацию следует определить специфической формой взаимодействия и общения, основанной на систематическом распространении (передаче) правовой информации между субъектами права в целях формирования позитивного правосознания, правовой культуры и правообразного поведения воспитанников учреждений закрытого типа.

Позитивное правосознание будет свойственно несовершеннолетнему правонарушителю, изолированному от общества, при наличии следующих признаков: обладание в соответствии с возрастом минимальным объёмом правовых знаний, умений и навыков, понимание содержания правовых предписаний и готовность их соблюдать (использовать), осознание ценности права.

Правомерным можно считать такое поведение несовершеннолетних, которое обладает признаками норматив-

ности, общественной значимости, ответственности правовым предписанием и направленностью на удовлетворение социально-правовых интересов личности и общества [15].

На эффективность формирования правового сознания несовершеннолетних правонарушителей в условиях изоляции от общества влияют многие факторы [4, с. 33].

Свойственная учреждениям, изолирующим несовершеннолетних правонарушителей от общества, пространственная стесненность приводит к росту социальной пассивности воспитанников [9], стимулирует снижение двигательной активности, стремление уединиться, ограничить нежелательное общение, уменьшает желание заниматься конструктивными видами деятельности [3].

В условиях изоляции от общества у несовершеннолетних может проявиться «выученная беспомощность» [16]. Такое состояние воспитанника характеризуется его согласием с тем, что происходящие события от него не зависят, что он ничего не сможет изменить. Это способствует возникновению желания ничего не делать в ситуациях, когда воспитаннику следует активно действовать для решения жизненно важных задач, закреплению деструктивных стереотипов поведения.

Правовая коммуникация предполагает повышение интенсивности правового общения несовершеннолетних правонарушителей, изолированных от общества, между собой и с другими субъектами права, изменение его вектора в положительную сторону, а также формирование правосознания несовершеннолетних.

Распространение (передачу) правовой информации в условиях учреждения закрытого типа следует понимать как акт коммуникации, который воздействует на убеждения, установки, ценностные ориентации персонала и воспитанников. Правовые ориентации воспитанников становятся определяющим началом их внутреннего руководства к совершению правосознательных поступков.

Если правовая информация в рамках правовой коммуникации созвучна с ценностями, признаваемыми воспитанниками учреждения закрытого типа, эффективность правовоспитательной работы значительно повышается, а значит, необходимо уделять внимание формированию позитивного группового правосознания и устранять имеющиеся в учреждении препятствия этому процессу.

Рассматривая процесс формирования правового сознания несовершеннолетних правонарушителей, изолированных от общества, можно определить следующие основные функции правовой коммуникации:

- *информационная* (когнитивная) – ориентирует несовершеннолетних на получение правовых знаний и развитие социально-правовых представлений (формируется логико-нормативный компонент сферы направленности правосознания);
- *оценочная* – формирует отношение несовершеннолетних к явлениям и процессам правовой реальности, к действующему и желаемому праву (формируется эмоционально-образный компонент сферы направленности правосознания).
- *установочно-поведенческая* – способствует соотнесению подростка

ми своих действий согласно принятым в обществе нормам права (формируется принципиально-волевой компонент сферы направленности правосознания);

- *мотивационная* – побуждает к правовым поступкам и достижению определённых целей (активизируется сфера мотивации правосознания);

- *социальная* – ориентирует несовершеннолетних на приобретение опыта социально-правового взаимодействия при совершении правовых поступков или в процессе общения в субъектами права (активизируется сфера социально-правового опыта правосознания);

- *воспитательная* – способствует воздействию норм права на сознание и волю подростков для совершения волевого поступка;

- *регулятивная* – направляет несовершеннолетних на реализацию установленных правил поведения;

- *прогностическая* – определяет приоритетные ориентиры формирования правосознания и правовой культуры несовершеннолетних правонарушителей.

Формы коммуникативного взаимодействия несовершеннолетних правонарушителей в условиях изоляции от общества (правовое информирование, обучение, просвещение, правовая пропаганда и агитация, правовое воспитание и самовоспитание) должны применяться системно и комплексно.

Правовое воспитание несовершеннолетних правонарушителей в условиях изоляции от общества занимает главенствующее положение в процессе непосредственного воздействия на индивидуальное правосознание. Немаловажное значение приобрета-

ет организация процесса правового самовоспитания, в ходе которого несовершеннолетний исследует уровень развития своего правосознания и способностей к правовому саморазвитию.

Правовая коммуникация, способствуя распространению (передаче) правовой информации, укреплению структурных элементов правового сознания и повышению уровня правовой культуры подростков, является эффективной формой межсубъектного взаимодействия в учреждениях, изолирующих несовершеннолетних правонарушителей от общества.

Правовое воздействие в сфере реализации воспитательной функции права осуществляется через правовые средства, которые можно подразделить на стимулирующие и ограничивающие [2].

В условиях изоляции от общества правовое стимулирование несовершеннолетних правонарушителей следует разумно сочетать с правовыми ограничениями. Это позволяет стимулировать социально-полезное и сдерживать противоправное поведение подростков. Основным условием применения правового стимулирования является наличие у несовершеннолетнего права выбора (альтернативы) различных, даже противоположных, вариантов поведения.

Под правовым ограничением в условиях изоляции несовершеннолетних правонарушителей следует понимать совокупность элементов механизма правового регулирования, обозначающих пределы (очерчивающих сферу) возможного поведения, где несовершеннолетний при наличии соответствующих юридических фактов может

свободно реализовать свою правосубъектность.

Являясь компонентом правовых средств, правовые ограничения могут стать инструментом, обеспечивающим достижение поставленных правом целей по формированию правового сознания и правоообразного поведения несовершеннолетних правонарушителей.

Правовые ограничения устанавливают границы свободы несовершеннолетнего, внутри которых он защищён от внешнего влияния (воздействия).

Важно отметить, что в условиях изоляции от общества ограничение прав несовершеннолетних правонарушителей не может быть направлено

на обеспечение безусловной справедливости, которая удовлетворила бы всех субъектов права, причастных к деятельности учреждений закрытого типа.

Использование конкретных правовых средств в отношении несовершеннолетних правонарушителей, изолированных от общества, требует их сопоставления, так как их правильное сочетание может увеличить свою юридическую силу и привести к более эффективным социально-правовым результатам. Выбирая то или иное правовое средство, необходимо прогнозировать последствия его взаимосвязанного использования с другими средствами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архипов С. И. Понятие правовой коммуникации // Российский юридический журнал. 2008. № 6 (63). С. 7–17.
2. Баев В. Г., Левина С. В. Правовые средства воспитательной функции права // Современное право. 2014. № 4. С. 15–23.
3. Нийт Т. Развитие теорий о взаимоотношениях человека и среды // Человек и среда: психологические проблемы. Таллин, 1981. С. 58–59.
4. Певцова Е. А. О юридическом толковании педагогических конструкций, используемых в нормативных правовых актах // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2015. № 3. С. 27–38.
5. Поляков А. В. Коммуникативная концепция права: вопросы теории. СПб.: СПбГУ, 2003. 160 с.
6. Романенко Е. А. Вопросы соотношения коммуникации и правового общения // Вестник Красноярского государственного аграрного университета. 2010. № 12. С. 149–154.
7. Усманова Е. Ф. Сущность и содержание коммуникативной функции правовой культуры // Теория и практика общественного развития. 2014. № 17. С. 88–90.
8. Халфина Р. О. Право как средство социального управления. М.: Наука, 1988. 255 с.
9. Altman I. The Environment and Social Behavior: Privacy, Personal Space, Territory, and Crowding. Monterey: Cole Publishing Company, 1975. 256 p.
10. Gromitsaris A. Symbolische und soziale Generalisierung von Erwartungen als Strukturelemente gesellschaftlichen Sinns // Kritik der Theorie sozialer Systeme. Auseinandersetzungen mit Luhmanns Hauptwerk. Frankfurt am Main, 1992. S. 133–146.
11. Gütl B., Orthey F-M., Laske S. Bildungsmanagement. München: Reiner, HamppVerlag, 2006. 246 p.

12. Decker F. Bildungsmanagement für eine neue Praxis. Lernprozesse erfolgreich gestalten – pädagogisch und betriebswirtschaftlich führen – budgetieren und finanzieren. München: Lexika Verlag, 1995.
13. Krawietz W. Juridische Kommunikation im modernen Rechtssystem in rechtstheoretischer Perspektive // *Rechtsphilosophie im 21. Jahrhundert*. Frankfurt am Main, 2008. P. 181–206.
14. Luhmann N. Das Recht der Gesellschaft. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1995. 598 p.
15. Pevtsova E., Sapogov V., Leshhenko O., Ivanova N. Legal Self-Improvement of Juvenile Offenders and its Pedagogical and Legal Supervision in Isolation from Society // *Man In India*. 2017. Vol. 97. № 15. P. 301–311.
16. Seligman M. Helplessness: On depression, development, and death. San Francisco: W. H. Freeman, 1992. 250 p.

REFERENCES

1. Arkhipov S. I. [The concept of legal communication]. In: *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal* [Russian Legal Journal], 2008, no. 6 (63), pp. 7–17.
2. Baev V. G., Levina S. V. [Legal means of the educational function of law]. In: *Sovremennoe pravo* [Modern Law], 2014, no. 4, pp. 15–23.
3. Niit T. [The development of the theories on human-environmental relationships]. In: *Chelovek i sreda: psikhologicheskie problemy* [Man and Environment: Psychological Issues]. Tallinn, 1981, pp. 58–59.
4. Pevtsova E. A. [On legal interpretation of pedagogical structures used in normative legal acts]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Yurisprudentsiya* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence], 2015, no. 3, pp. 27–38.
5. Polyakov A. V. *Kommunikativnaya kontseptsiya prava: voprosy teorii* [The Communicative Concept of Law: Issues of Theory]. St. Petersburg, St. Petersburg State University Publ., 2003. 160 p.
6. Romanenko E. A. [The issues of the correlation between civil and legal communications]. In: *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta* [Bulletin of Krasnoyarsk State Agricultural University], 2010, no. 12, pp. 149–154.
7. Usmanova E. F. [The nature and content of communicative function of legal culture]. In: *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and practice of Social Development], 2014, no. 17, pp. 88–90.
8. Khalfina R. O. *Pravo kak sredstvo sotsial'nogo upravleniya* [Law as a means of Social Control]. Moscow, Nauka Publ., 1988, 255 p.
9. Altman I. *The Environment and Social Behavior: Privacy, Personal Space, Territory, and Crowding*. Monterey: Cole Publishing Company, 1975. 256 p.
10. Gromitsaris A. Symbolische und soziale Generalisierung von Erwartungen als Strukturelemente gesellschaftlichen Sinns. In: *Kritik der Theorie sozialer Systeme. Auseinandersetzungen mit Luhmanns Hauptwerk*. Frankfurt am Main, 1992, pp. 133–146.
11. Gütl B., Orthey F.-M., Laske S. Bildungsmanagement. München, Reiner, Hampp Verlag, 2006. 246 p.
12. Decker F. Bildungsmanagement für eine neue Praxis. Lernprozesse erfolgreich gestalten – pädagogisch und betriebswirtschaftlich führen – budgetieren und finanzieren. Lexika Verlag, München, 1995.
13. Krawietz W. Juridische Kommunikation im modernen Rechtssystem in rechtstheoretischer Perspektive. In: *Rechtsphilosophie im 21. Jahrhundert*. Frankfurt am Main, 2008, pp. 181–206.
14. Luhmann N. Das Recht der Gesellschaft. Frankfurt am Main, Suhrkamp, 1995. 598 p.

15. Pevtsova E., Sapogov V., Leshhenko O., Ivanova N. Legal Self-Improvement of Juvenile Offenders and its Pedagogical and Legal Supervision in Isolation from Society. In: *Man In India*, 2017, vol. 97, no. 15, pp. 301–311.
16. Seligman M. Helplessness: On depression, development, and death. San Francisco, W. H. Freeman, 1992. 250 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Сапогов Владимир Митрофанович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры истории и теории государства и права Псковского государственного университета;
e-mail: dikbul@yandex.ru

Лещенко Ольга Вадимовна – кандидат юридических наук, преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин Академии права и управления Федеральной службы исполнения наказаний (Псковский филиал);
e-mail: olgaleshchenko@hotmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Vladimir M. Sapogov – PhD in Law, associate professor at the Department of History and Theory of State and Law, Pskov State University;
e-mail: dikbul@yandex.ru

Olga V. Leschenko – PhD in Law, lecturer at the Department of Criminal Law Disciplines at Pskov Branch of the Academy of Law Management of the Federal Penal Service of Russia;
e-mail: olgaleshchenko@hotmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Сапогов В. М., Лещенко О. В. Роль воспитательной функции права в формировании правосознания несовершеннолетних правонарушителей, изолированных от общества // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2019. № 1. С. 64–71.
DOI: 10.18384/2310-6794-2019-1-64-71

FOR CITATION

Sapogov V., Leschenko O. Educational Function of Law in Raising Legal Awareness if Juvenile Offenders in Confinement. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2019, no. 1, pp. 64–71.
DOI: 10.18384/2310-6794-2019-1-64-71

УДК 340(470) (075.8)

DOI: 10.18384/2310-6794-2019-1-72-81

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА В СОЗДАНИИ СОВЕТСКОГО ПРАВА

Максимова О. Д.*Московский гуманитарный университет**111395, г. Москва, ул. Юности, д. 5, Российская Федерация*

Аннотация. В статье показаны примеры и проанализированы причины обращения к социологическому подходу в законотворческом процессе на этапе создания советского государства. Изучены законодательные акты первых лет советской власти, тексты отдельных законопроектов, а также труды родоначальников социологического подхода в праве и первых советских юристов-теоретиков. На основе анализа первоисточников, классических трудов и работ современных авторов установлено, что в первые годы советской власти социологический подход активно применялся в законотворческом и законодательном праве. Автор обращает внимание на социологический подход в праве как на один из факторов, определивших характер законодательного процесса в первые годы советской власти – наряду с концепцией пролетарского права, трудами основоположников марксизма-ленинизма, советских юристов и традицией нормативного подхода к праву. Статья адресована историкам и теоретикам права, исследователям истории советского государства.

Ключевые слова: социологический подход в праве, право советского государства, законодательная деятельность, законотворчество.

THE ROLE OF SOCIOLOGICAL APPROACH IN SOVIET LAW FOUNDATION

O. Maksimova*Moscow University for the Humanities**5, Yunosti st., Moscow, 111395, Russian Federation*

Abstract. The article analyses the reasons for applying the sociological approach to the legislative process at the birth of the Soviet state. The author studied the first Soviet legislative acts, the texts of draft laws, as well as the works of first Soviet legal scholars, the founders of the sociological approach to law. Based on the study of primary sources, classical works and the works of contemporary authors, it was established that in the first years of the Soviet state the sociological approach was actively used in lawmaking and legislation. The author considers the sociological approach to law as one of the factors determining the nature of the legislative process in the early Soviet years along with the concept of proletarian law, the works of the founders of Marxism-Leninism, Soviet lawyers and the tradition of the regulatory approach to law. The article is aimed at historians and theorists of law, researchers of the history of the Soviet state.

Keywords: sociological approach to law, the law of the Soviet state, legislative activity, lawmaking.

Социологический подход в праве начал формироваться во второй половине XIX в. Основываясь на работах О. Конта, Г. Спенсера, Э. Дюркгейма, К. Маркса, М. Вебера, учёные-юристы стали изучать правовые явления с учётом условий социальной действительности.

Рудольф Иеринг писал: «Право есть непрерывная работа и не только исключительная работа государственной власти, но и целого народа. Каждый индивидуум, который поставлен в необходимость защищать свое право, принимает участие в национальной работе, приносит свою лепту в осуществление правовой идеи на земле» [3, с. 12]. Здесь выражена ключевая мысль сторонников социологического правопонимания, что право создаётся не только государством, но и народом [4].

В 1913 г. вышел труд Ойгена Эрлиха «Основоположение социологии права», с которым связывают начало развития науки социологии права. Эрлих увидел неспособность теоретического правоведения к постижению социальных реалий, что право может выступать не только инструментом государственной политики и чиновничьей деятельности, сильно сужая его возможности к развитию правовой жизни в целом. Заслуга Эрлиха в оспаривании тезиса «о необходимости определения права исключительно как принудительного порядка, установленного и поддерживаемого государством – ведь большая часть правовых отношений протекает без какого-либо вмешательства государства, причем субъекты таких правоотношений даже не задумываются о том, чтобы обратиться к государству для регламен-

тации их семейной, хозяйственной, религиозной жизни, хотя бы государственный правовой порядок и допускал подобное обращение» [1, с. 162].

В России до революции социологический подход в праве был довольно популярен. Родоначальником социологического правоведения признаётся С. А. Муромцев – председатель I Государственной Думы Российской империи, призывавший понимать закон как «момент исторического развития, применять его как историческое соотношение принципов, образующих его содержание...» [12, с. 175].

После установления советской власти перед юристами-большевиками встала трудная задача по формированию концепции создания и развития советского права. Весьма удобным и подходящим для этой цели оказался социологический подход в праве. Наиболее активными сторонниками этого подхода были П. И. Стучка [11], М. Ю. Козловский [5], И. П. Разумовский [10].

В одной из первых крупных работ, посвящённых марксистской теории права, И. П. Разумовский ставит перед советскими юристами задачу: «дать широко развернутую социологическую и социалистическую критику буржуазной общей теории права, в соответствии с совершеннейшими образцами, оставленными нам Марксом в “Капитале” [10, с. 10]. Другой важной задачей стала разработка метода социологии права в условиях социалистической революции. Если с первой задачей юристы-марксисты успешно справились, то с методом было значительно сложнее, что потом и отразится на практике, как явно видно при из-

учении процесса создания советского права.

В апреле 1919 г. коллегия НКЮ на основе доклада Д. И. Курского приняла постановление «О разработке Наказа народным судам по применению уголовных норм». В постановлении указывалось, что разработка Общей части «Наказа» поручается М. Ю. Козловскому [13, с. 122]. Итогом этой работы стали труд «Руководящие начала по уголовному праву РСФСР» 1919 г. – первый свод норм уголовного права, изданный Наркоматом Юстиции РСФСР. Непосредственный разработчик этого документа М. Ю. Козловский [2, с. 203], сторонник концепции пролетарского права, определял право как «продукт непримиримости классовых противоречий; средство угнетения одного класса другим; узда, смирительная куртка, с помощью которой господствующий класс удерживает подавляемые массы в состоянии подчинения и лишает их средств борьбы за освобождение от ига угнетателей» [5, с. 22, 23].

Перспективы права советского государства автор характеризует так: «Совершенно очевидно, что право пролетарское, прежде всего, будет значительно упрощено». Сложность буржуазного права была рассчитана, по его мнению, «на анархическое состояние хозяйства, предусматривающее беспорядочную “свободную” игру индивидуальных сил». Будучи специалистом в области уголовного права, М. Козловский особое внимание уделял уголовной политике. Он считал преступника продуктом социальной среды и поэтому утверждал, «что все его действия, все его побуждения от его и нашей “воли” не зависят». Автор

делал вывод, что карательная деятельность пролетарского государства будет подчинена классовому интересу, но поскольку в 1918 г. уголовный закон РСФСР ещё не создан, объясняет, «что конкретизировать эту работу, установить наперед детальный план мер борьбы с преступлением, сводить их в кодекс сейчас, значило бы измышлять более или менее остроумную утопическую систему». Наблюдая в таком виде ситуацию, он делает вывод, что начинать кодификацию уголовного права во время социальной революции преждевременно, а «задача власти в этой правовой области сводится, главным образом, к руководству, к инструктированию масс» [5, с. 25–27].

В 1919 г. в «Руководящих началах уголовного права»¹ коллегия НКЮ РСФСР сформулировала следующее определение права: «Право – это система (или порядок) общественных отношений, соответствующая интересам господствующего класса и охраняемая организованной силой его (т.е. этого класса)». Эта формулировка являлась первым официальным определением советского права. Согласно этому определению ядро права составляют не нормы права, а правоотношения. Важнейшим признаком права, согласно этому документу, была его классовость. Право – понятие классовое и вместе с классами оно должно исчезнуть. Отсюда вытекало, что вечного понятия права нет, а есть только понятие

¹ Постановление Наркомюста РСФСР от 12.12.1919 № 66. «Руководящие начала по уголовному праву РСФСР» Ст. 590 // Консультант Плюс: Справочно-правовая система [сайт]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=4859#031553330377887545> (дата обращения: 03.02.2019).

права определённого господствующего класса. После победы социалистической революции власть находилась в руках пролетариата, следовательно, право являлось пролетарским. Во введении «Руководящих начал» была дана оценка ситуации, сложившейся в сфере правового регулирования уголовно-правовых отношений на момент издания нормативного акта НКЮ: «В процессе борьбы со своими классовыми врагами пролетариат применяет те или другие меры насилия, но применяет их на первых порах без особой системы, от случая к случаю, не организовано. В интересах экономии сил, согласования и централизации разрозненных действий пролетариат должен выработать правила обуздания своих классовых врагов, создать метод борьбы со своими врагами и научиться им владеть. И прежде всего это должно относиться к уголовному праву, которое имеет своей задачей борьбу с нарушителями складывающихся новых условий общежития в переходный период диктатуры пролетариата».

Определение права, закреплённое в ст. 1 «Руководящих начал», поддерживалось известным советским юристом и государственным деятелем П. И. Стучкой. Она внесла дополнение в понятие права, обращая внимание на то, что право – это форма организации общественных отношений. Причём «во время революции это не мертвящая, а оживляющая форма, которая все единичные революционно-инициативные мероприятия стремится объединить в одну организованную революционную систему» [11, с. 214].

Практическое применение социологического подхода можно обнаружить в декретах советской власти. Одним из

первых актов советского государства был декрет «О печати»¹. В этом документе отмечалось, что «**всякий знает**, что буржуазная пресса есть одно из могущественнейших оружий буржуазии. Особенно в критический момент, когда новая власть, власть рабочих и крестьян, только упрочивается, невозможно было целиком оставить это оружие в руках врага, в то время как оно не менее опасно в такие минуты, чем бомбы и пулеметы. Вот почему и были приняты временные и экстренные меры пресечения потока грязи и клеветы, в которых охотно потопила бы молодую победу народа желтая и зеленая пресса». Таким образом, причиной издания декрета явилось общеизвестное мнение, что печать может выступать как идеологическое оружие, поэтому советская власть уже на второй день своего существования ввела ограничения печати. При этом в декрете было дано обещание, что ограничения свободы печати будут устранены после укрепления советского строя, в рамках прогрессивного закона, предполагающего ответственность исключительно перед судом.

В ст. 3. положения «О социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к социалистическому земледелию»² констатировалось, что «крупные советские хозяйства, ком-

¹ Декрет о печати 27.10 (9.11) 1917 // Декреты Советской власти. Т. I. 25 октября 1917 – 16 марта 1918 г. М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1957. С. 24, 25.

² Положение о социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к социалистическому земледелию (принято ВЦИК 14.02.1919) Ст. 43 // Консультант Плюс: Справочно-правовая система [сайт]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=3118#015692954321717223> (дата обращения: 03.02.2019).

муны, общественная обработка земли и другие виды товарищеского землепользования являются наилучшими средствами для достижения этой цели, поэтому на все виды единоличного землепользования следует смотреть как на проходящие и отживающие». Ст. 4 подчёркивает ориентированность закона на рациональную хозяйственную деятельность, «что в основу землеустройства должно быть положено стремление создать единое производственное хозяйство, снабжающее Советскую Республику наибольшим количеством хозяйственных благ при наименьшей затрате народного труда». Ст. 10 этого же документа закрепляла, что земли могут быть распределены в единоличное пользование в пределах установленных районных нормативов. Таким образом, в ст. 3 и 4 были в довольно аморфном виде проявлена воля государства и выражена надежда на сознательность крестьян при построении социализма в деревне – при этом нормы носили не обязательный, а рекомендательный характер. Данное обстоятельство, как известно, подтвердилось на практике, так как в 1919 г. существенных успехов в развитии коллективных форм сельского хозяйства добиться не удалось.

Другим проявлением избранного подхода к праву стало подписание соглашения об организации Автономной Башкирской Советской Республики¹, которое явилось правовой основой для создания национальной государственности башкирского народа. В

этом случае было полностью учтено волеизъявление башкирского народа и оформлено нормативным договором образование башкирской автономии. Использование социологического подхода позволило впервые в истории российского государства учесть мнение и интересы этнических групп. По мнению исследователей, «данное историческое событие положило начало федерализму в России и стало примером договорного разграничения полномочий субъектов России» [6, с. 27].

Любопытную статью содержал декрет «О мерах правильного распределения жилищ среди трудящегося населения»². В данном акте речь идёт о необходимости рационального и твердо проведённого уплотнения жилищ. Ст. 5 гласила, что «при уплотнениях гражданам дается двухнедельный срок для подыскания себе сожителей. В случае, если к этому сроку квартира не будет уплотнена в полной мере, жилищно-земельным отделам предоставляется право произвести принудительное уплотнение».

Из приведённых примеров можно сделать предположение, что декреты имели существенное отличие по сравнению с законами, в которых нормы имеют, как правило, общеобязательный характер. В декретах часто давались рекомендации, констатировались известные общественные явления, описывалась общественная ситуация

¹ Соглашение Центральной Советской власти с Башкирским Правительством о Советской Автономной Башкирии 20.03.1919 // Исторические материалы [сайт]. URL: <http://istmat.info/node/38502> (дата обращения: 03.02.2019).

² Декрет СНК РСФСР от 25.05.1920 «О мерах правильного распределения жилищ среди трудящегося населения» // Консультант Плюс: Справочно-правовая система [сайт]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=17911#00986062829783132> (дата обращения: 03.02.2019).

и выражались пожелания власти к населению.

Для оказания воздействия на общество наряду с декретами использовались такие формы нормативных актов, как воззвания и обращения. Например, воззвание «Ко всем рабочим и крестьянам, ко всем честным гражданам РСФСР о добровольном сборе теплых вещей, белья и обуви для Красной Армии»¹.

В советских кодексах 1920-х гг. социологический подход также получил применение. Наиболее известным фактом использования социологической теории при проведении кодификации является создание в 1922 г. УК РСФСР². В ст. 5, 7, 8 были закреплены термины «общественно-опасные элементы», «опасность лица», «нарушители революционного правопорядка», «неустойчивые элементы». Такие термины носят неопределённый и оценочный характер, следовательно, с их помощью было довольно трудно квалифицировать преступную деятельность. По-видимому, советские юристы при помощи этих правовых средств хотели поднять значимость уголовного права в обществе и системе государственного управления.

¹ Воззвание ВЦИК ко всем рабочим и крестьянам, ко всем честным гражданам РСФСР о добровольном сборе теплых вещей, белья и обуви для Красной Армии 18.11.1920 // Декреты Советской власти. Т. XI. Октябрь – ноябрь 1920 г. М.: Политиздат, 1983. С. 241–243.

² Постановление ВЦИК от 01.06.1922 «О введении в действие Уголовного Кодекса РСФСР» (вместе с «Уголовным Кодексом РСФСР») // Консультант Плюс: Справочно-правовая система [сайт]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=3006#021914779652836502> (дата обращения: 03.02.2019).

Ещё одним примером использования социологического подхода является признание фактических брачных отношений в Кодексе законов о семье и опеке³. Переход от церковного брака к светскому был частью семейно-правовых преобразований 1917 г. как эволюционного, так и революционного характера [9, с. 22–25]. В этот и в последующий периоды отсутствует действенная система регистрации брака, что диктовало актуальность признания фактических брачных отношений как в случае добровольного признания факта совместного жительства супругами, так и установления судом «по признакам фактической обстановки жизни». К числу доказательств фактического брака суд мог отнести такие его признаки, как ведение общего хозяйства, упоминание факта сожительства в переписке, материальная поддержка и совместное воспитание детей.

Законотворческую деятельность органов советской власти часто сопровождали ссылки на распространенность тех или иных практик, а также предположения авторов законопроектов о текущем состоянии дел в той или иной сфере жизнедеятельности. Председатель Комиссии законодательных предположений В. П. Антонов-Саратовский, направляя в феврале 1926 г. в ЦК ВКП(б) проект «Общих начал землепользования и землеустройства», даёт разъяснение о необходимости учитывать при принятии данного акта «подозрительное отсталое политически сознание» крестьян-середняков,

³ Постановление ВЦИК от 19.11.1926 «О введении в действие кодекса законов о браке, семье и опеке» // Библиотека нормативно-правовых актов СССР: [сайт]. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3124.htm (дата обращения: 03.02.2019).

их высокую осведомлённость о положениях Земельного кодекса РСФСР 1922 г., соблюдать при этом «осторожность в изменении как существа, так и терминологии земельных кодексов» и допускать только мотивированные изменения [8]. Особое внимание автор законопроекта уделяет необходимости учитывать «разнообразие местных условий», предоставив широкие возможности законодательству союзных и автономных республик, сознательно ограничивая пределы союзного земельного законодательства. Выступая против «абстрактных принципов, не имеющих непосредственного приложения к жизни», Антонов-Саратовский усматривал в предлагаемом им законопроекте пропагандистский потенциал. Он полагал, что крестьянин найдёт в нем «подтверждение завоеванных им революционным путем прав», что утвердит его в политической необходимости Союза¹.

В ст. 29 гл. V Общих начал землепользования² закреплялось: «Ввиду того, что кооперирование крестьянства является основным путем социалистического преобразования сельского хозяйства и что для значительных слоев маломощного крестьян-

ства нет возможности поднять свое хозяйство иначе, как путем перехода к товарищеским формам землепользования, – государство оказывает особое содействие и поощрение образованию и деятельности коллективных хозяйств (коммун, артелей, товариществ)». Как известно, правовое регулирование создания колхозов на основе вышеназванного акта оказалось не результативным.

По мнению современных российских социологов, «отсутствие социологических знаний и компетенций ... не должно стать помехой для результативной деятельности», а понимание стратегии власти «не должно сводиться к догадкам и общим представлениям о текущих задачах» [7, с. 226]. Результатом взаимодействия социологов и власти в сфере управления является контекст, формируемый в ходе исследований, которые в первые годы советской власти не могли проводиться, так как не было ни традиции, ни научной базы, ни политических условий. Справедливости ради следует отметить, что подспудно понимание необходимости опоры на научную социальную диагностику в среде советских юристов уже в то время зарождается.

В 1930-е гг. использование социологического подхода сворачивается, что было связано с развитием советского законодательства, а также с выявившейся неэффективностью этого подхода в праве при проведении индустриализации и коллективизации. В результате к середине 1930-х гг. в советском праве утверждается нормативизм.

¹ Краткая объяснительная записка к проекту КЗП «Общие начала землепользования и землеустройства» / РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 110. Л. 41.

² Общие начала землепользования и землеустройства (утв. постановлением ЦИК СССР от 15.12.1928) // Консультант Плюс: Справочно-правовая система [сайт]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=3130#05019472670508944> (дата обращения: 03.02.2019).

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонов М. В. Ойген Эрлих: живое право против правового плюрализма? // Правоведение. 2013. № 1. С. 157–181.
2. Зубов Н. И. Первый председатель Малого Совнаркома. М.: Советская Россия, 1975. 256 с.
3. Иеринг Р. Борьба за право / пер. с нем. П. П. Волкова. [Электронный ресурс]. URL: <http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/186/1/135134.pdf> (дата обращения: 03.02.2019).
4. Касаева Т. Г. К продолжению дискуссии о цели в праве по воззрениям Р. Иеринга // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2018. С. 101–105.
5. Козловский М. Пролетарская революция и уголовное право // Пролетарская революция и право. 1918. № 1. С. 20–29.
6. Кульшарипов М. М. Признание Центральной советской властью Башкирской Автономной республики [Электронный ресурс] // Проблемы востоковедения. 2014. № 1 (63). URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/priznanie-tsentralnoy-sovetskoy-vlastyu-bashkirskoy-avtonomnoy-respubliki-k-95-letiyu-podpisaniya-soglasheniya-s-bashkirskim> (дата обращения: 03.02.2019).
7. Львов С. В. Социология и власть: механизм учета общественного мнения при принятии управленческих решений // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016. № 2. С. 225–229.
8. Максимова О. Д. Деятельность комиссии законодательных предположений при СНК СССР в 1923–1926 годах // Мир юридической науки. 2018. № 6. С. 5–12.
9. Полянский П. Л. К 100-летию юбилею первых декретов о браке и семье: эволюция или революция? // Защита прав человека как цель и содержание правоприменительной деятельности. К 70-летию принятия Всеобщей декларации прав человека: сборник трудов Международной научной конференции в формате круглого стола, Воронеж, 1–2 февраля 2018 г.). М.: РГ-Пресс, 2018. С. 22–35.
10. Разумовский И. П. Проблемы марксистской теории права // Критика права [сайт]. URL: http://kritikaprava.org/library/76/problemnyi_marksistskoj_teorii_prava (дата обращения: 03.02.2019).
11. Стучка П. И. Революционная роль права и государства // Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права. Рига, 1964.
12. Чехарина В. И. С. А. Муромцев – председатель первой Государственной думы // Труды Института государства и права РАН. 2015. № 5. С. 174–197.
13. Швеков Г. В. Первый советский уголовный кодекс: учеб. пособие. М.: Высшая школа, 1970. 207 с.

REFERENCES

1. Antonov M. V. [Eugen Ehrlich: live law against legal pluralism?]. In: *Pravovedenie* [The Jurisprudence], 2013, no. 1, pp. 157–181.
2. Zubov N. I. *Pervyi predsedatel' Malogo Sovnarkoma* [The First Chairman of the Small Council of People's Commissars]. Moscow, Sovetskaya Rossiya Publ., 1975. 256 p.
3. Jhering R. von. *Bor'ba za pravo* [The Struggle for Law]. Moscow, K. Soldatenkov's Publ., 1874. 77 p. Available at: <http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/186/1/135134.pdf> (accessed: 03.02.2019).
4. Kasaeva T. G. *K prodolzheniyu diskussii o tseli v prave po vozzreniyam R. Ieringa* [To the discussion about R. von Jhering's views on the purpose of law]. In: *Izvestiya Saratovskogo*

- universiteta. Novaya seriya. Seriya: Ekonomika. Upravlenie. Pravo* [Bulletin of Saratov University. New series. Series: Economics. Management. Law], 2018, pp. 101–105.
5. Kozlovsky M. [The proletarian revolution and criminal law]. In: *Proletarskaya revolyutsiya i pravo* [Proletarian Revolution and Law], 1918, no. 1, pp. 20–29.
 6. Kul'sharipov M. M. [The recognition of the Central Soviet government of the Bashkir Autonomous Republic]. In: *Problemy vostokovedeniya* [The Issues of Oriental Studies], 2014, no. 1(63), pp. 26–33. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/v/priznanie-tsentralnoy-sovetskoy-vlastyu-bashkirskoy-avtonomnoy-respubliki-k-95-letiyu-podpisaniya-soglasheniya-s-bashkirskim> (accessed: 03.02.2019).
 7. Lvov S. V. [Sociology and power: the mechanism of incorporating public opinion in management decisions]. In: *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes], 2016, no. 2, pp. 225–229.
 8. Maksimova O. D. [The activities of the Commission for legislative proposals under the Council of People's Commissars of the USSR in 1923–1926]. In: *Mir yuridicheskoi nauki* [The World of Jurisprudence], 2018, no. 6, pp. 5–12.
 9. Polyansky P. L. [To the 100th anniversary of the first decrees on marriage and the family: evolution or revolution?]. In: *Zashchita prav cheloveka kak tsel' i soderzhanie pravoprimeritel'noi deyatel'nosti. K 70-letiyu prinyatiya Vseobshchei deklaratsii prav cheloveka: sbornik trudov Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii v formate kruglogo stola, Voronezh, 1–2 fevralya 2018* [The Protection of Human Rights as the Purpose and Content of Law Enforcement Activities. To the 70th Anniversary of the Adoption of the Universal Declaration of Human Rights: Proceedings of the International Theoretic Round Table Conference, Voronezh, 2018, February 1–2]. Moscow, RG-Press Publ., 2018, pp. 22–35.
 10. Razumovsky I. P. [The Issues of the Marxist Theory of Law]. In: *Kritika prava* [Criticism of Law]. Available at: http://kritikaprava.org/library/76/problemyi_marksistskoj_teorii_prava (accessed: 03.02.2019).
 11. Stuchka P. I. [The Revolutionary Role of Law and State]. In: *Izbrannye proizvedeniya po marksistsko-leninskoi teorii prava* [The Selected Works on Marxist-Leninist Theory of Law]. Riga, 1964. 748 p.
 12. Chekharina V. I. [S.A. Muromtsev – the President of the First State Duma]. In: *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN* [Works of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences], 2015, no. 5, pp. 174–197.
 13. Shvekov G. V. *Pervyi sovetskii ugolovnyi kodeks: ucheb. posobie* [The First Soviet Criminal Code: a Textbook]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1970. 207 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Максимова Ольга Дмитриевна – доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Московского гуманитарного университета;

e-mail: omaksimova@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Olga D. Maksimova – Doctor of Law, associate professor, head of the Department of Theory and History of State and Law, Moscow University for Humanities;

e-mail: omaksimova@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Максимова О. Д. Использование социологического подхода в создании советского права // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2019. № 1. С. 72–81.

DOI: 10.18384/2310-6794-2019-1-72-81

FOR CITATION

Maksimova O. The Role of Sociological Approach in Soviet Law Foundation. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2019, no. 1, pp. 72–81.

DOI: 10.18384/2310-6794-2019-1-72-81

РАЗДЕЛ III.

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО; КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС; МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

УДК 342.8:341.211/214(73)

DOI: 10.18384/2310-6794-2019-1-82-100

КРУГ ВЫБОРНЫХ ОРГАНОВ И ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ В ШТАТАХ США В РАЗРЕЗЕ ФЕДЕРАТИВНОГО УСТРОЙСТВА ВЛАСТИ

Шидловский А. В.

Южный федеральный университет

344000, г. Ростов-на-Дону, ул. Горького, д. 88, Российская Федерация

Аннотация. В основу данной работы легли последние исследования в области избирательного права США. Автором сделан обзор федерального, регионального и местного законодательства со ссылками на конституционно-правовые и нормативно-правовые акты всех субъектов американской федерации на начало 2019 г. Методологию исследования составили сравнительно-правовой, формально-юридический, формально-догматический, конкретно-социологический, эмпирический, диалектический, аналитический методы, а также системный подход. В результате исследования представлена ранее не освещавшаяся в российской научной литературе информация о круге выборных органов и должностных лиц в США в разрезе федеративного устройства власти. Автором даны интерпретации некоторых положений законодательства и правопонимания избирательного законодательства США и правоприменительной практики. Озвучены пробелы законодательства, требующие дополнительного исследования. Теоретическая и практическая значимость работы заключается в обобщении как устоявшихся, так и новейших юридических источников (конституций, органических законов, федеральных законов, хартий, подзаконных нормативно-правовых актов) и субъектов американской федерации и выработке предложений по обогащению российской науки и формированию объективного понимания происходящих в США процессов в области конституционного, избирательного права и государственного строительства.

Материал адресован широкому кругу научной общественности.

Ключевые слова: избирательное право США, конституционное право США, выборные лица США, выборы в США, Доктрина Кули, правило Диллона.

© СС ВУ Шидловский А. В., 2019.

US ELECTORAL BODIES AND OFFICIALS WITHIN THE FRAMEWORK OF FEDERAL SYSTEM

A. Szydlowski

B. Southern Federal University

88, Gorky ul., Rostov-on-Don, 344000, Russian Federation

Abstract. This article examines recent developments in the field of U.S. voting rights reviewing federal, regional and local legislation and making references to constitutional and standard acts of all U.S. subjects for the beginning of 2019. The methodology of research includes comparative-legal, formal-legal, formal-dogmatic, concrete-sociological, empirical, dialectical, analytical methods, and systemic approach. The outcomes of the research consist in introducing new data on U.S. electoral bodies and officials into Russian legal literature. The author makes his interpretations of some provisions of the legislation and legal awareness of U.S. electoral laws and law-enforcement practice highlighting some legislation gaps requiring further research. The theoretical and practical value of the research consists in reviewing both well-established and recent legal sources (constitutions, organic laws, federal laws, charters, subordinate normative acts) and U.S. subjects and making proposals for the development of Russian legal science and forming objective understanding of constitutional, electoral and state-building processes in the U.S.A..

Keywords: U.S. Election Law, U.S. Constitutional Law, U.S. Organic Statue, U.S. elected officials, U.S. elections, Cooley Doctrine, Dillon's Rule.

Федеративное устройство власти в США

Исследование круга выборных органов Соединённых Штатов Америки невозможно без подробного описания федеративного устройства страны. В российской научной литературе довольно подробно изучен вопрос на национальном уровне, но на уровне субъектов американской федерации, муниципалитетов и иных территорий исследования носят спорадический и несистемный характер. К наиболее качественной работе можно отнести диссертацию В. И. Лафитского «Конституция американского штата» [1], в которой при подробном историко-юридическом анализе раскрываются важные вопросы федеративного устройства США. Однако и настоящая

работа оставляет поле для дальнейших исследований.

Первое, на что хотелось бы обратить внимание российских коллег, это юридически точное описание всех субъектов американской федерации, т. к. очень часто именно здесь встречается множество заблуждений. Федеративное устройство США по своей структуре имеет запутанные и порой причудливые формы и напоминает федеративное устройство России с его различными конституционными видами субъектов федерации (республика, край, область, округ, город федерального значения, автономная область) и нахождением одного субъекта федерации в составе другого субъекта (автономные округа).

На момент написания настоящей работы в США имеется четыре уровня

власти, первый из которых является государственным, а остальные относятся к уровням местного самоуправления. Вся территория страны делится на инкорпорированную (включенную в административно-территориальное деление) и неинкорпорированную. Указанные территории, в свою очередь, делятся на организованные (на которых сформированы органы власти посредством принятия Конгрессом США специального нормативно-правового конституционного акта – Органического закона) и неорганизованные. Принципиальным различием является разница в юридической силе Конституции США на данных территориях.

В организованных территориях Конституция имеет полную юридическую силу и прямое действие. При этом части территории США, будучи инкорпорированными либо нет, организованными или нет, имеют различный конституционно-правовой вид. Таким образом, исходя из авторской классификации, к первому уровню власти в США (уровню субъекта федерации) можно отнести 629 субъектов американской федерации, что значительно больше, чем принято считать. Из них: 46 штатов (state), 6 республик (commonwealth¹) (4 ин-

корпорированные и организованные республики: Кентукки², Массачусетс³, Пенсильвания⁴ и Вирджиния⁵; 2 – неинкорпорированные, но организованные республики: Пуэрто-Рико⁶ и Северные Марианские Острова⁷), 2 неинкорпорированные, но орга-

для английского юридического оборота. Авторскую версию перевода подтверждают и тексты конституций республик США Кентукки, Массачусетса, Пенсильвании и Вирджинии, в которых даётся императивное указание на вид субъекта федерации и форму государственного устройства. К примеру, «The Constitution Of The Commonwealth Of Kentucky» (Конституция Республики Кентукки).

² Kentucky Revised Statutes and Constitution // FindLaw: [сайт]. URL: <https://codes.findlaw.com/ky> (дата обращения: 03.03.2019).

³ Massachusetts General Laws and Constitution // FindLaw: [сайт]. URL: <https://codes.findlaw.com/ma> (дата обращения: 03.03.2019).

⁴ Pennsylvania Statutes and Constitution // FindLaw: [сайт]. URL: <https://codes.findlaw.com/pa> (дата обращения: 03.03.2019).

⁵ Code of Virginia and Constitution // FindLaw: [сайт]. URL: <https://codes.findlaw.com/va> (дата обращения: 03.03.2019).

⁶ 48 U.S.C. § 731d – U.S. Code – Unannotated Title 48. Territories and Insular Possessions § 731d. Ratification of constitution by Congress // FindLaw: [сайт]. URL: <https://codes.findlaw.com/us/title-48-territories-and-insular-possession/48-usc-sect-1541.html> (дата обращения: 03.03.2019).

Constitution of the Commonwealth of Puerto Rico // Welcome to Puerto Rico: [сайт]. URL: <http://welcome.topuertorico.org/constitu.shtml> (дата обращения: 03.03.2019).

⁷ 48 U.S.C. § 1801 – U.S. Code – Unannotated Title 48. Territories and Insular Possessions § 1801. Approval of text of Covenant to Establish a Commonwealth of the Northern Mariana Islands [Электронный ресурс]. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/USCODE-2014-title48/pdf/USCODE-2014-title48-chap17-subchapI-sec1801.pdf> (дата обращения: 03.03.2019).

Constitution of the Commonwealth of the Northern Mariana Islands // Commonwealth of the Northern Mariana Islands: [сайт]. URL: <http://cnmilaw.org/cnmconstitution.html> (дата обращения: 03.03.2019).

¹ Слово «commonwealth» имеет два значения – «содружество» и «республика». Между тем в отечественной литературе чаще всего переводится как «содружество», что, по мнению автора, неверно, т. к. полное юридически точное указание в Органическом Акте следующее: «...a Commonwealth of the (субъект федеративного договора) in Political Union with the United States of America...». Предположение о том, что «commonwealth» является «содружеством», т. е. «союзом», выглядит не логичным в силу используемого в этом же предложении слова «union» – «союз», а «союз» в «союзе с...» трудно вообразимое построение предложения даже

низованные территории (Territories and Insular Possessions) – Виргинские острова¹ и Гуам², 11 неинкорпорированных и неорганизованных территорий³, 1 – инкорпорированная, но неорганизованная территория с прямым федеральным управлением – Атолл Пальмира⁴, 1 муниципалитет (municipal corporation) – Округ Колумбия⁵ и 562 национальных автономных страны (country⁶), имеющих различные виды и формы государственного устройства (Indian Countries, Native Entities), собственные конституции и уставы самоуправляемых территорий (constitutions and bylaws of the tribe⁷) и составно входящие в штаты, республики и территории, но обладающие в пределах своей компетенции всей полнотой государственной власти, в том

числе судебной, для которых вышестоящей инстанцией являются общенациональные институты и Верховный Суд США⁸.

«Материнские» субъекты федерации строят свои отношения с автономиями по принципу формального равенства, причём зачастую законодательство имеет аффирмативный характер, отдавая приоритет законодательству автономии (Home rule) [2]. По большинству вопросов юрисдикция «материнского» субъекта федерации не распространяется на «дочерний» субъект. В некоторых случаях уголовное либо административное преследование и привлечение к гражданско-правовой, административной и уголовной ответственности постоянного резидента автономии за совершенное им правонарушение либо уголовно-наказуемое деяние за административными границами автономии возможно только с согласия официальных властей национального субъекта, а срок давности привлечения к ответственности исчисляется общими правилами исчисления сроков – со дня, следующего за днём совершения административного правонарушения либо уголовно-наказуемого деяния, и в период 12 месяцев после наступления противоправных действий⁹.

Круг выборных органов и должностных лиц в штатах США

¹ 48 U.S. Code § 1541 – Organization and status // Cornell Law School: [сайт]. URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/48/1541> (дата обращения: 03.03.2019).

² 48 U.S. Code Chapter 8A – GUAM // Cornell Law School: [сайт]. URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/48/chapter-8A> (дата обращения: 03.03.2019).

³ U.S. Code: Title 48. TERRITORIES AND INSULAR POSSESSIONS // Cornell Law School: [сайт]. URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/48> (дата обращения: 03.03.2019).

⁴ Secretary's Order No. 3224 (January 18, 2001) the Office of Insular Affairs is the civil administrator of the Palmyra Atoll.

⁵ Code of the District of Columbia Title 1–2 // Council of the District of Columbia: [сайт]. URL: <https://code.dccouncil.us/dc/council/code/> (дата обращения: 03.03.2019).

⁶ US White House Federal Register: 03-30240 [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.scribd.com/document/788260/US-White-House-Federal-Register-03-30240> (дата обращения: 03.03.2019).

⁷ Constitution and bylaws of the Makah Indian tribe of the Makah Indian Reservation Washington [Электронный ресурс]. URL: <https://www.loc.gov/law/help/american-indian-consts/PDF/36026691.pdf> (дата обращения: 03.03.2019).

⁸ U.S. Code – Unannotated Title 25. Indians // FindLaw: [сайт]. URL: <https://codes.findlaw.com/us/title-25-indians> (дата обращения: 03.03.2019).

⁹ 25 U.S.C. § 229 – U.S. Code – Unannotated Title 25. Indians § 229. Injuries to property by Indians // FindLaw: [сайт]. URL: <https://codes.findlaw.com/us/title-25-indians/25-usc-sect-229.html> (дата обращения: 03.03.2019).

Очевидно, что после достаточно подробного рассмотрения федеративного устройства власти в Америке всеобъемлющий анализ всего круга выборных органов и должностных лиц во всех субъектах США в настоящей статье невозможен и далеко выходит за рамки поставленных целей. Автор в работе ограничивается исследованием круга выборных органов и должностных лиц исключительно в субъектах американской федерации в виде штатов континентальной части, отдельно выделяемой американскими конституционалистами и имеющей собственное наименование «Contiguous United States» (с *англ.* «Смежные Соединенные Штаты»). Такое выделение оправдано тем, что после подписания федеративных договоров бывшие не-смежные территории (например, Территория Аляска¹, Республика Гавайи²) частично либо полностью сохранили свою собственную форму, структуру государственного и муниципального устройства и наименования, отличные от континентальных штатов.

Континентальные штаты также не однородны по установленным принципам разграничения полномочий между уровнями публичной власти. По состоянию на 2018 г. 39 штатов США следовали правовой Доктрине Диллона (Dillon Rule Law) и 11 – Док-

трине Кули (Cooley Doctrine Law), более известной как *Home rule*³ [2]. Принципиальным различием указанных правовых доктрин является вопрос о том, кому принадлежит первоначальная власть.

Доктрина Кули предполагает наличие всей полноты власти у муниципалитетов, которые делегируют часть своих полномочий на уровень субъекта федерации, которые, в свою очередь, передают часть полномочий на национальный уровень. По правилу Диллона вся власть принадлежит штатам и штаты делегируют часть своих полномочий как на федеральный уровень, так и на уровень местного самоуправления и имеют право в любой момент изменить этот баланс делегируемых полномочий.

Однако такое деление можно назвать условным, т. к. большинство штатов можно отнести к использующим смешанную правовую систему. Например, штат Нью-Йорк можно отнести к смешанному типу, использующему Доктрину Диллона для неуставных, т. е. не имеющих устава (*charter*), муниципалитетов (городов и графств) в виде императивных норм в двух законах штата (об организации принципов местного самоуправления в городах и графствах) – «Town Law»⁴ и «County Law»⁵ и следующему Доктрине Кули при разграничении полномочий меж-

¹ Public Law 85–508, 72 Stat. 339, enacted July 7, 1958. An ACT to provide for the admission of the State of Alaska into the Union [Электронный ресурс]. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/STATUTE-72/pdf/STATUTE-72-Pg339.pdf> (дата обращения: 03.03.2019).

² An Act to Provide for the Admission of the State of Hawaii into the Union (Pub.L. 86–3, 73 Stat. 4, enacted March 18, 1959) // HAWAII Independent & Sovereign: [сайт]. URL: <http://www.hawaii-nation.org/admission.html> (дата обращения 03.03.2019).

³ Автор цитирует количество штатов, равное 50, исходя из общепринятой российской правовой традиции.

⁴ New York Consolidated Laws, Town Law – TWN // FindLaw: [сайт]. URL: <https://codes.findlaw.com/ny/town-law> (дата обращения: 03.03.2019).

⁵ New York Consolidated Laws, County Law – CNT // FindLaw: [сайт]. URL: <https://codes.findlaw.com/ny/county-law> (дата обращения: 03.03.2019).

ду уровнями публичной власти штата и муниципального образования, имеющего устав (charter), т. е. уставного, что закреплено в ч. 1–2 ст. 4 соответствующего закона штата – «Municipal Home Rule»¹.

Аналогичным образом к смешанному типу штатов можно отнести Нью-Мексико, где поправкой к Конституции штата² правомочие определять правовую доктрину было передано от легислатуры штата населению. Законодательно это выразилось в принятии закона субъекта федерации, позволяющего населению муниципальных образований самим определять форму муниципального устройства (уставная/неуставная), осуществляя свою деятельность в соответствии с законами штата о местном самоуправлении³ либо реализуя Home rule-Doctrine в полном объеме (табл. 1).

Столь глубокое исследование принципов разграничения публичной власти в штатах США между уровнями местного самоуправления и уровнем государственной власти обусловлено принципиально различными подходами к формированию круга выборных

органов и должностных лиц и их статуса (таб. 2, 3).

Муниципальные выборные органы и должностные лица местного самоуправления в штатах смешанного типа (в части уставных муниципалитетов, нерегулируемых региональным законодательством) и штатах, следующих правовой Доктрине Кули, представлены в табл. 4. Данный компаративный анализ сделан на основе изучения Уставов муниципальных образований Сан-Франциско⁴ (штат Калифорния), Олбани⁵ (столица штата Нью-Йорк) и др.

¹ New York Consolidated Laws, Municipal Home Rule Law – MHR § 33. Power to adopt, amend and repeal county charters // The New York State Senate [сайт]. URL: <https://www.nysenate.gov/legislation/laws/MHR/33> (дата обращения: 03.03.2019).

² New Mexico Constitution Art. X, § 6. Municipal elections; charters; legislative powers and taxation // BallotPedia: [сайт]. URL: https://ballotpedia.org/Article_X,_New_Mexico_Constitution (дата обращения: 03.03.2019).

³ New Mexico Statutes Chapter 3. Municipalities § 3-15-2. Qualified electors may adopt charter // Justia US Law: [сайт]. URL: <https://law.justia.com/codes/new-mexico/2017/chapter-3/article-15/section-3-15-2/> (дата обращения: 19.02.2019).

⁴ City and Country of San Francisco Municipal Code. Charter 1996 [Электронный ресурс]. URL: <https://archive.org/details/gov.ca.sf.charter> (дата обращения: 03.03.2019).

⁵ Chapter Albany County, NY, Adopted by the Albany County Legislature by L.L. No. 8-1993; approved at referendum 11-2-1993 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.albanycounty.com/Files/ACCCharter.pdf> (дата обращения: 03.03.2019).

Таблица 1

**Список основных субъектов американской федерации
по принципу разграничения публичной власти на начало 2019 г.**

Субъект федерации	Правовая Доктрина Кули	Правовая Доктрина Диллона	Примечания
Алабама	Не применяется	Применяется	Правовая Доктрина Диллона применяется только для графств
Аляска	Применяется	Не применяется	
Аризона	Применяется	Применяется	
Арканзас	Применяется ограниченно	Применяется	
Калифорния	Применяется	Применяется	Правовая Доктрина Диллона не применяется для городов, имеющих свои уставы
Колорадо	Применяется	Применяется	
Коннектикут	Применяется	Применяется	
Делавэр	Не применяется	Применяется	
Флорида	Применяется	Коллизионное законодательство	Статуты местного самоуправления, имеющие коллизионные нормативно-правовые акты с законодательством штата, апеллируют к Доктрине Диллона как правовой доктрине прямого действия на территории штата
Джорджия	Применяется	Применяется	Джорджия – единственный штат, где Конституция ¹ штата содержит императивные нормы материального права в отношении правовой доктрины (Home rule). Доктрина Кули, обязательная для всех графств, однако, не обязательна для городов, но может быть им предоставлена Генеральной Ассамблей ² (парламентом) штата [3; 6]
Гавайи	Применяется	Применяется	
Айдахо	Применяется	Применяется	
Иллинойс	Применяется	Применяется	Доктрина Диллона применяется в тех муниципальных образованиях, которым не предоставлено индивидуальное право применять Доктрину Кули. Правовая Доктрина Диллона была имплементирована в Конституцию штата ³ поправкой 1970 г. и вступила в силу в 1971 г.

¹ Constitution of the State of Georgia Art. IX, § 2, I, II // Justia US Law: [сайт]. URL: <https://law.justia.com/constitution/georgia/conart9.html> (дата обращения: 03.03.2019).

² Georgia Code Title 36. Local Government § 36-35-3 // FindLaw: [сайт]. URL: <https://codes.findlaw.com/ga/title-36-local-government/ga-code-sect-36-87-1.html> (дата обращения: 03.03.2019).

³ Constitution of the State of Illinois Art. VII, § 6. Powers of Home Rule Units. // BallotPedia: [сайт]. URL: https://ballotpedia.org/Article_VII,_Illinois_Constitution (дата обращения: 03.03.2019).

Продолжение таблицы 1

Субъект федерации	Правовая Доктрина Кули	Правовая Доктрина Диллона	Примечания
Индиана	Применяется ограниченно	Применяется	Правовая Доктрина Диллона применяется для городов «районного» подчинения (уровня графств)
Айова	Применяется	Не применяется	
Канзас	Применяется ограниченно	Применяется	Правовая Доктрина Диллона не применяется для городов и графств
Кентукки	Применяется только в городах	Применяется	
Луизиана	Применяется	Применяется	Правовая Доктрина Диллона применяется только для муниципалитетов, созданных до 1974 г.
Мэн	Применяется	Применяется	
Мэриленд	Применяется	Применяется	
Массачусетс	Применяется	Не применяется	
Мичиган	Применяется	Применяется	
Миннесота	Применяется	Применяется	
Миссисипи	Не применяется	Применяется	
Миссури	Применяется	Применяется	Правом изменения применяемой правовой доктрины наделены муниципалитеты ¹
Монтана	Применяется	Не применяется	
Небраска	Не применяется	Применяется	
Невада	Применяется	Не применяется*	Правовая Доктрина Диллона введена в законодательство штата ² в 2015 г. Действенность нормы и правоприменительная практика недостаточно исследованы либо отсутствуют
Нью Гемпшир	Не применяется	Применяется	
Нью Джерси	Применяется	Не применяется	

¹ Missouri Constitution of 1945 Article VI, § 19(a). Power of charter cities, how limited. // FindLaw: [сайт]. URL: <https://codes.findlaw.com/mo/missouri-constitution-of-1945/mo-const-art-6-sect-19-a.html> (дата обращения: 03.03.2019).

² Assembly Bill No. 413–Committee on Government affairs, Nevada, March 19, 2015 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.leg.state.nv.us/Session/78th2015/Bills/AB/AB413.pdf> (дата обращения: 03.03.2019).

При принятии нормативно-правового акта законодатель штата обосновывал изменение законодательства прецедентным решением суда штата Айова 1868 г.: Dillon J. Merriam v. Moody's Ex'rs, 25 Iowa 163, 170 (1868). Vol. 1. § 237. In: Commentaries on the Law of Municipal Corporations. Boston: Little, Brown and Company, 1911, pp. 448–451.

Продолжение таблицы 1

Субъект федерации	Правовая Доктрина Кули	Правовая Доктрина Диллона	Примечания
Нью-Мексико	Не применяется	Не применяется	Согласно поправке 1970 г. к Конституции штата Нью-Мексико ¹ правомочием по выбору правовой доктрины для муниципалитетов народ штата наделил жителей муниципальных образований. Конституция штата и принятый в соответствии с ней закон штата ² наделяют исключительным правомочием выбирать правовую доктрину (принимать Устав муниципального образования) т. е. имплементировать «Home rule – доктрину» (Доктрина Кули) жителей муниципалитета всенародным голосованием
Нью Йорк	Применяется	Применяется	
Северная Каролина	Применяется ограниченно	Применяется	
Северная Дакота	Применяется	Применяется	
Огайо	Применяется	Не применяется	
Оклахома	Не применяется	Применяется	
Орегон	Применяется	Не применяется	
Пенсильвания	Применяется	Применяется	
Род-Айленд	Применяется	Применяется	
Южная Каролина	Применяется ограниченно	Не применяется	
Южная Дакота	Применяется	Применяется	
Теннесси	Применяется	Применяется	Правовая Доктрина Диллона применяется только в отношении муниципалитетов не имплементировавших у себя Доктрину Кули

¹ New Mexico Constitution Art. X, § 6. Municipal elections; charters; legislative powers and taxation // FindLaw: [сайт]. URL: <https://codes.findlaw.com/nm/new-mexico-constitution/nm-const-art-x-sect-6.html> (дата обращения: 03.03.2019).

² New Mexico Statutes Chapter 3. Municipalities § 3-15-2. Qualified electors may adopt charter // Justia US Law: [сайт]. URL: <https://law.justia.com/codes/new-mexico/2017/chapter-3/article-15/section-3-15-2> (дата обращения: 03.03.2019).

Продолжение таблицы 1

Субъект федерации	Правовая Доктрина Кули	Правовая Доктрина Диллона	Примечания
Техас	Применяется ограниченно	Применяется	Города могут имплементировать Home rule – правовую доктрину, только если их население превышает 5000 жителей и избиратели путем референдума примут Устав муниципалитета, проект которого не будет содержать противоречий с Конституцией штата Техас и законодательством. Если после принятия Устава население муниципалитета будет ниже установленного законом в 5000 жителей, Устав сохраняет свою юридическую силу, и в него могут вноситься поправки и изменения. Все остальные муниципалитеты с населением менее 5000 жителей не могут иметь собственные Уставы и собственную расширенную дискрецию полномочий. Школьные округа подпадают под юрисдикцию закона штата либо Устава уставного муниципального образования. Однако закон не запрещает принять Устав школьного округа в любом муниципальном образовании, но на начало 2019 г. ни один муниципалитет не реализовал данного права. Образовательные организации, учреждённые государственными органами, подчиняются исключительно соответствующему закону, и юрисдикция Уставов на них не распространяется. Иные специальные территории в штате не правомочны принимать свои Уставы и имплементировать у себя Доктрину Кули
Юта	Применяется ограниченно	Не применяется	
Вермонт	Не применяется	Применяется	
Вирджиния	Не применяется	Применяется	
Вашингтон	Применяется	Применяется	

Окончание таблицы 1

Субъект федерации	Правовая Доктрина Кули	Правовая Доктрина Диллона	Примечания
Западная Вирджиния	Эксперимент	Не применяется	Правовая Доктрина Диллона прекратила своё действие на территории штата внесением поправок в Муниципальный кодекс 1969 г. В настоящий момент в штате проводится эксперимент по переходу на Правовую Доктрину Кули. Пилотный проект ¹ должен завершиться к середине 2019 г.
Висконсин	Применяется ограниченно	Применяется	
Вайоминг	Не применяется	Применяется	

Таблица 2

**Список выборных должностных лиц местного самоуправления
и выборных органов местного самоуправления уровня графства
(аналог муниципального района в РФ) на примере штата Нью-Йорк²**

Выборное должностное лицо местного самоуправления уровня графства ³		Примечания
английское наименование	перевод	
Sheriff	Шериф	Руководитель муниципальной полиции
County clerk	Секретарь графства	По функциям настоящая должность очень близка к должности первого заместителя главы администрации муниципального района либо вице-мэра городского округа в РФ (в случае выборности) с одновременным совмещением должности главы муниципальной избирательной комиссии
District attorney	Окружной прокурор	Прокурор, руководитель прокуратуры муниципалитета
County treasurer	Казначей графства	Главный бухгалтер муниципалитета

¹ West Virginia Code and Constitution, §7, Article 1. // FindLaw [сайт]. URL: <https://codes.findlaw.com/wv> (дата обращения: 03.03.2019).

² Штат Нью-Йорк выбран автором в качестве эталонного штата в связи с наличием зрелого регионального законодательства. Косвенно о зрелости избирательного законодательства можно судить по объёму законов о выборах в различных субъектах федерации. Так в штате Миссури закон о выборах состоит из 249 с., в штате Миннесота – из 482 с., в штате Огайо – из 597 с., в штате Нью-Йорк – из 722 с.

³ Высшее должностное лицо графства не избирается населением, а выбирается из состава представительного органа местного самоуправления.

New York Consolidated Laws, County Law – CNT § 400. Officers; manner of selection; term; vacancies // FindLaw [сайт]. URL: <https://codes.findlaw.com/ny/county-law/cnt-sect-400.html> (дата обращения: 03.03.2019).

New York Consolidated Laws, County Law – CNT § 450. Chairman of the board; powers and duties. // FindLaw: [сайт]. URL: <https://codes.findlaw.com/ny/county-law/cnt-sect-450.html> (дата обращения: 03.03.2019).

Окончание таблицы 2

Coroner	Коронер ¹	В РФ такого субъекта либо участника уголовного процесса не существует. Процессуально функции коронера разделены между судебно-медицинской экспертизой, следственным комитетом и судом [5]
County judge	Судья графства	Судья общей юрисдикции
Surrogate judge	Судья Суда по делам опеки и наследования	Судья, рассматривающий дела с наследованием, невестребованным имуществом покойного, а также вопросами усыновления
Judge of the family court	Судья Семейного суда	Судья, рассматривающий дела семейного права (как правило, без присяжных)
The board of supervisors	Попечительский совет графства	Представительный орган местного самоуправления
The board of education in a school district ²	Совет управления образования в школьном округе	Представительный орган местного самоуправления ³ , курирующий работу и финансирование муниципальных школ

¹ Коронер – это выборное должностное лицо в 28 штатах, которое процессуально должно установить криминальный либо не криминальный характер смерти человека. Очень обобщённо можно описать его как врача-юриста, который выступает процессуально на различных стадиях: как судмедэксперт при изучении обстоятельств смерти человека; в случае необходимости может проводить предварительное расследование как следователь; в конечном итоге, процессуально становится судьёй в суде присяжных (малое жюри). К исключительной компетенции коронерского суда присяжных отнесено только вынесение вердикта о характере смерти (криминальный /не криминальный). Если присяжные приходят к выводу, что смерть наступила естественным образом, коронер выносит соответствующий вердикт и закрывает дело. Если же присяжные приходят к выводу, что в деле имеется криминальная составляющая, коронер передаёт дело для дальнейшего расследования по подведомственности. Стоит отметить, что должность коронера не профессиональная. Только в 3-х штатах США (Балтимор, Мэриленд и Нью-Йорк) предъявляются требования о наличии у кандидата медицинского образования (либо юридического в нескольких других штатах). По общему правилу кандидат на должность коронера сначала реализует своё пассивное избирательное право, а уже после избрания проходит необходимое обучение за счёт бюджета. Особую сложность в централизованном обучении коронеров и последующем избрании на должность представляют различающиеся избирательные системы, требования, предъявляемые к кандидатам, и системы расследования смерти (death investigation systems). На 3137 графств в США приходится 2342 различных системы.

Hanzlick R. An Overview of Medical Examiner: Coroner Systems in the United States. [Электронный ресурс]. URL: https://sites.nationalacademies.org/cs/groups/pgasite/documents/webpage/pga_049924.pdf (дата обращения: 03.03.2019).

² New York Consolidated Laws, Education Law - EDN § 2608. Nomination and ballot // FindLaw: [сайт]. URL: <https://codes.findlaw.com/ny/education-law/edn-sect-2608.html> (дата обращения: 03.03.2019).

³ New York Consolidated Laws, Education Law - EDN § 1501-b. Additional power of boards of education // FindLaw: [сайт]. URL: <https://codes.findlaw.com/ny/education-law/edn-sect-1501-b.html> (дата обращения: 03.03.2019).

Таблица 3

Список выборных должностных лиц местного самоуправления и выборных органов местного самоуправления уровня города (аналог городского округа в РФ) на примере штата Нью-Йорк

Выборное должностное лицо местного самоуправления уровня города (аналог городского округа в РФ)		Примечания
английское наименование	русское наименование	
Supervisor	Мэр	
Town clerk	Секретарь города	По функциям близок к должности первого заместителя главы либо вице-мэра городского округа (в случае выборности) в РФ с возможным совмещением функций руководителя городской избирательной комиссии
Town justices	Городские судьи	Все городские судьи избираются независимо от рассматриваемых ими дел и отраслей права
Town superintendent of highways	Суперинтендант дорог	Руководитель департамента либо управления дорог муниципального образования
Town receiver of taxes and assessments	Городской налоговый инспектор	Руководитель департамента либо управления налоговой службы
Town council	Городской совет	Представительный орган местного самоуправления
The board of education in a school district	Совет управления образования в школьном округе	Представительный орган местного самоуправления, курирующий работу и финансирование муниципальных школ

Таблица 4

Список выборных должностных лиц местного самоуправления и выборных органов местного самоуправления уровня города, имеющего свой устав (аналог городского округа в РФ), на примере штата Нью-Йорк

Выборное должностное лицо местного самоуправления в уставном муниципалитете		Примечания
английское наименование	перевод	
County Executive	Мэр	
Town clerk	Секретарь города	По функциям близок к должности первого заместителя главы либо вице-мэра городского округа в РФ (в случае выборности) с возможным совмещением функций руководителя городской избирательной комиссии

Окончание таблицы 4

Выборное должностное лицо местного самоуправления в уставном муниципалитете		Примечания
английское наименование	перевод	
Town justices	Городские судьи	Все городские судьи избираются независимо от рассматриваемых ими дел и отраслей права
Town superintendent of highways	Суперинтендант дорог	Руководитель департамента либо управления дорог муниципального образования
Town receiver of taxes and assessments	Городской налоговый инспектор	Руководитель департамента либо управления налоговой службы
Town council	Городской совет	Представительный орган местного самоуправления
The board of education in a school district	Совет управления образования в школьном округе	Представительный орган местного самоуправления, курирующий работу и финансирование муниципальных школ

Стоит отметить, что указанный в табл. 4 список выборных должностных лиц местного самоуправления не является императивным либо отражающим некую единую административно-правовую позицию. Каждый уставный муниципалитет, как правило, сам определяет свою структуру, муниципально-правовую форму и круг выборных и назначаемых должностных лиц. Согласно Уставу¹, в муниципалитете Сан-Франциско (Калифорния) избираются на прямых выборах мэр, шериф, окружной прокурор, прокурор города, казначей города, начальник налоговой инспекции, публичный защитник (адвокат по назначению для неимущих граждан), а также члены городского совета – представительного органа местного самоуправления. В штате Калифорния Конституция² так-

же требует избрания прямым голосованием судей всех уровней, однако переход штата в ходе судебной реформы на самую жёсткую форму так называемого Плана Миссури [4] (The Missouri Plan) свела выборы к референдумному типу³.

com/ca/constitution-of-the-state-of-california-1879/cons-art-vi-sect-16.html (дата обращения: 03.03.2019).

³ Исследование Плана Миссури выходит за рамки данной работы, поэтому автор ограничивается короткой ремаркой: План Миссури был разработан в штате Миссури в 70-х гг. XX в. как реакция на политизированность американской судебной системы. Согласно Плану судьи не должны принадлежать либо быть сторонниками какой-либо политической партии, для чего предлагался предварительный отбор (селекция) всех кандидатов в судьи, т. к. прямое и непосредственное выдвижение кандидатов и выборы судей не обеспечивали политической беспристрастности. Штат Калифорния сильно модифицировал свою избирательную систему выборов судей, конституционность которой можно поставить под сомнение. Хотя формально выборы судей в соответствии с Конституцией штата сохранены, но, согласно нормативно-правовым актам субъекта федерации, номинирование кандидатов в судьи всех уровней на выборы относится к исключительной компетенции губернатора штата.

¹ Appendix D. Instant Runoff Voting. San Francisco Charter § 13.102 [Электронный ресурс]. URL: https://sfgov.org/sfc/vstf/ftp/uploadedfiles/VotingSystemsTaskForce/AppendixD_.pdf (дата обращения: 03.03.2019).

² Constitution of the State of California 1879 Art. VI, § 16 // FindLaw: [сайт]. URL: <https://codes.findlaw.com/ca/constitution-of-the-state-of-california-1879/cons-art-vi-sect-16.html>

В США также можно найти муниципалитеты, в которых избираются на прямых выборах должностные лица местного самоуправления, сравнимые с такими должностными лицами в России, как руководитель отдела записей и актов гражданского состояния (ЗАГС), руководитель торгового отдела (County Weights and Measures Inspector), руководитель городского архива и музеев (County historian) и др. Однако особой ценностью для конституционалистов может по праву считаться Устав г. Нью-Йорка¹. Форма муниципального устройства города такова², что опре-

При этом исключительные полномочия губернатора являются формальными, т. к. перед номинированием кандидата в судьи губернатор обязан получить положительное заключение на кандидатуру в Ассоциации адвокатов штата (the Commission on Judicial Nominees Evaluation (JNE) of the State Bar of California). Критики Плана Миссури утверждают, что его реализация привела к фактической зависимости номинирования (по сути, назначения) судей от мнения небольшой группы влиятельных практикующих адвокатов, имеющих вес в Ассоциации адвокатов штата.

¹ New York City Charter [Электронный ресурс]. URL: http://www.nyc.gov/html/records/pdf/section%201133_citycharter.pdf (дата обращения: 03.03.2019).

² Судьи Нью-Йоркского городского суда (в частности Семейного суда, Уголовного суда) не избираются, а назначаются мэром города. Однако в силу Устава (New York City Charter. Chapter 1 § 8b) мэр сам является судьёй (The mayor shall be a magistrate). При этом прокуроры назначаются легислатурой, но структура органов власти предусматривает ещё и такую выборную муниципальную должность, как общественный защитник («народный прокурор»), функционально обладающий полномочиями, разделёнными в РФ между прокуратурой и уполномоченным по правам человека, но по должности являющийся членом представительного органа местного самоуправления по формуле 51+1 (New York City Charter. Chapter 2 § 22).

деление количества ветвей власти и их взаимоотношений потребует отдельного вдумчивого исследования, что выходит за рамки настоящей работы.

В завершение настоящей работы поговорим о круге выборных органов и должностных лиц на уровне субъекта федерации на примере штата Миссури (табл. 5). Выбор штата, с одной стороны, обусловлен его медийным положением практически по всем характеристикам в системе статистического учёта США, а с другой стороны, штат имеет развитую университетско-научную базу в области теории юриспруденции, что нашло отражение в разработанной в Миссури национальной юридической концепции (права политических партий влиять на судебную систему) по деполитизации судебной системы США, получившей название «Missouri Plan». Конституционно-правовые основания штата Миссури³ сформированы по общему правилу. Аналогичным образом сконструированы и конституции большинства субъектов американской федерации [1], что даёт возможность получить объективное понимание о форме государственных институтов в целом.

³ Missouri Constitution of 1945 // FindLaw: [сайт]. URL: <https://codes.findlaw.com/mo/missouri-constitution-of-1945> (дата обращения: 03.03.2019).

Таблица 5

Список выборных должностных лиц и выборных органов уровня субъекта американской федерации на примере штата Миссури

Выборное должностное лицо государственного органа		Примечания
<i>английское наименование</i>	<i>перевод</i>	
Governor	Губернатор	
Lieutenant governor	Вице-губернатор	
State auditor	Аудитор штата	По своим функциям близок к должности государственного гражданского служащего начальника контрольно-ревизионного управления в субъектах РФ
Secretary of state	Государственный секретарь штата	По своим функциям не имеет прямого соответствия в РФ. Функции государственного секретаря штата распределены между главой администрации губернатора, канцелярией губернатора, избирательной комиссией субъекта федерации, т. к. по общему правилу госсекретарь штата также является главой избирательной комиссии штата
State treasurer	Казначей штата	
Attorney general	Прокурор штата	
Judges of the Supreme Court	Судьи Верховного суда штата	Все судьи Верховного суда штата должны быть избраны по мажоритарным округам на единый и фиксированный срок. Глава Справедливости – Chief Justice (Председатель Верховного Суда) избирается судьями Верховного суда штата самостоятельно из своего состава ¹
Judges of the Court of Appeals	Судьи Апелляционного суда (Суда апелляционной инстанции) штата	Все судьи Апелляционного суда штата должны быть избраны по мажоритарным округам на единый и фиксированный срок. Глава Справедливости – Chief Justice (Председатель Апелляционного Суда) избирается судьями Апелляционного суда штата самостоятельно из своего состава
Senate of The General Assembly of the State of Missouri	Сенат Генеральной Ассамблеи штата Миссури	Верхняя палата законодательного органа субъекта американской федерации (выборы сенаторов штата проводятся по мажоритарной системе, по мажоритарным округам, не совпадающим с границами муниципальных образований)
House of representatives of The General Assembly of the State of Missouri	Палата представителей Генеральной Ассамблеи штата Миссури	Нижняя палата законодательного органа субъекта американской федерации

¹ Missouri Constitution of 1945 Art. V, § 8. Chief justice and chief judges, election, terms-authority of chief justice // FindLaw: [сайт]. URL: <https://codes.findlaw.com/mo/missouri-constitution-of-1945/mo-const-art-5-sect-8.html> (дата обращения: 03.03.2019).

Выводы

В ходе настоящего исследования автором была подробно проанализирована структура федеративного устройства власти в США на уровне субъектов федерации и местного самоуправления, а также тщательно исследован круг выборных органов и должностных лиц. На основе вышеизложенных фактов можно утверждать, что фактическое количество субъектов американской федерации равно не пятидесяти, как указывается в научной литературе и разделяется многими авторами и исследователями, а значительно больше. Устройство федерации имеет не «плоскую» структуру с субъектами федерации одного типа, а представляет собой сложную, порой «матрешечную» систему штатов, республик, стран и территорий, а также уникальную систему местного самоуправления, являющуюся следствием имплементации дифференцированных правовых доктрин на уровне субъектов федерации. Стоит сделать акцент и на «демократичности» современной формы института выборов на каждом уровне власти в США в их взаимосвязи.

Предполагалось, что система института выборов в США представляет собой «пирамиду», на вершине которой находится наименее демократический уровень власти, включающий не прямые выборы президента. В противовес ему нижний уровень власти (местное самоуправление) представлен исключительно прямыми выборами по мажоритарным округам с максимально широким количеством избираемых органов и должностных лиц. Между тем в США с 70-х гг. XX в. с началом

нескольких муниципальных реформ, затронувших большинство субъектов федерации и имевших целью ещё большее расширение избирательных прав населения и демократизации власти на уровне местных сообществ, наблюдается негативный процесс ограничения прав избирателей и снижение уровня демократичности института выборов на муниципальном уровне, что приводит к постепенному превращению «пирамиды демократичности» в геометрическую фигуру, по форме больше напоминающую яйцо. Такой процесс, длящийся уже около 50 лет, предположительно связан с проблемами перехода (имплементации) субъектов федерации полностью или частично к Доктрине Кули. По смыслу идущих реформ имплементация в правовую систему штатов *Home rule* – доктрины должна была обеспечить ещё большее расширение прав местных сообществ в виде увеличения количества выборных органов, выборных должностных лиц и частоты избирательных циклов, обеспечив конституционные гарантии подлинного отделения местного самоуправления от государственной власти.

Реалии же демонстрируют противоположную практику – обретение муниципальными сообществами права самим определять свою муниципально-правовую форму приводит к резкому уменьшению количества выборных должностных лиц местного самоуправления, а также к увеличению времени пребывания у власти (как правило с 2-х до 4-х лет), т. е. снижению частоты избирательных циклов и уменьшению общей демократичности системы. Эти же процессы, затрагивающие судебную ветвь власти,

в итоге приводят к сращиванию этого важнейшего элемента независимого и беспристрастного правосудия с исполнительной ветвью власти, а иногда и с корпоративными сообществами на различных уровнях власти путем

прямого принятия конституционных и муниципальных нормативно-правовых актов, что может иметь негативные последствия для стабильного функционирования государственной системы в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лафитский В. И. Конституция американского штата (политико-правовой анализ): дис. ... канд. юрид. наук. М., 1984. 203 с.
2. Шидловский А. В. Доктрина Кули и Правило Диллона: современные проблемы Американского избирательного права // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2018. № 3. С. 107–123.
3. Grant D., Omdahl L. State and Local Government in America. Boston: Allyn and Bacon, 1987. 545 p.
4. Glick H. R. The promise and the performance of the Missouri Plan: Judicial selection in the fifty states // University of Miami Law Review 1978. No. 2. Vol. 32. P. 509–541.
5. Hanzlick R. An Overview of Medical Examiner: Coroner Systems in the United States [Электронный ресурс]. URL: https://sites.nationalacademies.org/cs/groups/pgasite/documents/webpage/pgs_049924.pdf (дата обращения: 03.03.2019).
6. Lorch R. State and Local Politics: The Great Entanglement. New Jersey: Prentice-Hall, 1983. 440 p.

REFERENCES

1. Lafitsky V. I. *Konstitutsiia amerikanskogo shtata (politiko-pravovoi analiz): diss...kand. iur. nauk* [Constitution of the American State (Political and Legal Analysis): PhD thesis in Law]. Moscow, 1984, 203 p.
2. Szydlowski A. V. [Cooley Doctrine and Dillon's Rule: current problems of U.S. Election Law]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Yurisprudenciya* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence], 2018, no. 3, pp. 107–123.
3. Grant D., Omdahl L. State and Local Government in America. Boston etc.: Allyn and Bacon, 1987, 545 p.
4. Glick H. R. The promise and the performance of the Missouri Plan: Judicial selection in the fifty states. In: *University of Miami Law Review*, 1978, no. 2, vol. 32, pp. 509–541.
5. Hanzlick R. An Overview of Medical Examiner: Coroner Systems in the United States. URL: https://sites.nationalacademies.org/cs/groups/pgasite/documents/webpage/pgs_049924.pdf (accessed: 03.03.2019).
6. Lorch R. State and Local Politics: The Great Entanglement. N.J.: Prentice-Hall, 1983, 440 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шидловский Алексей Валерьевич – преподаватель кафедры государственного (конституционного) и муниципального права юридического факультета Южного федерального университета, международный электоральный эксперт ОБСЕ, международный наблюдатель на выборах Президента США в 2012 и 2016 гг. от России;
e-mail: szydlowski@sfedu.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexey V. Szydłowski – lecturer at the Department of State (Constitutional) and Municipal Law at Law Faculty, Southern Federal University, the international election observer at the Election of the President of the U.S. in 2012, 2016;
e-mail: szydlowski@sfedu.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Шидловский А. В. Круг выборных органов и должностных лиц в штатах США в разрезе федеративного устройства власти // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2019. № 1. С. 82–100.
DOI: 10.18384/2310-6794-2019-1-82-100

FOR CITATION

Szydłowski A. V. Us Electoral Bodies and Officials within the Framework of Federal System. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2019, no. 1, pp. 82–100.
DOI: 10.18384/2310-6794-2019-1-82-100

УДК 342/57(470)

DOI: 10.18384/2310-6794-2019-1-101-111

МНОГОНАЦИОНАЛЬНЫЙ НАРОД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК ИСТОЧНИК ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ СУБЪЕКТА РФ: ЗА И ПРОТИВ

Давыдова М. Л., Боков Ю. А.

Волгоградский государственный университет

400062, г. Волгоград, пр-т Университетский, д. 100, Российская Федерация

Аннотация. В данной работе анализируются формулировки конституций и уставов субъектов Российской Федерации, закрепляющие источник региональной государственной власти. Дается оценка используемым для этого терминам: «народ», «граждане», «жители», «население». Исследуется опыт Волгоградской области, устав которой признаёт источником власти многонациональный народ России. В качестве основных методов исследования использовались формально-юридический и сравнительно-правовой. Применение сравнительно-правового метода обеспечило возможность анализа нормативно закреплённых источников государственной власти в различных субъектах РФ. Авторы приходят к выводу, что указание на народ как источник власти субъекта Российской Федерации отсылает нас к традиционной конституционной терминологии и является вполне уместным для текста региональной конституции или устава. При этом есть основания не вести речь о народе конкретного субъекта федерации, а рассматривать в качестве источника власти в регионе российский народ в целом. В этом случае органы государственной власти субъектов Российской Федерации должны являться выразителями интересов и воли народа (соответственно народа России и народа субъекта РФ). Особое внимание должно при этом уделяться обозначению той сферы, в которой решающая роль отводится собственно волеизъявлению жителей субъекта Российской Федерации, так как иное может вступить в противоречие с принципом федерализма. Положения настоящей работы могут быть использованы в научной, учебной и законотворческой деятельности.

Ключевые слова: народ, многонациональный народ, источник власти, референдум, субъект Российской Федерации, устав субъекта федерации, региональное законодательство.

MULTINATIONAL PEOPLE OF THE RUSSIAN FEDERATION AS A SOURCE OF POWER OF THE SUBJECT OF THE RUSSIAN FEDERATION: PROS AND CONS

M. Davydova, Y. Bokov

Volgograd State University

100, University prospect, Volgograd, 400062, Russian Federation

Abstract. The article examines the wording of the constitutions and charters of the subjects of the Russian Federation, compares the articles in which the sources of regional government are fixed and evaluates such terms as «people», «citizens», «inhabitants», «population» naming them. Particular attention is paid to the charter of the Volgograd region in which the multina-

© СС BY Давыдова М. Л., Боков Ю. А., 2019.

tional people of the Russian Federation is recognized as a source of power in the Volgograd region. The research procedures included formal and comparative legal methods. The use of comparative legal method allowed to analyze regulatory acts of various constituent entities of the Russian Federation. The authors conclude that referring to the people as a source of authority of the subject of the Russian Federation corresponds to the traditional constitutional terminology and is quite appropriate for the text of a regional constitution or charter. The article can be used in academic, educational and legislative activities.

Keywords: people, multinational people, source of power, referendum, subject of the Russian Federation, charter of the subject of the federation, regional law-making.

12 декабря 1993 г. – одна из значимых дат в новейшей российской истории. С ней связано не только принятие действующей Конституции России, но и создание новых парламентов: на федеральном уровне и в нескольких субъектах Российской Федерации. В этот день были избраны члены Совета Федерации и депутаты Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, а также депутаты Волгоградской областной Думы первого созыва¹.

Прошедшие 25 лет вместили в себя процесс становления регионального законотворчества, параллельно проходивший во всех субъектах Российской Федерации. В целом ряде случаев отсутствие федерального и регионального опыта в решении конкретных задач приводило к появлению собственных оригинальных юридических конструкций и нормативных актов (например, закон № 721-ОД «О борьбе с коррупцией на территории Волгоградской области» (утратил силу)²,

принятый за 6 лет до № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»³). Часть из таких самостоятельно найденных законотворческих решений со временем корректировалась, приводилась в соответствие с развивающимся федеральным законодательством. Некоторые – действуют до сих пор. В частности, заслуживают внимания положения Устава, закрепляющие источник государственной власти Волгоградской области.

На первый взгляд, вся оригинальность сводится к отсутствию оригинальности, т. е. к воспроизведению положений Конституции РФ, согласно которой (ст. 3) единственным источником как государственной, так и муниципальной власти в государстве выступает *многонациональный народ Российской Федерации*, осуществляющий свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления.

Действующий Устав Волгоградской области⁴ вслед за Конституцией РФ

¹ Волгоградская областная Дума первого созыва (1993–1998 гг.) // Волгоградская областная дума: [сайт]. URL: <http://volgoduma.ru/odume/history.html?start=1> (дата обращения: 12.12.2018).

² Закон Волгоградской области от 09.07.2002 № 721-ОД «О борьбе с коррупцией на территории Волгоградской области» (утратил силу) // Гарант: [сайт]. URL: <http://base.garant.ru/20116810> (дата обращения: 03.03.2019).

³ Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // Гарант: [сайт]. URL: <https://base.garant.ru/12164203> (дата обращения: 03.03.2019).

⁴ Устав Волгоградской области от 24.02.2012 № 1-ОД [Электронный ресурс]. URL: http://uv.volgograd.ru/upload/iblock/5d3/Ustav-Volgogradskoy-oblasti-ot-24_02_2012-N-1_OD-prinyat-Vol.pdf (дата обращения: 03.03.2019).

в качестве источника власти провозглашает *многонациональный народ Российской Федерации* (ч. 1 ст. 6). Аналогичное положение содержалось и в ч. 1 ст. 4 ранее действовавшего Устава¹ Волгоградской области 1996 г.

Проведённый анализ регионально-го законодательства показывает, что только единичные субъекты федерации пошли по пути прямого воспроизведения конституционной нормы. В Конституциях Республик Мордовия² и Хакасия³, Уставах Пермского края⁴, Волгоградской и Самарской⁵ областей именно *многонациональный народ Российской Федерации* определён в качестве единственного источника государственной власти субъекта РФ. В Уставе Кировской области в качестве единственного источника власти указан *многонациональный народ России и население области как его составная часть*.

Данные формулировки позволяют поставить два вопроса:

1. Насколько удачным является термин «народ» («многонациональ-

ный народ») применительно к уставу субъекта федерации?

2. Правомерно ли указание на народ Российской Федерации как на источник власти отдельного региона?

Для ответа на эти вопросы необходимо в первую очередь оценить существующую практику изложения соответствующих статей региональных конституций и уставов. Как правило, в качестве источника государственной власти субъекта РФ в них называются такие общности: народ, жители, граждане, население.

Народ рассматривается в качестве источника власти в уставах и конституциях ряда субъектов Российской Федерации. Так, в ч. 1 ст. 15 Устава Краснодарского края⁶ говорится: «Источником государственной власти в Краснодарском крае является *народ*». Заметим, что в первоначальной редакции данного устава говорилось о *многонациональном народе Краснодарского края*.

В большинстве Конституций республик указана принадлежность власти народу без какой-либо конкретизации. О принадлежности власти непосредственно народу республики говорится в конституциях республик Адыгея⁷, Алтай⁸, Дагестан⁹.

¹ Устав (Основной закон) Волгоградской области от 17.07.1996 N 73-ОД (утратил силу) // Гарант: [сайт]. URL: http://constitution.garant.ru/region/ustav_volgograd (дата обращения: 03.03.2019).

² Конституция Республики Мордовия от 21.09.1995 // Гарант: [сайт]. URL: http://constitution.garant.ru/region/cons_mordov (дата обращения: 03.03.2019).

³ Конституция Республики Хакасия от 25.05.1995 // Гарант: [сайт]. URL: http://constitution.garant.ru/region/cons_hakas (дата обращения: 03.03.2019).

⁴ Устав Пермского края от 19.04.2007 № 32-ПК // Гарант: [сайт]. URL: http://constitution.garant.ru/region/ustav_perm/ (дата обращения: 03.03.2019).

⁵ Устав Самарской области от 05.12.2006 № 179-ГД // Гарант: [сайт]. URL: http://constitution.garant.ru/region/ustav_samar (дата обращения: 03.03.2019).

⁶ Устав Краснодарского края // Гарант: [сайт]. URL: https://http://constitution.garant.ru/region/ustav_krasnod (дата обращения: 03.03.2019).

⁷ Конституция Республики Адыгея от 10.03.1995 // Гарант: [сайт]. URL: http://constitution.garant.ru/region/cons_adig (дата обращения: 03.03.2019).

⁸ Конституция Республики Алтай (Основной Закон) от 7.07.1997 // Гарант: [сайт]. URL: http://constitution.garant.ru/region/cons_altai (дата обращения: 03.03.2019).

⁹ Конституция Республики Дагестан от 10.07.2003 // Гарант: [сайт]. URL: <http://>

Многонациональный народ республики в составе Российской Федерации в качестве носителя суверенитета и единственного источника власти был преимущественно обозначен в большинстве конституций республик в первоначально принятых редакциях. В ч. 1 ст. 3 Конституции Республики Татарстан¹ данное положение сохранено до сегодняшнего дня, несмотря на то, что решением Верховного Суда РФ от 31.03.2004 № 3п-1-23/2004 признано противоречащим федеральному законодательству, недействующим и не подлежащим применению. В конституциях Чеченской² республики и Республики Крым³ указывается, что источником власти является *народ республики как часть многонационального народа Российской Федерации*.

Во всех городах федерального значения единообразно в качестве источника власти названы жители субъекта РФ (ч. 1 ст. 4 Устава г. Москвы⁴; ч. 1

ст. 4 Устава г. Санкт-Петербурга⁵; ч. 1 ст. 4 Устава г. Севастополя⁶).

В других субъектах подобное единообразие в определении источника власти отсутствует. В некоторых областях в качестве источника власти, как и в городах федерального значения, названы *жители* (ст. 7 Устава Воронежской области⁷), в других – *граждане* (ч. 1 ст. 4 Устава Ростовской области⁸).

В п. 2 ст. 2 Устава Московской области⁹ указывается, что право *населения* области на власть гарантируется. Ч. 1 ст. 3 Устава Ленинградской области¹⁰: «Публичная власть в Ленинградской области осуществляется ее *населением*».

Изначально (до внесения изменений законом Волгоградской области 2010 г. № 1987-ОД) Устав Волгоградской области 1996 г. содержал следующие положения: источником власти

constitution.garant.ru/region/cons_dagest/ (дата обращения: 03.03.2019).

¹ Конституция Республики Татарстан от 06.11.1992 // Гарант: [сайт]. URL: http://constitution.garant.ru/region/cons_tatar (дата обращения: 03.03.2019).

² Конституция Чеченской Республики от 23.03.2003 // Гарант: [сайт]. URL: http://constitution.garant.ru/region/cons_chech (дата обращения: 03.03.2019).

³ Конституция Республики Крым от 11.04.2014 // Гарант: [сайт]. URL: http://constitution.garant.ru/region/cons_krim (дата обращения: 03.03.2019).

⁴ Закон г. Москвы от 28.06.1995 «Устав города Москвы» // Консультант Плюс: Справочно-правовая система [сайт]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=MLAW&n=2360#023364806314780018> (дата обращения: 03.03.2019).

⁵ Устав Санкт-Петербурга от 14.01.1998 // Гарант: [сайт]. URL: http://constitution.garant.ru/region/ustav_spb (дата обращения: 03.03.2019).

⁶ Устав г. Севастополь от 14.04.2014 № 1-3С // Гарант: [сайт]. URL: http://constitution.garant.ru/region/ustav_sevastopol (дата обращения: 03.03.2019).

⁷ Устав Воронежской области от 07.06.2006 (принят Воронежской областной Думой 25.05.2006) // Гарант: [сайт]. URL: http://constitution.garant.ru/region/ustav_voroneg (дата обращения: 03.03.2019).

⁸ Областной закон Ростовской области от 29.05.1996 № 19-ЗС «Устав Ростовской области» // Гарант: [сайт]. URL: http://constitution.garant.ru/region/ustav_rostov (дата обращения: 03.03.2019).

⁹ Устав Московской области от 11.12.1996 № 55/96-ОЗ // Гарант: [сайт]. URL: http://constitution.garant.ru/region/ustav_mosobl (дата обращения: 03.03.2019).

¹⁰ Закон Ленинградской области от 27.10.1994 № 6-ОЗ «Устав Ленинградской области» // Гарант: [сайт]. URL: http://constitution.garant.ru/region/ustav_leningrad (дата обращения: 03.03.2019).

на территории Волгоградской области являются *граждане* РФ, проживающие на территории Волгоградской области (ч. 1 ст. 4); непосредственным выражением воли *населения* Волгоградской области являются областной референдум и свободные выборы (ч. 2 ст. 4); государственная власть на территории Волгоградской области осуществляется на основе сочетания интересов *населения* области с интересами всего многонационального народа РФ (ч. 3 ст. 4); *граждане* РФ, постоянно проживающие на территории Волгоградской области, принимают непосредственное участие в осуществлении государственной власти путём референдума, выборов и иных форм (ч. 1 ст. 13); высшим непосредственным выражением власти *населения* области являются областной референдум и свободные выборы в органы государственной власти области (ч. 2 ст. 13).

Таким образом, до 2010 г. в Уставе Волгоградской области одновременно использовались два термина: «граждане» и «население». Подобный подход с технико-юридической точки зрения не может считаться удачным, т. к. отсутствие терминологического единообразия неизбежно порождает сложности в интерпретации текста. К примеру, если «граждане РФ, проживающие на территории Волгоградской области» и «население Волгоградской области» – не совпадающие множества (зачем тогда использовать обе формулировки), очевидно, понятие «население» шире по объёму и охватывает не только граждан, но и всех проживающих на территории области. Значит, согласно рассматриваемой редакции Устава, граждане осуществляли государственную власть (ч. 1 ст. 4),

но выражали при этом волю всего населения (ч. 2 ст. 4), включая проживавших на территории Волгоградской области иностранцев и лиц без гражданства. Достаточно сомнительно, что воля сезонных трудовых мигрантов, в большом количестве работающих на полях Волгоградской области, (а) была достаточно хорошо известна голосующим гражданам, (б) совпадала с их собственной и/или транслировалась ими в процессе голосования.

Противопоставление терминов «граждане» и «население» оказывается, таким образом, бессмысленным, а простое их дублирование – бесполезным, что, вероятно, и обусловило отказ от соответствующих формулировок в тексте Устава Волгоградской области.

Итак, термин должен использоваться только один. Но какой: «народ», «жители», «граждане» или «население»?

Как следует из приведённых выше рассуждений, понятие «население» является не очень удачным вариантом, т. к. не подразумевает правовых характеристик и охватывает слишком широкий круг субъектов, в том числе тех, которые юридически не могут считаться носителями власти. Как отмечают исследователи, понятие «население» уместнее использовать как категорию социологии и экономической географии, а не конституционного права [10]. Аналогичные соображения могут быть высказаны и по поводу термина «жители», буквально означающего всех, кто проживает на данной территории.

Строгим юридическим критериям в наибольшей мере соответствует конструкция «граждане, проживающие

на территории субъекта РФ». Именно граждане обладают активным и пассивным избирательным правом, а также могут выразить свою волю посредством участия в референдуме. Однако, являясь юридически точной, стилистически эта конструкция звучит не совсем корректно.

Подчёркнутая конкретика данной формулировки как будто предполагает противопоставление *граждан* и *не граждан* с точки зрения объёма их прав. Противопоставление это в данном контексте не очень уместно, т. к. предназначение рассматриваемой конституционной / уставной нормы состоит в другом: в констатации производности власти от людей, в провозглашении того факта, что государство функционирует для человека и по воле человека, а не наоборот. Конституционному пафосу этой идеи наилучшим образом соответствует термин «*народ*».

Как подчеркивает Л. С. Мамут, народ в его целостности есть вместилище, обладатель, носитель и исполнитель публичной власти. Понятие «народ» охватывает все слои общества, властвующие и подвластные, и выступает «субстанцией государства», без которой оно немыслимо [5].

В понятии «народ» нет излишней конкретики, но в то же время оно не подразумевает механического суммирования всех проживающих на соответствующей территории (как «население» или «жители»). Постановление Конституционного Суда РФ от 22.04.2013 № 8-П¹ указывает, что общая воля на-

рода как сумма складывается из отдельных голосов граждан как избирателей. Избиратели, участвуя в выборах или референдуме и выражая посредством использования избирательного бюллетеня свою индивидуальную волю, определяют общую волю многонационального народа РФ. Другими словами, говоря о народе, мы подразумеваем тех же граждан, но акцент при этом делаем не на их правовом статусе, а на той государствообразующей функции, которую они как социальная общность выполняют.

Сказанное позволяет заключить, что указание на народ в качестве источника государственной власти субъекта федерации выглядит вполне уместным по содержанию и соответствующим стилистике и духу конституционных актов.

Определённые проблемы могут быть связаны с тем, что с наименованием конкретного субъекта федерации термин «народ» не всегда сочетается. Так, если «народ республики» – это вполне благозвучная конструкция, то «народ города Москвы» звучит менее естественно (неслучайно во всех уставах городов федерального значения используется формулировка «жители города»). Аргументы лингвистического характера также могут учитываться при выборе термина в тех случаях, когда «народ» звучит слишком масштабно или слишком абстрактно в сочетании с наименованием того или иного региона.

В Уставе Волгоградской области проблема эта отсутствует, т. к. в качестве источника власти здесь указан не «народ Волгоградской области», а *postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-22042013-n* (дата обращения: 03.03.2019).

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 22.04.2013 № 8-П // Законы, кодексы, нормативно-правовые акты Российской Федерации: [сайт]. URL: <http://legalacts.ru/doc/>

«многонациональный народ Российской Федерации».

Обратимся теперь к вопросу о том, насколько удачным является такое законотворческое решение. В конституционно-правовой науке существует позиция, согласно которой российский народ не может считаться источником региональной власти, т. к. непосредственно не обладает полномочиями по формированию органов государственной власти субъектов [10]. С этим положением можно поспорить.

Избрание государственной власти субъекта РФ, проведение регионального референдума подразумевают волеизъявление людей, проживающих на территории субъекта РФ. Однако, на наш взгляд, закрепление в качестве источника власти субъекта РФ только народа (населения, граждан) этого субъекта РФ не совсем оправданно.

«Мы, многонациональный народ Российской Федерации ... принимаем Конституцию Российской Федерации», – подчёркивается в преамбуле Конституции РФ. Приняв Конституцию, многонациональный народ Российской Федерации как субъект конституционно-правовых отношений закрепил базовые, основополагающие положения федеративного устройства в России, в том числе разделил государственную власть на два уровня – федеральную и субъектов РФ. Само существование субъекта федерации является результатом волеизъявления народа России.

Помимо Конституции РФ, вопросам организации и деятельности законодательных и исполнительных органов власти субъектов РФ существенное внимание уделяют иные федеральные нормативно-правовые

акты. Так, федеральный закон № 184-ФЗ¹ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации», принятый и одобренный представителями всего российского народа, устанавливает порядок формирования и функционирования региональных органов власти. Участвуя в избрании своих представителей в федеральные государственные органы, многонациональный народ РФ устанавливает нормативную основу, в том числе для функционирования органов власти каждого отдельного субъекта РФ.

Такая трактовка соответствует постановлению Конституционного Суда РФ от 07.06.2000 № 10-П, где была сформулирована правовая позиция о невозможности признания народа субъекта единственным источником государственной власти субъекта РФ. В определении Конституционного Суда РФ от 27.06.2000 № 92-О² указано, что Конституция РФ не устанавливает иных источников власти, кроме многонационального народа России, а значит, признание единственным источником власти в республике её народа несовместимо с положением о том, что таким источником является

¹ Федеральный закон от 06.10.1999 № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» // Гарант [сайт]. URL: <https://base.garant.ru/5222845/> (дата обращения: 03.03.2019).

² Определение Конституционного Суда РФ от 27.06.2000 № 92-О // Законы, кодексы, нормативно-правовые акты Российской Федерации: [сайт]. URL: <http://legalacts.ru/doc/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-27062000-n> (дата обращения: 03.03.2019).

исключительно многонациональный народ Российской Федерации. Из этого однозначно следует необходимость использования при определении источника власти в субъекте федерации термина «многонациональный народ Российской Федерации».

С другой стороны, рассматриваемая формулировка действующего Устава Волгоградской области вызывает и критические соображения.

Стоит признать, что, отражая правоустанавливающую роль волеизъявления народа Российской Федерации для отдельного ее субъекта, она констатирует значительную централизацию в конструкции современного федерализма. На это указывает и ч. 3 ст. 6 Устава, согласно которой государственная власть (источником которой является весь российский народ) на территории Волгоградской области осуществляется «на основе сочетания и уважения интересов населения Волгоградской области, интересов всего многонационального народа Российской Федерации и общегосударственных интересов». То, что интересы населения Волгоградской области «уважаются», вовсе не следует, что они выражаются им самостоятельно и непосредственно.

Данное противоречие особенно наглядно проявляется в ч. 2 ст. 6 Устава, где указано, что высшим непосредственным выражением власти народа являются областной референдум и свободные выборы. Если в ч. 1 ст. 6 Устава Волгоградской области говорится, что источником государственной власти Волгоградской области является многонациональный народ Российской Федерации, то, системно толкуя данные нормы, получаем: выс-

шим непосредственным выражением власти многонационального народа РФ являются областной референдум и свободные выборы. Такое заключение сужает положения ч. 1–3 ст. 3 Конституции РФ, согласно которым высшим непосредственным выражением власти народа являются референдум и свободные выборы (речь, разумеется, идет обо всех выборах и референдумах, включая федеральные).

Областной референдум не может рассматриваться как *высшее* выражение власти народа Российской Федерации. В этой части Устав Волгоградской области нуждается, по нашему мнению, в корректировке. Чтобы устранить указанное логическое противоречие, можно либо убрать из ч. 2 ст. 6 Устава слово «областной», воспроизведя формулировку ч. 3 ст. 3 Конституции РФ: «Высшим непосредственным выражением власти народа являются референдум и свободные выборы»; либо добавить уточнение: «Высшим непосредственным выражением власти народа *в Волгоградской области* являются областной референдум и свободные выборы». Менее противоречиво звучала и последняя редакция прежнего Устава Волгоградской области 1996 г., в которой в отношении областного референдума не использовалось слово «высший»: «*Непосредственным* выражением власти народа являются областной референдум и свободные выборы» (ч. 2 ст. 4).

Указание на народ как источник власти субъекта Российской Федерации отсылает нас к традиционной конституционной терминологии и является вполне уместным для текста региональной конституции или устава. При этом есть основания не вести

речь о народе конкретного субъекта федерации, а рассматривать в качестве источника власти в регионе российский народ в целом. В этом случае подразумевается, что органы государственной власти субъектов РФ должны являться выразителями интересов и воли народа (соответственно народа России и народа субъекта Российской

Федерации). Особое внимание должно при этом уделяться обозначению той сферы, в которой решающая роль отводится собственно волеизъявлению жителей субъекта Российской Федерации, т. к. иное может вступить в противоречие с принципом федерализма [1; 2; 4; 6–9].

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондарь Н. С. Конституция России в современную эпоху глобальных перемен: от политических иллюзий к юридическому реализму (Библиотека судебного конституционального анализа) М.: Юрист, 2018. 83 с.
2. Вавилов Н. С., Михеева Т. Н. Правовое регулирование деятельности институтов гражданского общества на муниципальном уровне. М.: Юрист, 2016. 223 с.
3. Егоршина О. П., Зацепя О. О. Народ как источник государственной власти // Управленческое консультирование. 2010. № 1. С. 43–49.
4. Карасев А. Т. Современная модель государственной власти в Российской Федерации. Вопросы совершенствования и перспективы развития. М.: Проспект, 2018. 181 с.
5. Мамут Л. С. Народ в правовом государстве. М.: Норма, 1999. 152 с.
6. Нравственность и право: реальность и перспективы взаимодействия / под ред. В.М. Артемова, А.В. Разина, О.Ю. Рыбакова М.: Проспект, 2018. 320 с.
7. Певцова Е. А., Соколов Н. Я., Певцова Н. С. Мотивация юридической деятельности в условиях электронного государства: российский и зарубежный опыт // Сборник материалов международной научно-практической конференции. М., 2016. С. 155–158.
8. Скуратов Ю. И. Конституционное регулирование народного суверенитета в СССР (опыт систематизации основных институтов): автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Свердловск, 1977. 21 с.
9. Чеботарев Г. Н. Общественное представительство. М.: Юрист, 2017. 160 с.
10. Черепанов В. А. Источник государственной власти субъекта российской федерации: проблема и поиск решения // Сравнительное конституционное обозрение. 2015. № 6 (109). С. 30–44.

REFERENCES

1. Bondar N. S. [The Constitution of Russia in the era of global change: from political illusions to legal realism]. Moscow, *Yurist Publ.*, 2018, 83 p.
2. Vavilov N. S., Mikheeva T. N. *Pravovoe regulirovanie deyatel'nosti institutov grazhdanskogo obshchestva na munitsipal'nom urovne* [Legal Regulation Of Municipal Civil Institutions Activities]. Moscow, *Yurist Publ.*, 2016. 223 p.
3. Egorshina O. P., Zatsepa O. O. [People as a Source of State Power]. In: *Upravlencheskoe konsultirovanie* [Administrative Consulting], 2010, no. 1, pp. 43–49.
4. Karasev A. T. *Sovremennaya model gosudarstvennoi vlasti v Rossiiskoi Federatsii. Voprosy sovershenstvovaniya i perspektivy razvitiya* [Modern Model Of State Power in the Russian Federation. Issues of Improvement and Prospects for Development]. Moscow, *Prospekt Publ.*, 2018, 181 p.
5. Mamut L. S. *Narod v pravovom gosudarstve* [People in a Legal State]. Moscow, *Norma Publ.*, 1999, 152 p.

6. Artemov V. M., Razin A. V., Rybakov O. Y. *Nravstvennost i pravo: realnost i perspektivy vzaimodeistviya* [Morality and Law: Reality and Prospects for Cooperation. Moscow, Prospekt Publ., 2018, 320 p.
7. Pevtsova E. A., Sokolov N. Y., Pevtsova N. S. [Motivation of legal activities in the context of e-government: Russian and foreign experience]. In: *Sbornik materialov mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Proceedings of International Theoretical and Practical Conference]. Moscow, 2016, pp. 155–158.
8. Skuratov Y. I. *Konstitutsionnoe regulirovanie narodnogo suvereniteta v SSSR (opyt sistematizatsii osnovnykh institutov): avtoref. dis.... kand. yurid. nauk* [Constitutional Regulation of National Sovereignty in the USSR (The Experience of Systematization of the Main Institutions) : Abstract of PhD thesis in Juridical sciences]. Sverdlovsk, 1977. 21 p.
9. Chebotarev G. N. *Obshchestvennoe predstavitelstvo* [Public Representation]. Moscow, Yurist Publ., 2017. 160 p.
10. Cherepanov V. A. [The source of state power of a subject of the Russian Federation: the problem and the solution]. In: *Sravnitelnoe konstitutsionnoe obozrenie* [Comparative Constitutional Review], 2015, no. 6 (109), pp. 30–44.

БЛАГОДАРНОСТИ

Работа выполнена в рамках исследовательского проекта «Становление и функционирование регионального парламентаризма в Российской Федерации: на материалах анализа 25-летнего опыта деятельности Волгоградской областной Думы» (РФФИ, 19-411-340004).

ACKNOWLEDGMENTS

The research project «Formation of parliamentarism in the Volgograd region: results of 25 years work of Volgogradskaya oblastnaya Duma (Volgograd regional Duma)» (RFBR, 19-411-340004)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Давыдова Марина Леонидовна – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права Волгоградского государственного университета;
e-mail: davidovavlg@gmail.com, davidovaml@volsu.ru

Боков Юрий Александрович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и муниципального права Волгоградского государственного университета
e-mail: bokov@volsu.ru, bokov2004@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Marina L. Davydova – Doctor of Law, professor, head of the Department of Constitutional and Municipal Law, Volgograd State University;
e-mail: davidovavlg@gmail.com, davidovaml@volsu.ru

Yuri A. Bokov – PhD in Law, associate professor at the Department of Constitutional and Municipal Law, Volgograd State University;
email: bokov@volsu.ru, bokov2004@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Давыдова М. Л., Боков Ю. А. Многонациональный народ Российской Федерации как источник государственной власти субъекта РФ: за и против // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2019. № 1. С. 101–111.

DOI: 10.18384/2310-6794-2019-1-101-111

FOR CITATION

Davydova M. L., Bokov Y. A. Multinational People of the Russian Federation as a Source of Power of the Subject of the Russian Federation: Pros and Cons. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2019, no. 1, pp. 101–111.

DOI: 10.18384/2310-6794-2019-1-101-111

РАЗДЕЛ IV. ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО; СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

УДК 347.7

DOI: 10.18384/2310-6794-2019-1-112-121

ДОГОВОР НА РАСПРОСТРАНЕНИЕ РЕКЛАМЫ: ПРАВОВАЯ ПРИРОДА И ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ

Левушкин А. Н.^{1,2}, Рахматуллин Т. Э.³

¹Российский государственный университет правосудия

117418, г. Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69, Российская Федерация

²Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

125993, г. Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9, Российская Федерация

³Ульяновский государственный университет

432017, г. Ульяновск, ул. Льва Толстого, д. 42, Российская Федерация

Аннотация. В данной работе рассматривается проблема правовой природы и практики применения договора на распространение рекламы. В исследовании использованы эмпирические методы сравнения, описания, интерпретации, теоретические методы формальной и диалектической логики, историко-правовые и сравнительно-правовые методы. В результате проведённого анализа определены и выявлены отдельные проблемы правового регулирования договора на распространение рекламы: российское законодательство не содержит норм, непосредственно регулирующих договорные отношения по распространению рекламы, а также не учитывает применения в данной сфере передовых технологий. Ввиду этого в рамках статьи ставится вопрос о необходимости закрепления законодательных положений, регулирующих договорные отношения в сфере распространения рекламы. Авторами сделан вывод, что договор на распространение рекламы является таким видом гражданско-правовых договоров, для которых существенным является донесение информации до потребителя в целях привлечения интереса, увеличения прибыли от сбыта рекламируемых товаров, работ или услуг. Данную договорную конструкцию следует исключить из группы поименованных в ГК РФ договоров и выделить её как

© СС ВУ Левушкин А. Н., Рахматуллин Т. Э., 2019.

разновидность рекламного договора, имеющего самостоятельное назначение и правовое регулирование. Научные разработки и полученные в результате исследования выводы и отдельные предложения могут быть положены в основу дальнейших исследований по данной проблематике.

Ключевые слова: договор, реклама, рекламные отношения, договор распространения рекламы, договор возмездного оказания услуг, смешанный договор, непоименованный договор.

ADVERTISING CONTRACT: LEGAL NATURE AND ENFORCEMENT

A. Levushkin^{1,2}, T. Rakhmatullin³

¹ *Russian State University of Justice*

69, Novocheremushkinskaya st., Moscow, 117418, Russian Federation

² *Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*

9, Sadovaya-Kudrinskaya st., Moscow, 125993, Russian Federation

³ *Ulyanovsk State University*

42, Lev Tolstoy st., Ulyanovsk, 432017, Russian Federation

Abstract. The article considers the problem of legal nature and enforcement of the advertising contract. The research procedures include empirical methods of comparison, description, interpretation, theoretical methods of formal and dialectical logic, historical-legal and comparative-legal methods. The result of the study is identification of some problems of legal regulation of the advertising contract: the lack of standardized regulations of advertising contractual relations and non-consideration of the use of advanced technologies in this field in the laws of the Russian Federation. Proceeding from these facts the authors argue the need of making legislative provisions to regulate advertising contractual relations. It is concluded that the advertising contract is a type of civil contracts for which it is essential to convey the information on the product to the consumer to increase revenues. This contractual structure should be excluded from the group of contracts considered in the Civil Code of the Russian Federation, and make it a distinct type possessing the purpose and legal regulation of its own.

Keywords: contract, advertising, advertising relations, advertising contract, service agreement, mixed contract, non-nominated contract.

Завершение изготовления рекламного материала не свидетельствует об окончании рекламного процесса. Основной целью рекламы является воздействие на неопределённый круг людей через её распространение. Поэтому за созданием рекламного материала следует его распространение. Распространение рекламы осуществляется в рамках договора, который заключается между рекламодателем и рекламораспространителем. Однако

следует отметить, что указанный договор слабо урегулирован в рамках законодательства.

Основным предметом рекламного договора или его составляющей является реклама или, если точнее, рекламный продукт. Следует также отметить, что реклама сама по себе представляет не только продукт, но и форму проявления воздействия, так как становится образом жизни, и в повседневности потребители оценивают продукт, не

всегда понимая, что отдают предпочтение именно этому продукту в силу созданного образа объекта.

Договор – это один из главных, основных регуляторов гражданско-правовых, предпринимательских, организационных и иных общественных отношений, складывающихся между субъектами предпринимательской деятельности [6, с. 31].

В федеральном законе № 38-ФЗ «О рекламе»¹ содержится указание на обязательное заключение договора на распространение социальной рекламы. Однако в данном положении отмечено, что указанный договор заключается в соответствии с Гражданским кодексом РФ², что вполне оправдано.

Основная цель рекламы – привлечение внимания, а не способ получения прибыли. Это также подтверждается наличием такой разновидности рекламы, как социальная, которая направлена на увеличение интереса общественности к таким проблемам, как загрязнение экологии, распространение опасных заболеваний и др. [9, с. 43].

В ФЗ № 38 указаны следующие способы распространения рекламы:

- в телепрограммах и телепередачах;
- радиопрограммах и радиопередачах;

- в периодических печатных изданиях;

- распространяемая при кино- и видеообслуживании;

- распространяемая по сетям электросвязи;

- наружная реклама;

- реклама на транспортных средствах и с их использованием.

Б. Герасимов выделяет следующие рекламные средства: газеты, журналы, радио, телевидение, наружная реклама, транзитная реклама, интернет, ярмарки и выставки [2, с. 34]. Т. е. указываются все современные тенденции, которые существуют в рекламной сфере. На сегодняшний день интернет активно развивается. Он является источником самой разнообразной информации. В том числе и рекламы. Всё больше фирм размещают свою рекламу в интернете самыми разнообразными способами: видеоролики, баннеры, контекстная реклама, рекламные сайты и др. Данный факт свидетельствует о необходимости закрепления в ФЗ № 38 интернета как одного из способов распространения рекламы.

Кроме того, на законодательном уровне следует зафиксировать такой способ распространения рекламы, как ярмарки и выставки. В. Краснов отмечает, что выставки, ярмарки и подобные мероприятия могут быть организованы для рекламирования товаров, работ, услуг, а также распространения их на определённом сегменте рынка [4, с. 21]. Рекламные агентства давно уже используют подобные мероприятия для продвижения фирм и организаций сходного направления.

Важно отметить, что, несмотря на широкий перечень средств распространения рекламы, законодателем в

¹ Федеральный закон от 13.03.2006 №38-ФЗ «О Рекламе» // Гарант [сайт]. URL: <https://base.garant.ru/12145525> (дата обращения: 19.01.2019).

² Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть вторая от 26.01.1996 г. № 14-ФЗ // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации: [сайт]. URL: <http://legalacts.ru/kodeks/GK-RF-chast-2> (дата обращения: 19.01.2019).

недостаточной степени уделено внимание регулированию договоров, заключаемых между рекламодателем и рекламораспространителем. В свою очередь, такие договоры играют значительную роль при урегулировании отношений между указанными субъектами и защите их интересов. Правовая доктрина содержит анализ договоров, заключаемых при использовании отдельных видов средств распространения рекламы. Однако комплексное изучение договора на распространение рекламы отсутствует.

В правоприменительной деятельности очевидны отдельные результаты реформы, направленные на применение специальных договоров. Данные договорные конструкции позволяют определять типовые условия, включаемые в содержание договоров, устанавливать общие правила договорного сотрудничества сторон в будущем. Существуют сложности при квалификации ряда имущественных и организационных договоров, определении их правовой природы [5, с. 19].

В правовой науке договор на распространение рекламы, рассматривают как договор возмездного оказания услуг, договор аренды, агентский договор, смешанный и непоименованный договор. Так, А. Кириловых рассматривает договор на распространение рекламы и договор на возмездное оказание рекламных услуг как синонимы. Свою позицию автор обосновывает тем, что в рассматриваемом договоре результат не отделим от самой деятельности [3, с. 120]. Но с указанной позицией вряд ли можно согласиться. В рамках отношений по распространению рекламы стороны могут заключить договор возмездного оказания

услуг. Однако действующий в ГК РФ принцип свободы договора даёт возможность лицам заключить любой гражданско-правовой договор, а также смешанный и непоименованный.

Сходной позиции придерживается и Т. Смыслова, полагая, что отношения по распространению рекламной информации регулируются договором возмездного оказания услуг. При этом автор отмечает, что для организации распространения рекламной информации стороны могут заключить любой гражданско-правовой договор, а также смешанный и непоименованный договор. В качестве обязанности рекламодателя указывается передача рекламораспространителю задания на распространение информации, а также саму рекламную информацию [11, с. 33]. Позиция автора отражает современные тенденции регулирования договора на распространение рекламы. Однако Т. Смыслова к рекламным договорам относит только договор подряда (создание рекламного материала) и договор оказания услуг (распространение рекламной информации). В современном мире технологии активно развиваются, в том числе и в рекламной сфере. Это приводит к появлению новых видов рекламной информации, а также новых средств распространения рекламы. Как следствие, новые виды договоров на распространение рекламы могут выходить за пределы регулирования указанных автором договоров.

Необходимость разграничения смешанных и непоименованных договоров имеет не только теоретическое, но и важное практическое значение. Широкое распространение в деловом обороте указанных конструкций обуслов-

лено удобством и эффективностью их использования: экономия затрат и усилий сторон при оформлении договорённости, сокращение издержек, связанных с исполнением договорных обязательств. В то же время важно осознавать, что договоры, объединённые в один, не должны противоречить законодательству и друг другу по своей правовой сути. Следовательно, верное понимание данных договорных моделей и уяснение их сущности способствует правильному их применению на практике [7, с. 29].

Практика рационального выбора того или иного вида предпринимательского договора для регулирования соответствующих отношений обычно не позволяет обходиться только нормами раздела IV ГК РФ «Отдельные виды обязательств»¹, в тексте которого заключены поименованные разновидности гражданско-правовых договоров (гл. 30–45, 47–49, 51–55 ГК РФ). Фактически это та нормативно-видовая градация, которой пользуется деловая и судебная практика. Но такой выбор грозит многочисленными рисками. Понятно, что если вид предпринимательского договора выбирает юрист или специалист по договорной работе, то риски ошибочного выбора не относятся к числу значительных [6, с. 33].

В научной доктрине существуют позиции, согласно которым договор на установку и эксплуатацию рекламной конструкции рассматривается как смешанный договор [12, с. 22], договор возмездного оказания услуг [8, с. 114],

а также договор аренды [1, с. 47]. Однако в рамках судебной практики указанный договор рассматривается как непоименованный, и, как следствие, к нему недопустимо применение договора аренды и договора оказания услуг².

Размещение рекламной информации, пользование рекламной конструкцией для распространения рекламы, а также непосредственно размещение рекламной информации может поставить стороны и суды в затруднительное положение при квалификации такого договора. Следует считать верной позицию судебной практики, которая относит анализируемый договор к категории непоименованных. При заключении договора на размещение наружной рекламы процесс установки рекламной информации и использование рекламной конструкции нельзя рассматривать отдельно друг от друга. Целью же рассматриваемого договора является распространение рекламной информации. Целью договора аренды

² Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 24.03.2009 № Ф04-1674/2009(2905-А70-16) по делу № А70-4551/2008 // Гарант: [сайт]. URL: <http://base.garant.ru/34199738> (дата обращения: 19.01.2019).

Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 20.05.2010 по делу № А31-1888/2009 // Судебная практика [сайт]. URL: <https://www.lawmix.ru/volgo-vyat/3169> (дата обращения: 19.01.2019).

Постановление ФАС Московского округа от 25.10.2010 № КА-А40/12601-10 по делу № А40-176110/09-122-1255 // Консультант Плюс: Справочно-правовая система: [сайт]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AMS&n=135201> (дата обращения: 19.01.2019).

Определение ВАС РФ от 14.11.2012 N ВАС-13641/12 по делу N А15-1293/2011 // Архив решений арбитражных судов и судов общей юрисдикции: [сайт]. URL: <http://sudrf.kodeks.ru/rospravo/document/677735100> (дата обращения: 19.01.2019).

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть вторая от 26.01.1996 г. № 14-ФЗ // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации: [сайт]. URL: <http://legalacts.ru/kodeks/GK-RF-chast-2/razdel-iv/> (дата обращения: 19.01.2019).

является пользование имуществом, целью договора на оказание услуг является выполнение определённых работ [10]. Таким образом, цель договора на установку и эксплуатацию рекламной конструкции позволяет отнести такой договор к непоименованным.

Современные способы распространения рекламы не подпадают под существующее договорное регулирование. Стороны могут ошибочно полагать, что заключили определённый гражданско-правовой договор или смешанный договор. Это может привести к неправильной трактовке положений договора и ущемлению интересов сторон. Из этого следует необходимость закрепления на законодательном уровне договора на распространение рекламы как разновидности рекламного договора.

Анализ процесса распространения рекламы позволяет определить следующее:

– Целью договора по распространению рекламы является оказание воздействия на неограниченный круг лиц. Такая цель не присуща ни одному из гражданско-правовых договоров. Это позволяет выделить договоры на распространение рекламы в качестве отдельной группы договоров.

– К существенным условиям рассматриваемого договора следует отнести рекламную информацию и технический носитель такой рекламной информации. Без согласования таких условий договор нельзя считать заключённым. Как следствие, рекламную информацию и технический носитель такой информации в комплексе можно рассматривать как предмет договора на распространение рекламы.

Следует учесть, что рекламодатель может поручить поиск рекламораспространителя рекламному агенту. В частности, рекламодатель для распространения рекламы заключает агентский договор. Так, согласно определению ВАС РФ от 14.11.2012 № ВАС-13641/12¹ о пересмотре в порядке надзора судебных актов по делу о взыскании задолженности по уплате агентского вознаграждения и возмещению расходов на рекламу, предприниматель и завод заключили договор, по которому одна сторона обязывалась от имени и за счёт завода осуществлять поиск и привлечение клиентов для заключения купли-продажи алкогольной продукции с клиентами. В силу спецификации помимо элементов агентского договора в документе присутствовали элементы возмездного оказания услуг, а именно размещение рекламной продукции. Исследовав материалы дела, суд отметил, что предприниматель не нёс расходов, связанных с исполнением в части соглашения по размещению рекламы, также было указано, что отсутствуют основания для взыскания средств для размещения рекламы. В передаче дела в Президиум Высшего Арбитражного Суда РФ для пересмотра суд отказал.

Таким образом, явным и очевидным становится рассмотрение смешанного договора в комплексе. С одной стороны, перед нами подвиды двух и более договоров, а с другой – договоры, направленные на рекламную дея-

¹ Определение ВАС РФ от 14.11.2012 № ВАС-13641/12 по делу № А15-1293/2011 // Консультант Плюс: Справочно-правовая система: [сайт]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB002&n=306420#043172400673909683> (дата обращения: 19.01.2019).

тельность, которые стали результатом заинтересованности контрагента. Однако очевидно, что реклама и рекламная продукция хотя и разные понятия, но имеют общую цель – создание информативности в отношении товаров, работ и услуг. Основная цель предпринимателя – получение прибыли, тогда как заказчик в большей степени заинтересован в продвижении своей продукции, хотя расходы на рекламу также имеют значение.

В договоре на распространение рекламы должно быть согласовано, какую конкретно рекламную информацию будет распространять рекламодаделец и каким конкретным образом будет она распространяться. Однако для унификации договора на распространение рекламы в предмете договора может содержаться лишь указание на обязанность рекламораспространителя по размещению соответствующей информации. При этом в приложении к рекламному договору должно содержаться подробное описание способа распространения рекламной информации, а также описание самой рекламной информации или приложение по возможности его изображения или образа. Особенность содержания приложения договора на распространения рекламы должны определяться как видом рекламы, так и способом её распространения.

Предметом договора на распространение рекламных материалов является совершение рекламораспространителем действий по заданию заказчика, направленных на распространение рекламы с использованием любых способов и любых средств.

На основании вышеизложенного можно выделить следующие признаки

договора на распространение рекламы:

1. общая цель для всех договоров на распространение рекламы – доведение информации до неограниченного круга лиц; в противном случае это противоречит сущности договора;

2. в договоре должна быть чётко описана распространяемая рекламная информация;

3. необходимо указание способа распространения рекламной информации.

Способы распространения рекламы могут предполагать наличие некоторых особенностей, которые могут быть прописаны в приложении к указанному договору.

В результате вышеизложенного под договором на распространение рекламы следует понимать совершение рекламораспространителем по заданию заказчика необходимых действий, направленных на распространение рекламной информации.

Данная группа договоров является предпринимательскими договорами и имеет косвенное отношение к разновидностям гражданско-правовых договоров. Отличается лишь тем, что явным признаком договоренности является получение прибыли. Но заказчику важна не столько цена договора, сколько процесс распространения рекламной информации, каналы воздействия, направленные на потребителя. Тем самым договор на распространение рекламы является таким видом гражданских договоров, для которых существенным является создание узнаваемости бренда, товара или услуги и увеличение прибыли рекламодача. В связи с этим данный договор следует исключить из группы поименованных

в ГК РФ договоров и выделить его как разновидность рекламного договора, имеющего самостоятельное назначение.

Безусловно, реклама как сфера экономической деятельности активно развивается. Появляются новые каналы распространения рекламы. И законодательство должно учитывать тенденции изменения рекламных технологий. Всё это свидетельствует о необходимости закрепления на законодательном уровне универсального

договора на распространение рекламных материалов, а также урегулирования таких средств распространения рекламы, как интернет, ярмарки и выставки. При этом универсальный договор должен регулировать отношения по распространению рекламного материала независимо от способа распространения. Такой договор позволит учитывать появление новых рекламных носителей, а также регулировать всю группу договоров по распространению рекламы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аполлонов А. О., Страунинг Э.Л. Товарищество собственников жилья как субъект отношений в сфере наружной рекламы // Жилищное право. 2007. № 3. С. 46–50.
2. Герасимов Б. И. Виды и средства распространения рекламы: учеб. пособие. М.: Форум, 2009. 144 с.
3. Кирилловых А. А. Реклама и рекламная деятельность: проблемы правового регулирования. М.: Деловой двор, 2013. 224 с.
4. Краснов В. Выставки и ярмарки: регламентация по-новому // Практическая бухгалтерия. 2010. № 5.
5. Левушкин А. Н. Специальные договорные конструкции: рамочный, опционный и абонентский договоры // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 2. С. 19–26.
6. Левушкин А. Н. Организационные предпринимательские договоры в системе норм обязательственного права и судебной практике // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 8. С. 30–35.
7. Левушкин А. Н., Федечко Ф. И. Правовая сущность непоименованного договора и реализация его в рамках принципа свободы договора // Юридический мир. 2014. № 4. С. 27–30.
8. Нечуй-Ветер В. Л. Основные вопросы обязательств по оказанию рекламных услуг: учеб. пособие. М., 2002. 147 с.
9. Рахматуллин Т. Э. Юридическая конструкция рекламного договора // Право и экономика. 2017. № 10. С. 41–44.
10. Рахматуллин Т. Э. Система рекламных договоров и их юридическая конструкция // Юрист. 2018. № 2. С. 18–24.
11. Смылова Т. М. Правовое регулирование рекламы в средствах массовой информации: методические материалы к междисциплинарному курсу. М.: Галерея, 2004. 88 с.
12. Филиппова А. А. Правовое регулирование отношений между собственником недвижимого имущества и владельцем рекламной конструкции // Реклама и право. 2008. № 1. С. 22–23.

REFERENCES

1. Apollonov A. O., Strauning E. L. [The community of homeowners as a subject of relations in the field of outdoor advertising]. In: *Zhilishchnoe pravo* [Housing Law], 2007, no. 3, pp. 46–50.
2. Gerasimov B. I. *Vidy i sredstva rasprostraneniya reklamy: uchebnoe posobie* [The Types and Means of Advertising: A Manual]. Moscow, Forum Publ., 2009. 144 p.
3. Kirillovykh A. A. *Reklama i reklamnaya deyatel'nost': problemy pravovogo regulirovaniya* [Advertising and Promotional Activities: Problems of Legal Regulation]. Moscow, Delovoi dvor Publ., 2013. 224 p.
4. Krasnov V. [Exhibitions and Fairs: New Regulations]. In: *Prakticheskaya bukhgalteriya* [Practical Accounting], 2010, no. 5.
5. Levushkin A. N. [Special types of contracts: framework, options and subscription agreements]. In: *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava* [Current Problems of Russian Law], 2018, no. 2, pp. 19–26.
6. Levushkin A. N. [Business contracts in the system of the Law of obligations and judicial practice]. In: *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* [Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice], 2018, no. 8, pp. 30–35.
7. Levushkin A. N., Fedechko F. I. [Legal nature of non-nominated contract and its enforcement in accordance with freedom of contract principle]. In: *Yuridicheskii mir* [Legal World], 2014, no. 4, pp. 27–30.
8. Nechui-Veter V. L. *Osnovnye voprosy obyazatel'stv po okazaniyu reklamnykh uslug: ucheb. posobie* [Basic issues of advertising services obligations: a Textbook]. Moscow, 2002. 147 p.
9. Rakhmatullin T. E. [The legal structure of advertising contract]. In: *Pravo i ekonomika* [Law and Economy], 2017, no. 10, pp. 41–44.
10. Rakhmatullin T. E. [The system of advertising contracts and their legal structure]. In: *Yurist* [Lawyer], 2018, no. 2, pp. 18–24.
11. Smyslova T. *Pravovoe regulirovanie reklamy v sredstvakh massovoi informatsii: metodicheskie materialy k mezhdistsiplinarnomu kursu* [Legal Regulation of Advertising in the Media: Teaching Materials for an Interdisciplinary Course]. Moscow, Galeriya Publ., 2004. 88 p.
12. Filippova A. A. [Legal regulation of relations between property and advertising structure owners]. In: *Reklamaipravo* [Advertising and Law], 2008, no. 1, pp. 22–23.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Левушкин Анатолий Николаевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права Российского государственного университета правосудия (РГУП); профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА);
e-mail: lewuskin@mail.ru

Рахматуллин Тахир Эмилевич – аспирант Ульяновского государственного университета;
e-mail: tahir.rahm@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Anatoly N. Levushkin – Doctor of Law, professor at the Department of Civil Law at Russian State University of Justice; professor at the Department of Business and Corporate Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL);
e-mail: lewuskin@mail.ru.

Tahir E. Rahmatullin – postgraduate student, Ulyanovsk State University;
e-mail: tahir.rahm@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Левушкин А. Н., Рахматуллин Т. Э. Договор на распространение рекламы: правовая природа и практика применения // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2019. № 1. С. 112–121.
DOI: 10.18384/2310-6794-2019-1-112-121

FOR CITATION

Levushkin A. N., Rahmatullin T. E. Advertising Contract: Legal Nature and Enforcement. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2019, no. 1, pp. 112–121.
DOI: 10.18384/2310-6794-2019-1-112-121

УДК 347.451.02

DOI: 10.18384/2310-6794-2019-1-122-131

ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ НАРУШЕНИЯ ТРЕБОВАНИЙ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА К СОВЕРШЕНИЮ СДЕЛОК, ЗАКЛЮЧЕННЫХ КОРПОРАЦИЯМИ

Куркина Н. В., Чаплин Н. Ю.

Московский государственный областной Университет

141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24,

Российская Федерация

Аннотация. Целью работы является рассмотрение правовых последствий нарушений крупных сделок, совершаемых корпорациями: как в плане признания такой сделки недействительной, так и в плане ответственности лиц, в том числе и органов управления корпораций. В статье приведён анализ взглядов исследователей на вопросы последующего одобрения уже заключённой крупной сделки. По итогам исследования сделан вывод, что факт рассмотрения вопроса о характере отношений между управленцами и обществом важен для правильной юридической квалификации отношений и определения оснований, условий ответственности по заключённой крупной сделке, а также порядка привлечения к ней и определения размера убытков или вреда. В заключение статьи сформулированы предложения о необходимости внесения изменений в концепцию определения заинтересованности лица по отношению к сделке таким образом, чтобы такое определение происходило не по формальным признакам, а по фактической заинтересованности лиц. Данный механизм можно назвать как презумпцией заинтересованности, так и презумпцией незаинтересованности.

Ключевые слова: сделка, аффилированные лица, контрагенты, хозяйственные общества, юридические лица, нормативно-правовое регулирование.

THE CONSEQUENCES OF CRIMINAL VIOLATION OF LEGAL REQUIREMENTS FOR CORPORATE TRANSACTIONS

N. Kurkina, N. Chaplin

Moscow Region State University

24 Very Voloshinoy ul., Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract. The purpose of the article is to examine the legal consequences of the violations of major transactions committed by corporations: both on the part of recognizing such a transaction as invalid, and on the part of the responsibility of individuals, and in particular on corporate management bodies. The article provides an analysis of the views of researchers on the issues of subsequent approval of a conducted major transaction. Based on the findings of the study, the authors argue that the nature of government-public relations is important for proper legal qualification of these relations and determining the conditions and procedure of liability for a

major transaction, as well as the assessment of possible losses or damage. In conclusion, the proposals are made for making amendments to the concept of personal interest in a transaction so that its grounds should be changed from formal to genuine ones, the latter being qualified as the related-party presumption and the non-related party presumption. In the conclusion of the article, proposals are formulated on the need to make changes to the concept of determining the interest of a person in relation to a transaction in such a way that such a classification would take place not on formal grounds, but on the actual interest of individuals, defining such a mechanism as a presumption of interest and a presumption of no interest.

Keywords: transaction, affiliates, counterparties, business companies, legal entities, legal regulation.

Любая сделка, заключённая корпорацией, в частности акционерным обществом, может быть признана судом недействительной. С таким иском в суд могут обращаться как сами корпорации, так и их участники. Данная норма закреплена в п. 6 ст. 79 ФЗ-208 «Об акционерных обществах»¹.

Необходимо отметить, что список лиц, указанных в законе, ограничен, и третьи лица не могут обращаться в суды с такими заявлениями². К признанию крупной сделки недействительной применяются нормы Гражданского Кодекса (ГК)³, а именно общие

положения: заключённую без одобрения собственника сделку можно оспорить (ст. 166 п. 1). Согласно ст. 188 п. 2 ГК РФ, продолжительность срока исковой давности по требованию о признании оспоримой сделки недействительной составляет один год. Т. е. члены корпорации вправе подать иск в суд в течение 12 месяцев со дня, когда был установлен факт заключения такой сделки. Ст. 79 ФЗ-208 также предусмотрен тот факт, что пропущенный срок восстановлению не подлежит.

А. Молотникова [5, с. 31, 32] и Ю. Еременко [4, с. 42, 43], отмечают, что на основе положений данного закона суд может вынести решение об отказе в удовлетворении иска, предметом которого является требование признания сделки недействительной, при условии, что сделка была заключена с нарушением хотя бы одного обстоятельства. Под таким обстоятельствами понимаются:

1. в рамках судебного рассмотрения не был выявлен факт причинения акционерному обществу убытков в результате заключения данной сделки;

2. акционер, который предъявляет иск об оспаривании крупной сделки, обязан был проголосовать по вопросу принятия такой сделки;

doc_LAW_5142 (дата обращения: 12.01.2019).

¹ Федеральный закон от 26.12.1995 № 208 «Об акционерных обществах» // Консультант Плюс: справочно-правовая система: [сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8743 (дата обращения: 12.01.2019).

² Распоряжение Федеральной комиссии по рынку ценных бумаг от 04.04.2002 № 421/р «О рекомендации к применению Кодекса корпоративного поведения» // Гарант: [сайт]. URL: <https://base.garant.ru/12126459> (дата обращения: 12.01.2019).

Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 20.06.2007 № 40 «О некоторых вопросах практики применения положений законодательства о сделках с заинтересованностью» // Гарант: [сайт]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1683686> (дата обращения: 12.01.2019).

³ Гражданский Кодекс Российской Федерации. Ч. 1 ФЗ от 30.11.1994 № 51// Консультант Плюс: справочно-правовая система: [сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_

3. к моменту рассмотрения дела суду были представлены достаточные и достоверные доказательства, предусмотренные ФЗ «Об акционерных обществах» № 208¹ и № 14²;

4. в суде должен быть доказан факт, по которому вторая сторона по сделке не знала или не могла знать, что для общества такая сделка является крупной.

Рассмотрим пример, когда сделку признали недействительной: права и обязанности сторон, их статус.

Пункт 1 ст. 167³ ГК РФ говорит о том, что «сделка, признанная судом недействительной, является недействительной уже с момента ее заключения», т. е. субъекты крупной сделки должны быть восстановлены в том положении, в котором они находились до заключения такой сделки. Обязанность возвращения предусмотрена п. 2 ст. 167 ГК РФ: «...при недействительности сделки каждая из сторон обязана возвратить другой все полученное по сделке, а в случае невозможности возвратить полученное в натуре (в том числе тогда, когда полученное выражается в пользовании имуществом, выполненной работе или предоставленной услуге) возместить его стоимость,

если иные последствия недействительности сделки не предусмотрены законом».

Действующее законодательство определяет необходимость последующего одобрения ранее заключенной сделки.

В ст. 183⁴ ГК РФ установлено: «...сделка, заключенная неуполномоченным на то лицом, впоследствии может быть одобрена тем лицом, в интересах которого она была заключена. В случае отсутствия последующего одобрения сделка будет считаться заключенной от имени и в интересах лица, совершившего ее».

Возможное одобрение крупной сделки, которая заключается от имени общества с ограниченной ответственностью, констатируется в п. 5 ст. 46 ФЗ № 14 и № 343⁵ «Об обществах с ограниченной ответственностью». Устанавливается, что «суд отказывает в удовлетворении требований о признании крупной сделки, совершенной с нарушением предусмотренных настоящей статьей требований, в том числе и голосование участника общества, обратившегося с иском о признании крупной сделки, решение об одобрении которой принимается об-

1 Федеральный закон № 208 от 26.12.1995 «Об акционерных обществах» // Консультант Плюс: справочно-правовая система: [сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8743 (дата обращения: 12.01.2019).

2 Федеральный закон РФ от 08.02.1998 № 14 «Об обществах с ограниченной ответственностью» // Гарант: [сайт]. URL: <https://base.garant.ru/12109720/99b16ebc3107adcb18d1d1b7734d8a2> (дата обращения: 12.01.2019).

3 Гражданский Кодекс Российской Федерации. Ч. 1 ФЗ № 51 от 30.11.1994 // Консультант Плюс: справочно-правовая система: [сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142 (дата обращения: 12.01.2019).

4 Гражданский Кодекс Российской Федерации. Ч. 1 ФЗ от 30.11.1994 № 51 // Консультант Плюс: справочно-правовая система: [сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142 (дата обращения: 12.01.2019).

5 Федеральный закон от 03.07.2016 № 343 «О внесении изменений в Федеральный закон «Об акционерных обществах» и Федеральный закон «Об обществах с ограниченной ответственностью» в части регулирования крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность» // Консультант Плюс: справочно-правовая система: [сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_200727 (дата обращения: 12.01.2019г.).

щим собранием участников общества, недействительной, хотя бы он и принимал участие в голосовании по этому вопросу, не могло повлиять на результаты голосования».

В постановлении ФАС № Ф04/3280-713/А46-2007¹ устанавливается, что последующее одобрение сделки в соответствии со ст. 79 ФЗ-208 РФ может быть признано законным и соответствующим законодательству [16].

Стоит отметить, что приведенные выше положения появились в законах только лишь с 21 октября 2009 г. До этой даты последующее одобрение крупной сделки допускалось только в обществах с ограниченной ответственностью.

В случае отсутствия предварительного одобрения крупной сделки данный факт может повлечь признание такой сделки оспоримой, и это создаст возможный риск признания сделки недействительной и может породить нестабильность в отношениях ООО с другими контрагентами.

На наш взгляд, совершать крупную сделку возможно лишь после её одобрения собственниками в порядке, установленном ФЗ № 14 или № 208.

Обратим внимание на ответственность органов управления корпорациями. Данный вопрос более сложен в изучении, так как пока нет более чёткого решения вопросов об определении предела ответственности членов совета директоров корпорации, а также оснований их освобождения от

ответственности [7, с. 34]. По сей день суды при решении дел с определением предела ответственности для таких лиц не готовы принимать принципы добросовестности и разумности, в связи с этим оценка действий таких людей становится невозможной [2, с.78, 79].

Компетенция представителей органов управления различна, и ответственность, соответственно, также возлагается в разном объёме. В соответствии с положениями акционерного и гражданского законодательств, регулирующих обязательственные отношения между предпринимателями, управляющая организация либо управляющий, которые осуществляют деятельность на основании гражданско-правовых договоров, несут ответственность за одобрение такой категории сделок. При этом лицо, исполняющее функции единоличного исполнительного органа, отвечает перед обществом в соответствии с положениями акционерного и трудового законодательств.

В деле, рассмотренном ФАС Северо-Западного округа (№ А56-1576\11), акционером был предъявлен иск к генеральному директору о возмещении ущерба, который был причинён АО во время исполнения этим лицом обязанностей генерального директора². Судом было указано, что «...На основании содержания ст. 71 ФЗ РФ “Об акционерных обществах” предусматривается специальный порядок для привлечения к материальной ответственности генерального директо-

¹ Постановление пленума ВАС РФ от 20.06.2007 № 40 «О некоторых вопросах практики применения положений законодательства о сделках с заинтересованностью» // Законодательная база Российской Федерации [сайт]. URL: <https://zakonbase.ru/content/base/108237> (дата обращения: 12.01.2019).

² Постановление ФАС Центрального округа от 13.06.2000 по делу № А56-1576/00 [Электронный ресурс] // Консультант Плюс: справочно-правовая система: [сайт]. URL: resheniya-sudov.ru/2004/343510 (дата обращения: 12.01.2019).

ра АО, выступающего в роли единоличного исполнительного органа. При этом общий порядок привлечения к такой ответственности определяются трудовым законодательством РФ. Согласно ст. 277 Трудового кодекса¹ Российской Федерации руководитель организации обязан нести полную материальную ответственность за прямой действительный ущерб, причинённый организации. Следовательно, генеральный директор общества несёт ответственность перед обществом за убытки, причинённые обществу, на основании ст. 277 Трудового кодекса Российской Федерации и в порядке, определенном в ст. 71 ФЗ «Об акционерных обществах».

Члены коллегиальных органов управления общества состоят с обществом в трудовых отношениях, и их ответственность строится на нормах трудового законодательства. Ответственность члена совета директоров (наблюдательного совета) также определяется правилами акционерного и гражданского законодательства о договорной ответственности [6, с. 23, 24;].

Рассмотрение вопроса о характере отношений между управленцами и обществом важно для правильной юридической квалификации таких отношений, определения оснований и условий ответственности, а также порядка привлечения к ней и определения размера убытков или вреда [3; 7].

Подводя итоги, стоит сказать, что особых затруднений к определению сделки недействительной у суда и

в практике не возникает. Большую проблему представляет определение границ прав и обязанностей лиц, участвующих непосредственно в осуществлении сделок. Тут как у суда, так и у многих специалистов возникают вопросы, связанные в первую очередь как раз с определением объема таких полномочий.

В определении Верховного Суда по делу № А40-7904/11-19-61² указано, что член совета директоров общества выступает не в защиту прав акционеров общества и самого общества, а в защиту именно своих субъективных прав. Такая позиция по своей структуре противоречит нормам ст. 71 ФЗ «Об акционерных обществах».

Так же при решении данной категории дел у суда возникают вопросы в определении соразмерности ответственности.

В настоящий момент статьи закона, касающиеся нарушения порядка заключения крупных сделок, на наш взгляд, являются несовершенно и требуют доработок, хотя бы в части фиксации ответственности по обязательствам как управляющих корпорацией, так и самой корпорации. Разделяя мнение В. Долинской [2, с. 73], считаем необходимым ввести и сформулировать принцип «охраны прав и законных интересов участников корпоративных отношений соразмерно степени их влияния на управление обществом».

Сама по себе такая категория дел представляет собой больший интерес,

¹ Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ // Консультант Плюс: справочно-правовая система: [сайт]. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683 (дата обращения: 12.01.2019).

² Определение Верховного Суда РФ по делу № А40-142102/2017 от 13.12.2018 // Судебные и нормативные акты РФ: [сайт]. URL: <https://www.sudact.ru/vsrf/doc/bikWVwDtsBxm> (дата обращения 12.01.2019).

нежели обычные крупные сделки. И рассматривая данную категорию дел с точки зрения правовых последствий, стоит отметить, что ответственность является одной из основных составляющих акционерного права, ведь только юридически правильно выработанный и структурированный комплекс норм ответственности может оградить как самих акционеров, так и третьих лиц от нежелательных нарушений, являющихся неизбежными вследствие явных злоупотреблений и вследствие того, что ни уставными документами, ни законами невозможно чётко определить границы компетенции каждого органа с точки зрения переплетения полномочий и функций таких органов¹.

А. Молотников отмечает, что «отличительной чертой российской системы правового регулирования института акционерной ответственности является то, что основополагающий нормативный правовой акт, Закон об акционерных обществах, не уделяет должного внимания институту ответственности» [5, с. 42]. А ответствен-

ность – неотъемлемая часть любых отношений, в том числе и акционерных.

В соответствии с законодательством Российской Федерации также предусмотрена ответственность лица, являющегося заинтересованным и причинившего убытки обществу. Аналогичная ответственность предусмотрена и в адрес лиц, осуществляющих руководство обществом, в ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью»². Вышесказанное позволяет сделать вывод, что институт ответственности декларирован в современном законодательстве.

К одному из способов такой защиты Гражданский Кодекс РФ относит признание судами оспоримости недействительной сделки. Аналогичная норма предусмотрена п. 1 ст. 84 ФЗ «Об акционерных обществах»³, когда любая сделка, в совершении которой имеется заинтересованность, может быть признана недействительной по искам как самого акционерного общества, так и ее членов – акционеров, если она совершена с нарушением требований вышеуказанного закона.

На основании текстов ФЗ № 14 и № 208 А. Габов [3, с. 76] выделяет не ярко выраженные признаки для признания сделки не действительной:

1. Наличие в рассматриваемой сделке признаков сделки с заинтересо-

¹ Указ Президента РФ от 18.11.1995 г. № 1157 «О некоторых мерах по защите прав вкладчиков и акционеров» // Гарант: [сайт]. URL: <https://base.garant.ru/105414> (дата обращения 12.01.2019).

Распоряжение Федеральной комиссии по рынку ценных бумаг от 04.04.2002 № 421/р «О рекомендации к применению Кодекса корпоративного поведения» // Гарант: [сайт]. URL: <https://base.garant.ru/12126459> (дата обращения 12.01.2019).

Постановление пленума ВАС РФ от 20.06.2007 № 40 «О некоторых вопросах практики применения положений законодательства о сделках с заинтересованностью» // Законодательная база Российской Федерации: [сайт]. URL: <https://zakonbase.ru/content/base/108237> (дата обращения 12.01.2019).

² Федеральный закон РФ от 08.02.1998 № 14 «Об обществах с ограниченной ответственностью» // Гарант: [сайт]. URL: <https://base.garant.ru/12109720/99b16ebc3107adccb18d1d1b7734d8a2> (дата обращения: 12.01.2019).

³ Федеральный закон от 26.12.1995 № 208 «Об акционерных обществах» // Консультант Плюс: справочно-правовая система: [сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8743 (дата обращения: 12.01.2019).

ванностью. В таком случае бремя доказывания ложится на истца.

2. Наличие факта нарушения норм, установленных ФЗ № 14 и № 208, при совершении оспариваемой сделки, в отношении которой имеется заинтересованность.

Согласно п. 1 ст. 84 ФЗ «Об Акционерных обществах» и п. 6 ст. 45 ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» сделку с заинтересованностью можно признать недействительной, если присутствует хотя бы одно из нижеперечисленных условий:

1. вторая сторона, участвующая в сделке знала / могла знать о том, что для общества эта сделка является сделкой, заключенной с заинтересованностью;

2. вторая сторона, участвующая в сделке знала / могла знать о том, что данная сделка заключена без согласия на заключение такой сделки.

3. лицу, обратившемуся с требованием о признании сделки с заинтересованностью недействительной, не была представлена информация о совершении такой сделки.

Отказ в иске о признании недействительной сделки с заинтересованностью, предъявленном как самим акционерным обществом, так и его акционерами, не лишает последних возможности предъявить требование о возмещении убытков, которые причинили вред лицам, перечисленным в ФЗ № 14 п. 5 ст. 45. Представляется обоснованной точка зрения Д. Дедова, что данное разъяснение следует распространять и на ответственность, предусмотренную п. 2 ст. 84 закона «Об акционерных обществах» [1, с. 85, 86].

Данные положения находят своё отражение и в постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ «О некоторых вопросах практики применения положений законодательства о сделках с заинтересованностью»¹: в случаях, если контрагент или выгодоприобретатель в крупной сделке не знали / не могли знать о фактическом нарушении условий и порядка заключения крупных сделок с заинтересованностью, такая сделка может быть признана недействительной, как сделка, которая заключена с нарушением закона. Таким образом, факт отсутствия у субъектов крупной сделки информации о процедуре заключения может иметь негативные последствия для заключённой сделки.

Стоит отметить, что ФЗ № 14 и № 208 вводят ограничение на порядок и круг лиц, которые могут обращаться в суд с заявлением об оспаривании сделки, заключенной с заинтересованностью: оспаривать такую категорию дел может либо член совета директоров или наблюдательного комитета, либо любой акционер данного общества, владеющий не менее 1% голосующих акций. Срок исковой давности по категории таких дел, согласно п. 2 ст. 181 Гражданского Кодекса РФ², составляет один календарный год с учетом норм, установленных п. 5 Поста-

¹ Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 20.06.2007 № 40 «О некоторых вопросах практики применения положений законодательства о сделках с заинтересованностью» // Гарант: [сайт]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1683686> (дата обращения: 12.01.2019).

² Гражданский Кодекс Российской Федерации. Ч. 1 ФЗ от 30.11.1994 № 51 // Консультант Плюс: справочно-правовая система: [сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142 (дата обращения: 12.01.2019).

новления Пленума ВАС № 28¹, с того момента, когда истец узнал или должен был узнать о том, что для заключения такой сделки требовалось одобрение в порядке, предусмотренном законом или уставом хозяйствующего субъекта. При этом срок такой исковой давности по требованию о признании сделки с заинтересованностью недействительной в случае его пропуска восстановлению не подлежит.

В ФЗ «Об Акционерных обществах» также предусмотрена совокупность условий, при которых предполагается нанесение ущерба интересам общества, если не будет доказано обратное. К таким условиям относятся:

1. как таковое согласие на совершение таких сделок или же согласие на их последующее заключение / одобрение;

2. лицу, выступающему с иском о признании сделки с заинтересованностью недействительной, по его требованию не была предоставлена информация в отношении этой оспариваемой сделки в соответствии с положениями.

Ещё раз стоит повторить, что только при наличии сразу двух условий можно считать, что ущерб был нанесен интересам общества.

При анализе федерального закона «Об Обществах с ограниченной ответственностью» аналогичных норм законодательно не было предусмотрено.

На данном этапе законодателем как бы уже чётко определена граница для

определения лиц, которые имеют заинтересованность в совершении таких сделок. Но в таком случае возникает ряд вопросов, связанных как раз с таким кругом лиц и их заинтересованностью². В таком случае положения о заинтересованности и порядке одобрения сделок с заинтересованностью носят чрезвычайно формализованный характер, заключающийся в чёткой формулировке оснований для признания сделок недействительными. В таком случае недействительными по данному основанию могут быть признаны сделки, даже если о заинтересованности участника такой сделки ему самому известно не было, а также в случаях, если исполнение сделки не привело к нарушению прав и законных интересов общества или его участников.

Анализируя судебную практику, подобные положения влекут множественные злоупотребления как со стороны обществ, не желающих исполнять сделку, так и со стороны акционеров, осуществляющих свою деятельность не в интересах общества.

В связи с этим видится необходимым произвести изменения в концепции определения заинтересованности лица по отношению к сделке таким образом, чтобы такое отнесение происходило не по формальным признакам, а по фактической заинтересованности лиц. Данный механизм можно назвать «презумпция заинтересованности» и «презумпция незаинтересованности».

¹ Постановление пленума ВАС РФ от 15.05.2014 № 28 «О некоторых вопросах, связанных с оспариванием крупных сделок и сделок с заинтересованностью» // Консультант Плюс: справочно-правовая система: [сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163615 (дата обращения: 12.01.2019).

² Указ Президента РФ от 18.11.1995 № 1157 «О некоторых мерах по защите прав вкладчиков и акционеров» // Гарант: [сайт]. URL: <https://base.garant.ru/105414> (дата обращения 12.01.2019).

Суть такой презумпции будет заключаться в личной заинтересованности или незаинтересованности субъектов сделки в её совершении. В таком случае концепцию презумпции заинтересованности стоит использовать только в тех случаях, когда будут основания полагать, что существуют определённые лица, которые своими действиями могут оказывать воздействие на формирования определённых условий таких сделок, руководствуясь при этом не интересами общества, а своими личными интересами, в силу

того, что они принимают участие в уставном капитале или же в органах управления такого общества. Соответственно, презумпцию незаинтересованности нужно использовать во всех остальных случаях. Тогда под фактической заинтересованностью стоит понимать наличие у лица личного интереса в заключении такой сделки, а не общественного, а также реальной возможности принимать участие в формировании положения таких сделок.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дедов Д. И. Конфликт интересов. М.: Волтерс Клувер, 2015. 241 с.
2. Долинская В. В. Акционерное право: основные положения и тенденции. М.: Волтерс Клувер, 2017. 285 с.
3. Габов А. В. Сделки с заинтересованностью в практике акционерных обществ: проблемы правового регулирования [Электронный ресурс]. URL: <http://zahvat.ru/media/bookshelffile/original/33891.pdf> (дата обращения: 12.01.2019).
4. Ерёменко Ю. Сделки с заинтересованностью: новеллы правоприменения // Корпоративный юрист. 2017. № 10. С. 42–44.
5. Молотников А. Е. Ответственность в акционерных обществах: учеб. пособие. М.: Волтерс Клувер, 2016. 68 с.
6. Практика рассмотрения коммерческих споров: анализ и комментарии постановлений Пленума и обзоров Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации / О. Р. Зайцев и др. Вып. 9. М. Л.: Статут, 2009. 207 с.
7. Филиппова С. Ю. К вопросу о понятии корпоративного конфликта // Российская юстиция. 2012. № 12. С. 31–35.

REFERENCES

1. Dedov D. I. Konflikt interesov [A Conflict of Interests]. Moscow, Volters Kluver Publ., 2015. 241 p.
2. Dolinskaya V. V. Aktsionernoe pravo: osnovnye polozheniya i tendentsii [Joint Stock Company Law: Key Issues and Trends]. Moscow, Volters Kluver Publ., 2017. 285 p.
3. Gabov A. V. *Sdelki s zainteresovannost'yu v praktike aktsionernykh obshchestv: problemy pravovogo regulirovaniya* [Related party transactions in the practice of joint stock companies: problems of legal regulation]. Available at: <http://zahvat.ru/media/bookshelffile/original/33891.pdf> (accessed: 12.01.2019).
4. Eremenko Yu. [Related Party Transactions: Problems of Law Enforcement]. In: *Korporativnyi yurist* [Corporate Lawyer], 2017, no. 10, pp. 42–44.
5. Molotnikov A. E. *Otvetstvennost' v aktsionernykh obshchestvakh* [Liability in Joint-Stock Companies: A Textbook]. Moscow, Volters Kluver Publ., 2016, 68 p.
6. Zaytsev O., Shapkina G., Fayzutdinov I., Makovskaya A., Rozhkova M., Tarasenko Yu. *Praktika rassmotreniya kommercheskih sporov: Analiz i kommentarii postanovlenij*

Plenuma i obzorov Prezidiuma Vysshego Arbitrazhnogo Suda Rossijskoj Federacii [Practice of Commercial Disputes Consideration: Analysis and Commentary on the Resolutions of the Plenum and Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. Iss. 9]. Moscow, Statute Publ., 2009. 207 с.

7. Filippova S. Y. [The Issue of the Concept of Corporate Conflict]. In: *Rossiiskaya yustitsiya* [Russian Justice], 2012, no. 12, pp. 31–35.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Куркина Наталья Васильевна – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой предпринимательского права Московского государственного областного университета;
e-mail: knv011@mail.ru

Чаплин Никита Юрьевич – доцент кафедры предпринимательского права Московского государственного областного университета;
e-mail: moduma@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Natalya V. Kurkina – PhD in Law, associate professor, head of the Department of Business Law, Moscow Region State University;
e-mail: knv011@mail.ru

Nikita Y. Chaplin – associate professor at the Department of Business Law, Moscow Region State University;
e-mail: moduma@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Куркина Н. В., Чаплин Н. Ю. Правовые последствия нарушения требований законодательства к совершению сделок, заключенными корпорациями // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2019. № 1. С. 122–131.

DOI: 10.18384/2310-6794-2019-1-122-131

FOR CITATION

Kurkina N. V., Chaplin N. Y. The Consequences of Criminal Violation of Legal Requirements for Corporate Transactions. In: Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence, 2019, no. 1, pp. 122–131.

DOI: 10.18384/2310-6794-2019-1-122-131

УДК 341

DOI: 10.18384/2310-6794-2019-1-132-139

ТРУДНОСТИ КОНКУРЕНЦИИ РОЗНИЧНЫХ ОНЛАЙН ДИЛЕРОВ В УСЛОВИЯХ ОГРАНИЧЕНИЙ В ЦЕНОВОЙ ПОЛИТИКЕ, НАВЯЗЫВАЕМЫХ ПРОИЗВОДИТЕЛЯМИ

К. Ючинсон*Университет Пантеон-Сорбонна**75231, Париж, площадь Плас-дю-Пантеон, 12, Франция*

Аннотация. Целью данной статьи явилось изучение юридических особенностей установления цены на товары, подлежащие перепродаже. Под перепродажей автор понимает соглашение или согласованные действия независимых участников рынка по установлению минимальной фиксированной цены. В статье утверждается, что в настоящее время увеличилось число розничных онлайн дилеров, которые не удовлетворены тем фактом, что производители диктуют им размер минимальной или рекламной цены за товар. Они полагают, что такая регламентация ограничивает их конкурентные преимущества и не даёт возможности снизить цену. С другой стороны, производители выдвигают ряд причин для такой политики, в числе которых желание защитить статус бренда, а также необходимость предотвратить поглощение традиционных форм распространения товара онлайн торговлей. *Методы исследования:* автор использует сравнительный метод и метод моделирования. *Результаты исследования:* автор обобщил результаты обсуждения учёными и участниками процесса вопроса о том, могут ли производители влиять на розничные цены путём установления оптовых цен для розничных дилеров в зависимости от способа продажи (традиционная или через интернет). *Теоретическая и практическая значимость исследования:* автор утверждает, что установление различных цен для различного рода продаж – это обычный элемент конкуренции, а введение двойной ценовой системы для гибридных розничных дилеров предусмотрено Положением о групповых исключениях в Вертикальных Ограничениях (VBER).

Ключевые слова: электронная торговля, установление цен перепродажи, розничные дилеры электронной торговли, традиционная уличная торговля, гибридные розничные дилеры, рекомендуемые розничные цены, конкурентное право европейского союза, Положение о групповых исключениях в Вертикальных Ограничениях, двойное ценообразование.

THE CHALLENGES TO COMPETITION OF PRICE RESTRICTIONS IMPOSED BY MANUFACTURERS ON ONLINE RETAILERS

C. Youchinson*Pantheon-Sorbonne University**12, Place du Panthéon, Paris, 75231, France*

Abstract. The purpose of the paper was to study the legal features of maintaining the price of goods during resale. By this design, the author understands the agreement or concerted ac-

tion of independent market participants on the establishment of a minimum or fixed price. The author argues that currently there is an increase in the number of online retailers who are dissatisfied with the fact that manufacturers indicate to them what minimum price should be set for the product or what advertised price to use. They believe that such recommendations hinder the realization of their competitive advantages, limiting the possibilities of offering lower prices for goods. On the other hand, manufacturers provide various rationales for price recommendations, for example, the desire to protect the image of a brand and the need to avoid cannibalization of traditional distribution channels with online stores. Procedure and research methods: the author used a comparative approach and modeling method. Results of the study: the author summarized the discussion of scientists and practitioners about whether manufacturers can influence retail prices by setting different wholesale prices for retailers depending on the intended product sales channel (traditional trade or via the Internet). Theoretical /practical value: the author argues that charging different (wholesale) prices from different retailers is generally considered as a normal element of competition. The use of a double pricing system for the same (hybrid) retailer is generally considered an explicit (classic) restriction according to VBER.

Keywords: e-commerce, resale price maintenance, e-commerce retailers, brick-and-mortar sale channel, hybrid retailers, recommended retail prices, EU competition law, Vertical Block Exemption Regulation, dual pricing.

Introduction

Resale price maintenance (RPM) is agreements or concerted practices between independent undertakings that establish a minimum or fixed price.

An increasing number of e-commerce retailers¹ complain about the fact that they receive indications from manufacturers of what minimum price they should apply or which advertised price they should use. They argue that such recommendations hinder their competitiveness limiting their ability to offer lower prices.

On the other hand, manufacturers tend to justify the existence of pricing recommendations out of various considerations such as image and brand protection, return on R&D investments or the necessity to

avoid the cannibalization of the brick-and-mortar sale channel by the online one².

However from a marketing standpoint well justified RPM might be. There's currently a debate as to whether price restrictions imposed by manufacturers on e-retailers comply with EU competition rules.

More specifically, the question arises as to whether manufacturers can influence retail prices by charging different wholesale prices to retailers depending on the channel where the product is intended to be resold.

Elements of answer to this question can be found in the Sector Inquiry into trade of consumer goods («goods») and digital content in the EU³ published by the European Commission on May 10, 2017. The inquiry was carried out within the frame-

¹ In 2017, 5% of retailers interviewed in the EU reported receiving indications of what minimum price they should apply. Only 3% of them indicated such practices in a survey carried out two years earlier.

See European Commission; COM (2017) 229 Final report on the E-commerce Sector Inquiry, May 10, 2017. URL: http://ec.europa.eu/competition/antitrust/ecommerce_decision_en.pdf (accessed: 07.10.2018).

² *Ibid*, Paragraph 562.

³ European Commission; Commission decision of 6 May 2015 initiating an inquiry into the e-commerce sector pursuant to Article 17 of Council Regulation (EC) No 1/2003 (HT.4607), C (2015) 3026, final URL: http://ec.europa.eu/competition/antitrust/ecommerce_decision_en.pdf (accessed: 07.10.2018).

work of the Commission's 'Digital Single Market Strategy for Europe'¹. One of the objectives of the sector inquiry is to better understand the prevalence and characteristics of pricing recommendations by manufacturers to online retailers and the importance of dual pricing depending on the channel (offline or online) where the product is intended to be resold. In order to collect the relevant data, manufacturers and retailers were asked about their pricing policies and their respective roles in setting those policies. The respondents operate on markets of 14 Member States². According to the findings of the sector inquiry, there's a widespread use by manufacturers of pricing recommendations to retailers across the EU (I). It remains to be seen whether such practices are compatible with EU competition rules (II), particularly when they imply the charging by manufacturers of different (wholesale) prices to the same hybrid retailer, depending on whether he sells those products via the online or offline channel (III).

I. The widespread use of pricing recommendations to retailers by manufacturers

The EU Commission has asked retailers to provide information concerning their pricing policies and the role of manufacturers in their price setting. Manufacturers, in turn, were asked about their input to retailers' pricing policies.

¹ European Commission; COM(2015) 192 final [Электронный ресурс]. URL: <https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/news/digital-single-market-strategy-europe-com2015-192-final> (accessed: 06.10. 2018).

² European Commission; COM (2017) 229 Final report on the E-commerce Sector Inquiry, May 10, 2017. Paragraph 100. URL: http://ec.europa.eu/competition/antitrust/ecommerce_decision_en.pdf (accessed: 07.10.2018).

A. Price setting at retail level

38% of retailers report that manufacturers recommend resale prices, while less than 10% report being provided with a discount range or receiving indications from manufacturers to apply the same retail price both online and offline³. A smaller proportion of retailers receive indications of what minimum price they should apply or which advertised price they should use⁴.

The proportion of retailers reporting recommendations from manufacturers on resale prices varies according to the category of product in question.

At least a third of the retailers in each product category (with the exception of house and garden) receive some form of price recommendations from manufacturers. The highest proportion of retailers that do so are those active in clothing and shoes, followed by those selling sports equipment and then consumer electronics⁵.

Manufacturers report about an even more widespread use of recommended retail prices: four out of five manufacturers use price recommendations to distributors⁶.

B. The reasons put forward by manufacturers to justify the use of pricing recommendations

To better understand why pricing recommendations are so widespread, manufacturers were asked to explain the main

³ 8% of retailers reported to be provided with a discount range while 7% retailers reported receiving the indication from manufacturers to apply the same retail price online and offline. Proportions are calculated out of all 1051 responses to the questionnaire.

⁴ 5% of retailers reported receiving indications of what minimum price they should apply while 3% stated they received indications about what advertised price they should use.

⁵ Proportions are calculated out of all retailers active in a given product category.

⁶ Proportions are calculated out of all manufacturers (251) that responded to the questionnaire.

considerations behind the decision to recommend retail prices to distributors.

Manufacturers express the view that the price of a product is the most immediate way to communicate its quality to the customers and have provided a number of reasons for recommending retail prices. These are as follows:

a) Image protection and brand positioning.

First of all, manufacturers explain that level of recommended retail prices is chosen in order to reflect a certain brand/product image or to strengthen the image or its perceived value. This is reported to be particularly true for premium products and for luxury brands, although manufacturers active in all product categories have argued that there is a strong link between recommended retail prices and brand/product positioning¹.

b) Return on R&D investments

Manufacturers further explain that products tend to be designed and manufactured taking into consideration an estimated retail price level. Therefore, their investments in research and development as well as other manufacturing costs are inextricably linked to a given recommended retail price².

c) Marketing strategy.

Recommended retail prices are set also on the basis of market studies that allow manufacturers to gauge customers' willingness to pay. Manufacturers state that they have a better understanding than retailers of the price a customer would be prepared to pay for their products and, therefore, are better placed to evaluate

market conditions and develop a marketing strategy, which includes the price of the products. Market knowledge, manufacturers explain, is particularly important when a product is launched³.

d) Avoiding cannibalization of the brick-and-mortar sale channel by the online one

Manufacturers explain that recommended retail prices may help avoiding or reducing cannibalization across channels and geographies. Some manufacturers consider it important to support the brick-and-mortar channel by preventing online prices from falling below a certain level⁴.

Having highlighted the widespread use by manufacturers of pricing recommendations to retailers, the Commission then assessed whether and under what conditions those recommendations violate EU competition rules.

II. Pricing recommendations under EU competition rules

Resale price maintenance (RPM), i.e. agreements or concerted practices between independent undertakings that establish a minimum or fixed price (or price range), are considered restrictions of competition by object under Article 101(1) TFEU⁵.

Under Article 4(a) of the VBER, the block exemption provided by the VBER does not apply to vertical agreements that,

³ *Ibid.* Paragraph 564.

⁴ *Ibid.* Paragraph 567.

⁵ See judgment in *SA BinonCie v SA Agence et Messageries de la Presse*, 243/83, EU:C:1985:284, Paragraph 43; judgment in *ASBL Vereniging van VlaamseReisbureaus v ASBL SocialeDienst van de PlaatselijkeGewestelijkeOverheidsdiensten*, 311/85, EU:C:1987:418, Paragraph 17; judgment in *SPRL Louis ErauwJacquery v La Hesbignonne SC*, 27/87, EU:C:1988:183, Paragraph 15.

¹ European Commission; COM (2017) 229 Final report on the E-commerce Sector Inquiry, May 10, 2017. Paragraph 562. URL: http://ec.europa.eu/competition/antitrust/e-commerce_decision_en.pdf (accessed: 07.10.2018).

² *Ibid.* Paragraph 563.

either directly or indirectly, have as their object RPM. This is without prejudice to the possibility of the supplier to impose a maximum sale price or recommend a sale price, provided that they do not amount to a fixed or minimum sale price as a result of pressure from, or incentives offered by, any of the parties¹.

Any efficiencies RPM may lead to in particular cases, are to be evaluated on the basis of the specific circumstances of the case².

The practice of recommending a non-binding resale price or requiring the retailer to respect a maximum resale price is covered by the VBER provided that the market share thresholds set out in the Regulation are not exceeded³ and that the recommended price or the maximum price do not amount to a fixed or minimum sale price as a result of pressure

from, or incentives offered by, any of the parties⁴.

As explained in the Vertical Guidelines, in the case of contractual provisions or concerted practices that directly establish the resale price, the restriction is strictly forbidden⁵. However, RPM can also be achieved through indirect means. When providing pricing recommendations it is important that manufacturers do not take actions, such as providing financial or other business incentives to retailers that follow the recommended prices or, on the contrary, apply measures discouraging or threatening retailers not to follow such prices, as this would interfere with the freedom of retailers to set their final prices to customers independently. This type of interventions may entail the recommended retail price or make the maximum retail price become equivalent to a minimum or fixed price.

Another aspect of the ongoing debate on the compatibility of pricing recommendations with EU competition rules concerns the question of whether manufacturers can influence retail prices by charging different wholesale prices to retailers depending on the channel where the product is intended to be resold. This question will be examined in section III.

III. The practice of dual pricing in the light of EU competition law

EU competition rules distinguish the situation where the manufacturer sets a different (wholesale) price for the same product, to the same hybrid retailer (selling both online and offline), depending

¹ Vertical Block Exemption Regulation No 330/2010 on the application of Article 101 (3) of the Treaty on the Functioning of the European Union to categories of vertical agreements and concerted practices [Электронный ресурс]. URL: <https://eurlex.europa.eu/legalcontent/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX:32010R033&from=EN> (accessed: 30.09.2018).

² Some examples of efficiencies that could be potentially generated by pricing restrictions are outlined in Paragraph 225 of the Notice on the Guidelines on Vertical Restraints, SEC (2010). Paragraph 52. URL: http://ec.europa.eu/competition/antitrust/legislation/guidelines_vertical_en.pdf (accessed: 29.09.2018).

³ The market shares of the supplier and the distributor on their respective market should not exceed 30%.

Vertical Block Exemption Regulation No 330/2010 on the application of Article 101 (3) of the Treaty on the Functioning of the European Union to categories of vertical agreements and concerted practices [Электронный ресурс]. URL: <https://eurlex.europa.eu/legalcontent/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX:32010R033&from=EN> (accessed: 30.10.2018).

⁴ Vertical Guidelines, Paragraph 226. For the assessment of those pricing practices when they are not covered by the VBER, see Paragraphs 227-229 of the Vertical Guidelines.

⁵ Vertical Guidelines, Paragraph 48.

on whether that retailer sells those products via the online or offline channel and the case where the manufacturer sets a different (wholesale) price for the same product to different retailers.

Charging different (wholesale) prices to different retailers is generally considered a normal part of the competitive process¹.

Dual pricing for one and the same (hybrid) retailer is generally considered as a hardcore restriction under the VBER.

In other words, if a manufacturer forbids a hybrid retailer to sell a product for a different price depending on whether he sells it via the online channel or the offline one, such a practice will be considered as a breach of Article 101 (1) TFEU as it limits the possibility of the retailer to sell the product via the Internet.

Nevertheless, Paragraph 64 of the Vertical Guidelines explicitly envisages the possibility for dual pricing agreements to fulfill the conditions of Article 101(3) TFEU where, for instance, sales via one of the sales channels lead to substantially higher costs for the manufacturer than sales via the other channel.

This, for instance, could be the case, where it can be shown that a dual pricing arrangement is indispensable to address free-riding between offline and online sales channels in the case of hybrid retailers that are part of the distribution network of the manufacturer.² While hybrid retailers may internalize part of the externality occurring across sales channels, they may nevertheless remain subject to free-riding by other retailers. Their

¹ Unless different wholesale prices to (online) retailers have the object of restricting exports or partitioning markets.

² Free-riding by pure online sellers on services provided offline can be addressed by other means, such as price differentiation.

incentives to invest in costly sales effort in the offline channel may therefore be negatively affected, similarly to the case of pure brick and mortar retailers.

The example provided is not the only possible situation in which the criteria of Article 101 (3) TFEU could be fulfilled. Let's take the case of a product which would require a quite complicated installation. If it's sold offline, such a sale may require the services of a professional in charge of the installation. There's a good chance that the client may be satisfied and that he won't make any claim. If it's sold online, the client may have to make the installation himself. In case he doesn't do it well, he may believe that the product is at fault and ask for its replacement. Since dealing with such an after sales claim implies extra cost for the supplier, EU competition authorities admit that, in such a case, the supplier can set a higher price for the sale online than for the sale offline. Such a tolerance is an exception to the rule according to which there shouldn't be any dual pricing depending on the type of channel where the product is intended to be resold.

Conclusion

Resale price maintenance is one of the practices manufacturers may make use of in response to the increased online price competition and, in particular, to the high online price transparency and low search costs for customers, allowing them to swiftly compare prices³.

By observing a minimum retail price, both manufacturers and retailers may minimise the impact of quick online price

³ European Commission; COM (2017) 229 Final report on the E-commerce Sector Inquiry, May 10, 2017. Paragraph 987. URL: http://ec.europa.eu/competition/antitrust/ecommerce_decision_en.pdf (accessed: 07.10.2018).

erosion, thereby protecting both the level of the wholesale price the manufacturers can ask for the product, and the profit margins retailers can expect¹.

At least a third of the retailers in each product category covered by the sector inquiry report to receive some form of price recommendations from manufacturers².

Agreements that establish a minimum or fixed price (or price range) are a hardcore restriction according to Article 4(a) of the VBER³ and a restriction of competition by object under Article 101(1) TFEU⁴.

Non-binding pricing recommendations or maximum resale prices are covered by the VBER as long as the market share thresholds are respected and they do not amount to a minimum or fixed resale price as a result of pressure from or incentives offered by the parties involved in the vertical relationships⁵.

Nearly 30% of manufacturers indicate that they systematically track the prices of their products sold via independent retailers. Others do so in a targeted manner (on certain products, key markets).

67% of the respondent manufacturers use manual tracking, while nearly 40% make (also) use of price-tracking software to track prices. Almost a third of respondent retailers report that they normally comply with the price indications given by the manufacturers while slightly more than a quarter say that they do not comply⁶.

The increased price transparency through price monitoring software may facilitate or strengthen collusion between retailers and thereby impact a competition⁷.

While manufacturers often voice their intention to create a level-playing field between online and offline sales channels, taking into consideration potential differences in cost levels, dual pricing (setting different wholesale prices depending on the sales channel) is rarely considered as a viable option due to the risk that a dual pricing strategy could be in breach of Article 101(1) TFEU⁸.

Charging different (wholesale) prices to different retailers is generally considered a normal part of the competitive process. Dual pricing for one and the same (hybrid) retailer is generally considered as a hardcore restriction under the VBER. Nevertheless, the European competition authorities admit the possibility of exempting dual pricing agreements under Article 101(3) TFEU on an individual basis, for example where a dual pricing arrangement would be indispensable to address free-riding or where the after sale cost might be higher for the sale of a product online than for its sale offline.

¹ *Idem*. Paragraph 988.

² *Idem*. Paragraph 989.

³ Vertical Block Exemption Regulation No 330/2010 on the application of Article 101 (3) of the Treaty on the Functioning of the European Union to categories of vertical agreements and concerted practices [Электронный ресурс]. URL: <https://eurlex.europa.eu/legalcontent/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX:32010R033&from=EN> (accessed: 30.10.2018).

⁴ Council of the European Union, Article 101 (1) of the Treaty of Functioning of the European Union (TFEU) [Электронный ресурс]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:12008E101:EN:HTML> (accessed: 10.12.2018).

⁵ European Commission; COM (2017) 229 Final report on the E-commerce Sector Inquiry, May 10, 2017. Paragraph 990. URL: http://ec.europa.eu/competition/antitrust/ecommerce_decision_en.pdf. (accessed: 07.10.2018).

⁶ European Commission; COM (2017) 229 Final report on the E-commerce Sector Inquiry, May 10, 2017. Paragraph 991. URL: http://ec.europa.eu/competition/antitrust/ecommerce_decision_en.pdf. (accessed: 7.10.2018).

⁷ *Ibid*. Paragraph 992.

⁸ *Ibid*. Paragraph 993.

REFERENCES

1. Ezrachi A. EU Competition Law: An Analytical Guide to the Leading Cases. Oxford, Hart Publ., 2018. 800 p.
2. Faella G. EU Competition Law. Volume VI: Vertical Restraints. Deventer, Clays&Casteels Publ., 2018. 450 p.
3. Fox E. EU competition law: cases, Text and Context. Cheltenham, Publisher Eduard Elgar Publ., 2017. 392 p.
4. Gola R. Droit du commerce électronique. Paris, Gualino, 2013. 624 p.
5. Hovenkamp H. Principles of Antitrust. Saint Paul, West Academic Publ., 2017. 678 p.
6. Ibanez Colomo P. The Shaping of EU Competition Law. Cambridge, Cambridge University Press, 2018. 348 p.
7. Jones A. EU Competition Law: Text, Cases and Materials. Oxford, Oxford University Press, 2016. 1440 p.
8. Kilpatrick B. Antitrust Analysis of Online Sales Platforms & Copyright Limitations and Exceptions, Berlin: Springer, 2018. 622 p.
9. Manara C. Droit du commerce électronique. Paris, L.G.D.J, 2013. 184 p.
10. Moreira A. Competition Law and Economics: Advances in Competition Policy Enforcement in the EU and North America. Lisbon, Cheltenham, 2016. 423 p.
11. Patterson M. Antitrust Law in the New Economy. Boston, Harvard University Press, 2017. 336 p.
12. Rabagny-Lagoa, A. Droit du commerce électronique. Paris, Ellipses, 2016. 144 p.
13. Stucke M., Ezrachi A. Virtual Competition. Cambridge, Harvard University Press, 2016. 368 p.
14. Schwemer F. Licensing and Access to Content in the European Union: Regulation between Copyright and Competition Law. Cambridge, Cambridge University Press, 2018. 300 p.
15. Them Do K. Global Governance of Competition. Law and Policy: key issues. London: Amazon Digital Services LLC, 2017. 295 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кристоф Самуэль Ючинсон – доктор наук, профессор, директор юридических программ университета Париж 1, Пантеон-Сорбонна;
e-mail: KSYUchinson@fa.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Christophe Samuel Youchinson – doctor, professor, director of Law Programs, University of Paris 1, Pantheon-Sorbonne;
e-mail: KSYUchinson@fa.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Ючинсон К. С. Трудности конкуренции розничных онлайн дилеров в условиях ограничений в ценовой политике, навязываемых производителями. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция, 2019, № 1. С. 132–139. DOI: 10.18384/2310-6794-2019-1-132-139

FOR CITATION

Youchinson C. S. The challenges to competition of price restrictions imposed by manufacturers on online retailers. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2019, no. 1, pp. 132–139.
DOI: 10.18384/2310-6794-2019-1-132-139

РАЗДЕЛ V.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

УДК 343.140.02

DOI: 10.18384/2310-6794-2019-1-140-151

ДОСУДЕБНОЕ ПРОИЗВОДСТВО: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Гаврилов Б. Я.

*Владимирский государственный университет имени А. Г. и Н. Г. Столетовых
600005, г. Владимир, ул. Студенческая, д. 8, Российская Федерация*

Аннотация. Статья посвящена исследованию проблемных вопросов современного досудебного производства и отдельных причин внесения в УПК РФ многочисленных изменений. Автором проведен анализ эмпирического материала (данных о количестве подозреваемых, обвиняемых, заключённых под стражу в период предварительного расследования в 1998–2017 гг.). В качестве общенаучного диалектического метода были использованы познания социально-правовых процессов и явлений, что позволило провести анализ и оценку состояния законодательства и правоприменительной практики по проблемам досудебного производства, в том числе произведена оценка изменения нормативно-правовой базы УПК РФ. На основе анализа норм уголовно-процессуального законодательства, в том числе изучения как правоприменительной практики, так и результатов эмпирических данных, автором подготовлены предложения об изменении процессуальных правил начала производства по уголовному делу. Практическая значимость данного исследования заключается в обобщении значительного массива статистических данных, а также в формулировке предложений по совершенствованию законодательства, регламентирующего досудебное производство. Статья адресована научным работникам, профессорско-преподавательскому составу при преподавании курсов «Уголовно-процессуальное право», «Уголовный процесс» и соответствующие спецкурсы в вузах, студентам, адъюнктам, аспирантам, изучающим данные дисциплины, практическим работникам (должностным лицам органов предварительного расследования, органов дознания, прокурорам, судьям, адвокатам, другим участникам уголовного процесса).

Ключевые слова: УПК РФ, уголовно-процессуальная политика, досудебное производство, следователь, процессуальные сроки, предъявление обвинения, протокольная форма расследования.

© СС BY Гаврилов Б. Я., 2019.

PRE-TRIAL PROCEDURE: PROBLEMS OF THEORY AND PRACTICE

B. Gavrilov

Vladimir State University

8, Studencheskaya st., Vladimir, 600005, Russian Federation

Abstract. The article is concerned with the problems of modern pre-trial procedures and the reasons for making numerous amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. The author analysed empirical data (on the number of suspects taken into custody during the preliminary investigation in 1998–2017). The research methods include a dialectical analysis of social and legal processes that allowed to assess the state of legislation and law enforcement practice concerning pre-trial procedures, and the changes in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. Based on the analysis of the norms of criminal procedure legislation, the study of both law enforcement practice and empirical data, the author made several proposals for making changes in the pre-trial criminal procedure rules. The practical value of the article is in interpreting big statistical data and making proposals for pre-trial procedure changes in criminal cases. The study is aimed at researchers, the teaching staff who conduct the courses «Criminal procedure law», «Criminal procedure» and relevant special courses at universities, students, adjuncts, graduate students studying these disciplines, practitioners (officials of preliminary investigation, bodies of inquiry, prosecutors, judges, lawyers, other participants of criminal procedure).

Keywords: Criminal Procedure Code of the Russian Federation, criminal procedure policy, pre-trial procedures, investigator, procedure terms, indictment, protocol form of investigation.

Исследуя проблемы досудебного производства, необходимо отметить, что, во-первых, его формирование в 1997–2001 гг. (период подготовки проекта УПК РФ ко второму чтению) было обусловлено необходимостью реализации в уголовно-процессуальном законодательстве положений Конституции РФ в части:

а) обеспечения прав и законных интересов как лиц, пострадавших от преступления, так и граждан от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения их прав и свобод;

б) ограничения конституционных прав подозреваемых, обвиняемых и других участников уголовного процесса исключительно по судебному решению, что, например, способствовало резкому сокращению количества

подозреваемых, обвиняемых, заключённых под стражу в период предварительного расследования (с 450 тыс. в 1998–1999 гг. ежегодно до 130–150 тыс. в 2015–2016 гг.).

в) повышения эффективности уголовного судопроизводства в целом и его досудебной части в частности за счёт перехода на упрощённый порядок предварительного расследования и судебного разбирательства при условии обеспечения в полном объеме прав и законных интересов их участников. К таким формам сегодня, в определенной мере, следует отнести дознание в общей форме (гл. 32¹ УПК РФ) и до-

¹ УПК РФ от 18.12.2001 № 174-ФЗ Глава 32. Дознание // Консультант Плюс: справочно-правовая система: [сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481 (дата обращения: 19.02.2019).

знание в сокращённой форме (гл. 32.1¹ УПК РФ), а также досудебное соглашение о сотрудничестве (гл. 40.1² УПК РФ), а при рассмотрении уголовных дел в суде – особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением (гл. 40³ УПК РФ), а также прекращение уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа (гл. 51.1⁴ УПК РФ) и рядом других факторов.

Во-вторых, совершенствование досудебного производства в последующие, после принятия УПК РФ, годы осуществлялось, учитывая:

- что внесение в УПК РФ с момента его принятия более чем 200-ми федеральными законами изменений, не всегда носило системный характер [3, с. 19];

- что имели место законодательные ошибки, в выявлении которых активную роль играет Конституционный Суд РФ при его одновременной склонности к контрреформам, которые профессор В. П. Божьев назвал «тихой революцией Конституционного Суда РФ» [1];

- что не «остался в стороне» от контрреформ и Верховный Суд РФ, например, в части возврата в УПК РФ судебного доследования, проблему чего многие страны, в том числе и бывшего постсоветского пространства, давно разрешили [3, с. 21];

- что внесение в УПК РФ столь многочисленных изменений, в свою очередь, было обусловлено, с одной

стороны, компромиссными решениями законодателя при принятии УПК РФ, а с другой – отказом при подготовке его проекта ко второму чтению от реформирования отдельных процессуальных институтов, что пришлось уже делать после принятия УПК РФ, в том числе и путём внесения в него многочисленных изменений, включая согласие прокурора на возбуждение уголовного дела, необходимость дифференциации процессуальных полномочий между прокурором и руководителем следственного органа и ряд других факторов, предлагаемых автором ещё в конце 90-х гг.

Перечисленные выше и иные факторы объясняют постановку перед законодателем, представителями юридической науки и правоприменителями задачи с учётом недостаточной исследованности вопросов современной идеологии на уголовное судопроизводство [8, с. 69], а также необходимости выработки концепции развития уголовно-процессуального законодательства и его отдельных институтов, в том числе стадий возбуждения уголовного дела и предварительного расследования.

Немаловажными для идеологии совершенствования УПК РФ явились в том числе и результаты исследований, которые были проведены в течение двух лет (с 1 января 2002 г.) мониторингом применения УПК РФ [11], в ходе которого члены рабочей группы при Комитете по законодательству Государственной Думы РФ исследовали проблемы правоприменительной практики.

Одновременно низкая эффективность предварительного расследования в совокупности с мониторингом

¹ Там же: Глава 32.1.

² Там же: Глава 40.1.

³ Там же: Глава 40.

⁴ Там же: Глава 51.1.

мнений учёных-процессуалистов свидетельствует о необходимости совершенствования целого ряда процессуальных институтов, что наряду с приведенными выше факторами обуславливает необходимость обсуждения вопросов развития уголовно-процессуального законодательства в контексте совершенствования в целом уголовно-правовой политики государства.

Такое обсуждение имело место на парламентских слушаниях в Совете Федерации Федерального Собрания РФ 18 ноября 2013 г., где с основным докладом выступали Генеральный прокурор РФ Ю. Чайка¹, заместитель Председателя Верховного Суда РФ, а также заместители руководителей федеральных правоохранительных органов, и на заседаниях “круглого” стола 24 июня и 23 сентября 2014 г.². Научная дискуссия о необходимости разработки концепции досудебного производства активно продолжалась на «Бабаевских» чтениях в мае 2015 г., на «Кутафинских» чтениях в апреле 2016 г. [10], на парламентских слушаниях в Совете Федерации 20 декабря 2016 г., 29 июля 2017 г., а также 5 апреля 2017 г. при обсуждении Дорожной карты (2017–2025 гг.) совершенствования уголовной политики, представленной А. Кудриным, и ряде других

научных форумов. Вопросы формирования концепции уголовно-процессуальной политики, включая досудебное уголовное производство, обсуждались на заседании “круглого” стола в Совете Федерации 13 декабря 2017 г. при участии заместителя Генерального прокурора РФ Н. Винниченко, заместителя Министра юстиции РФ А. Алханова, президента Федеральной палаты адвокатов РФ Ю. Пилипенко, учёных-процессуалистов и практических работников МВД России, Следственного комитета РФ и других ведомств.

Следует учитывать, что в основе требований о реформировании досудебного производства лежат изменения в экономической и социально-правовой сферах развития государства и общества, произошедшие в России за три последних десятилетия.

В этой связи можно выделить ряд факторов, обуславливающих необходимость формирования современной доктрины досудебного производства и тем самым продолжения реформирования уголовно-процессуального законодательства с приведением ряда аргументов обоснованности, научности и прикладного характера предстоящих изменений в УПК РФ.

Во-первых, современное уголовно-процессуальное законодательство и особенно его досудебная часть, несмотря на произошедшие весьма существенные преобразования, содержит в себе немало положений УПК РСФСР 1922 и 1960 гг., в настоящее время являющихся крайне забюрократизированными и чрезвычайно затратными при их недостаточной эффективности. В суд из числа возбужденных направляется ежегодно менее трети уголовных дел, а порядка 70–80% дел (в зависимо-

¹ Выступление Генерального прокурора РФ Ю. Я. Чайки на парламентских слушаниях в Совете Федерации РФ от 18.11.2013 на тему: «Уголовная политика в Российской Федерации: проблемы и решения» // Генеральная прокуратура Российской Федерации: [сайт]. URL: <https://genproc.gov.ru/genprokuror/appearances/document-85492> (дата обращения: 19.02.19).

² Автор участвовал в указанных слушаниях и представлял свои предложения по совершенствованию отдельных институтов УПК РФ.

сти от региона) приостанавливается производством.

Во-вторых, более двух третей изменений, внесённых в УПК РФ, обусловлены введением вновь или совершенствованием ряда институтов УПК РФ. Так, с 1 января 2013 г. действует принципиально изменённое апелляционное, кассационное и надзорное производство, а с 1 июня 2018 г. – суды присяжных в городских и районных судах. В УПК РФ введена норма-принцип ст. 6.1 «Разумный срок уголовного судопроизводства»¹ с последующим внесением только в нее изменений четырьмя федеральными законами.

Существенные шаги законодателем предприняты и по совершенствованию досудебного производства, включая:

а) вывод следователей из состава органов прокуратуры; дифференциацию процессуальных полномочий между прокурором и руководителем следственного органа; изъятие у прокурора не только права на согласование решения следователя, дознавателя, органа дознания на возбуждение уголовного дела, но и права на возбуждение им уголовного дела²;

б) введение в УПК впервые в качестве участника уголовного процесса

начальника подразделения дознания³, а в последующем и начальника органа дознания⁴;

в) принятие нового для России процессуального института досудебного соглашения о сотрудничестве (гл. 40.1⁵ УПК РФ);

г) возвращение в досудебное производство сокращённой формы дознания⁶ и ряд других нововведений.

Кстати, позицию о необходимости принятия многих из этих изменений в сфере досудебного производства автор как представитель МВД России в рабочей группе при Комитете по законодательству Государственной Думы РФ по подготовке УПК РФ ко второму чтению отстаивал в конце 90-х гг. XX в.

Суть **третьего фактора** в том, что отвечая на явно чрезмерную критику представителей научного сообщества

³ Федеральный закон от 06.06.2007 № 90-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Гарант: [сайт]. URL: <https://base.garant.ru/12153941> (дата обращения: 02.02.2019).

⁴ Федеральный закон от 30.12.2015 № 440-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части уточнения полномочий начальника органа дознания и дознавателя» // Консультант Плюс: справочно-правовая система: [сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191497 (дата обращения: 02.02.2019).

⁵ Федеральный закон от 29.06.2009 № 141-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Гарант: [сайт]. URL: <https://base.garant.ru/12167901> (дата обращения: 02.02.2019).

⁶ Федеральный закон от 04.03.2013 № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»: // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации: [сайт]. URL: <http://legalacts.ru/doc/federalnyi-zakon-ot-04032013-n-23-fz-o> (дата обращения: 02.02.2019).

¹ УПК РФ Статья 6.1. Разумный срок уголовного судопроизводства // Консультант Плюс: справочно-правовая система: [сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/e24b915bada029468c3fdb8658d55b4ff572f2b1 (дата обращения: 02.02.19).

² Федеральный закон от 05.06.2007 № 87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон “О прокуратуре Российской Федерации” // Гарант: [сайт]. URL: <https://base.garant.ru/12153934> (дата обращения: 02.02.2019).

о низком качестве УПК РФ, автор обращает внимание на то обстоятельство, что УПК РФ принимался в условиях компромисса при введении в действие УПК РФ законодатель предусмотрел переходные положения в той части, что судебное санкционирование основных следственных действий, ограничивающих конституционные права граждан, вводилось в действие лишь с 1 января 2004 г.

Конституционный Суд РФ в постановлении от 14.03.2002¹ признал не соответствующей Конституции РФ ст. 96 УПК РСФСР в части, предусматривающей заключение подозреваемого, обвиняемого под стражу с санкции прокурора, обязав законодателя внести в УПК первые изменения, что и было сделано федеральным законом от 29.05.2002 № 58-ФЗ² в УПК РФ ещё до вступления его в действие, установившим судебный порядок ограничения прав и свобод участников уголовного процесса.

Редакция ст. 146 УПК РФ предусматривает получение согласия прокурора на возбуждение уголовного дела, для пересмотра которого потребовалось 5 лет (№ 87-ФЗ). Кстати, члены рабочей группы были категорически

против данной редакции. А по поручению руководства МВД России автор³ докладывал эту проблему Д. Козаку.

Вместе с тем развитие научной мысли, складывающаяся следственная и судебная практика, признание Конституционным Судом РФ отдельных положений УПК РФ несоответствующими Конституции РФ, а также происходящие в уголовно-процессуальном законодательстве государств бывшего СССР значительные изменения и, в целом, **затратность** и **забюрократизированность** уголовного процесса потребуют его совершенствования, включая формирование современной доктрины досудебного производства.

Несмотря на то, что есть необходимость дальнейшего совершенствования УПК РФ, ни коим образом не предлагается создания нового УПК РФ. Автором вносятся следующие предложения:

а) о пересмотре **процессуальной нормы о 2-месячном сроке предварительного следствия** (ч. 1 ст. 162 УПК РФ), которая аналогична положению ст. 119 УПК РСФСР 1922 г., при том, что уровень сложности расследования уголовных дел многократно вырос. Сегодня и правовое содержание ч. 1 ст. 162 УПК РФ не соответствует введённой в УПК РФ норме-принципу (ст. 6.1 УПК РФ) о разумном сроке уголовного судопроизводства, который, в соответствии с постановлением Пленума Верховного Суда от 29.03.2016 № 11-П⁴ по уголовным делам, не дол-

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 14.03.2002 № 6-П по делу о проверке конституционности статей 90, 96, 122 и 216 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан С. С. Маленкина, Р. Н. Мартынова и С. В. Пустовалова // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации: [сайт]. URL: <http://legalacts.ru/doc/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-14032002-p> (дата обращения: 02.02.2019).

² Федеральный закон от 29.05.2002 № 58-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Гарант: [сайт]. URL: <https://base.garant.ru/12126926> (дата обращения: 02.02.2019).

³ В этот период Б.Я. Гаврилов занимал должность заместителя начальника Следственного комитета при МВД России.

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.03.2016 № 11 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на су-

жен превышать 4 лет. С учётом изложенного предлагается пересмотреть применение процедур продления срока предварительного следствия, установив это правило лишь по истечении 6-ти месяцев расследования уголовного дела;

б) об увеличении **первоначального срока (2 месяца) содержания обвиняемого под стражей**, в который входят: от 10 до 30 суток (вместо 5 суток по УПК РФ в редакции 2001 г.) для утверждения прокурором обвинительного заключения или принятия иного решения по поступившему к нему уголовному делу (ч. 1 и ч. 1.1 ст. 221 УПК РФ) и ещё 14 суток для принятия судом (судьёй) в порядке ч. 1 ст. 227 УПК РФ соответствующего решения. Это порождает ситуацию, при которой следователь после заключения лица под стражу по большинству уголовных дел сразу же готовит соответствующее ходатайство в суд. Как следствие, на 1 января 2017 г. под стражей содержались с продлённым сроком свыше 2-х месяцев более 10 тыс. обвиняемых, или 15% от всех находящихся под стражей. Расчёты показывают, что на подготовку ходатайств о продлении срока содержания под стражей затрачивается ежегодно труд более 2 000 следователей. При этом в государствах Европы первоначальный срок содержания под стражей по судебному решению составляет 100–120 суток;

в) о принципиальном пересмотре **процессуального института предъявления обвинения** допроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации [сайт]. URL: <http://legalacts.ru/sud/postanovlenie-plenuma-verkhovnogo-suda-rf-ot-29032016-n-11/> (дата обращения: 02.02.2019).

ления обвинения. Аргументами за его отмену выступают те обстоятельства, что Устав уголовного судопроизводства 1864 г. не предусматривал данного института; в уголовном процессе он появился на основании особого наказа Санкт-Петербургского окружного суда 1887 г., а затем и определения Высшего дисциплинарного присутствия Сената от 23.03.1898 [9].

Предъявление обвинения являлось на протяжении десятилетий правовым основанием допуска в уголовное дело защитника, что сегодня законодатель предусмотрел не только с момента возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица, но и с начала проверки в отношении этого лица сообщения о преступлении. Кроме того, различия в правовом статусе подозреваемого и обвиняемого сегодня нивелированы, о чём можно судить при анализе содержания ст. 46, 47 УПК РФ.

В числе других обстоятельств за отмену института предъявления обвинения – это решение Конституционного Суда РФ от 16.05.2007 № 6-П¹ в части: «пределы судебного разбирательства должны определяться обвинением, сформулированным в обвинительном заключении (обвинительном акте)».

Более того, за 16 лет действия УПК РФ без «классического» предъявления обвинения направлено в суд около 5 млн. уголовных дел, расследованных

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 16.05.2007 № 6-П по делу о проверке конституционности положений статей 237, 413 и 418 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом президиума Курганского областного суда // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации: [сайт]. URL: <http://legalacts.ru/doc/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-16052007-n> (дата обращения: 02.02.2019).

в форме дознания, и ни один из осуждённых ни в Конституционный Суд РФ, ни в Европейский Суд по правам человека о нарушении своего права на защиту не обратился.

Сегодня вновь прокуратурой ставится под сомнение эффективность федерального закона от 05.06.2007 № 87-ФЗ, несмотря на неоднократное обращение к этой теме в ряде публикаций [2; 6; 7]. На основе статистических данных о результатах расследования уголовных дел по государственной форме отчетности I-E за 2006–2017 гг. автор наглядно демонстрирует многократное (почти в 5 раз) снижение числа оправданных судами обвиняемых, в т. ч. содержащихся под стражей. Так, их число сократилось с 1885 лиц в 2006 г. (по делам, расследованным следователями прокуратуры) до 402 подсудимых в 2017 г. (по делам, расследованным следователями Следственного комитета РФ), в т. ч. содержащихся под стражей число подсудимых за этот период уменьшилось с 954 до 219 лиц. Одновременно значительно повысился уровень надзорной деятельности прокурора за качеством расследования уголовных дел, на что автор неоднократно обращал внимание в своих публикациях [3].

Предлагается также ввести в УПК РФ **протокольную форму расследования**, близкую по своей сущности к протокольной форме досудебной подготовки материалов. Её основными элементами должны стать: расследование в отношении конкретного лица, признавшего факт совершения преступления, при условии, что расследование не требует производства всего комплекса следственных действий; производство по уголовному делу

должно начинаться незамедлительно с момента регистрации сообщения о преступлении (без вынесения постановления о возбуждении уголовного дела). При этом в УПК следует предусмотреть ограничение перечня следственных действий допросом подозреваемого и потерпевшего (свидетеля), а проведение экспертизы должно допускаться лишь в случаях её обязательности (п. 2 ст. 196 УПК РФ). Эффективность данной формы расследования доказана многолетней практикой применения протокольной формы досудебной подготовки материалов, о чём свидетельствуют статистические данные о направлении в суд, например, в 1995–1996 гг. ежегодно 250–300 тыс. таких материалов.

Среди прикладных проблем совершенствования УПК – **избрание меры пресечения в отношении лиц, скрывшихся от органов расследования и объявленных в федеральный розыск**, число которых достигает 150 тыс. в год. Сегодня возможность заочного ареста допускается, но в силу ч. 5 ст. 108 УПК РФ при объявлении обвиняемого в международный розыск, поэтому для реализации предложения о возможности заочного заключения под стражу по судебному решению объявленных в федеральный розыск обвиняемых необходим механизм, предоставляющий лицу, задержанному вне места производства расследования, право предстать в течение 48 ч. перед судом по месту фактического задержания, где в ходе судебного заседания устанавливается личность задержанного и проверяется, не отменено ли решение суда о заключении данного лица под стражу. После доставления задержанного к месту производства предварительного

расследования он в течение 48 ч. подлежит доставлению в суд для решения вопроса об оставлении меры пресечения в силе либо её изменении. Данный порядок предусмотрен уголовно-процессуальным законодательством Германии, Франции и других государств.

Однако первоочередной **проблемой, требующей незамедлительно-го разрешения, является изменение процессуальных правил начала производства по уголовному делу**, в том числе по той причине, что прямым негативным последствием института возбуждения уголовного дела является двукратное снижение доли возбужденных уголовных дел за последние 10 лет на 1,5 млн. (с 3,3 млн. в 2006 г. до 1,8 млн. – в 2017 г.) при увеличении количества «отказных» материалов на 2,3 млн. [3].

Прямым следствием действия института «отказных» материалов являются:

а) ежегодно **10 млн. потерпевших** от совершённых в отношении них противоправных деяний не получают юридической помощи от государства в лице правоохранительных органов и судов, чем прямо нарушаются положения ст. 2 Конституции РФ;

б) необоснованный вызов порядка 10 млн. граждан из числа потерпевших, свидетелей в правоохранительные органы для дачи показаний по «отказным» материалам ежегодно;

в) искусственное изменение «**тренда**» преступности, уровень которой к 2010 г. должен был достигнуть **4,4 млн** преступлений в год, что затрудняет принятие государством более эффективных мер в борьбе с преступностью (табл. 1).

Таблица 1

Количество зарегистрированных преступлений

Временной период	1980	1991	1999	2006	2010	2014	2015	2016	2017
Количество зарегистрированных преступлений (млн.)	1,028	2,168	3,002	3,853	4,4 прогноз	2,166	2,388 (без КФО)	2,160	2,058

Предположение об изменении процессуальных правил начала производства по уголовному делу путём исключения из УПК процессуальных норм ст. 146, 148 обусловлено и складывающейся с учётом решений Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ судебной практики о необходимости возбуждения самостоятельного уголовного дела, например, в случае установления нового лица, совершившего преступление, по факту которого уже возбуждено и расследуется основное

дело, или при выявлении нового преступления лицом, в отношении которого уголовное дело было возбуждено ранее, что противоречит как непосредственно многолетней практике расследования, так и правовому содержанию остающейся неизменной на протяжении 55 лет нормы о возбуждении дела и ч. 1 ст. 448 действующего УПК РФ, не требующей вынесения самостоятельного постановления о возбуждении уголовного дела, если оно возбуждено в отношении другого лица [4; 5].

Предложения, изложенные в данной работе, неоднократно озвучивались не только учёными, но и практикующими юристами. Дело за конкретными мерами по формированию с участием законодателя юридической общественности и правоприменителей современной доктрины досудебного производства, чему препятствует устоявшаяся в нашем сознании идеологическая установка в виде стереотипа незыблемости приведённых выше процессуальных институтов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Божьев В. П. «Тихая революция» Конституционного Суда в уголовном процессе Российской Федерации // Избранные труды. М.: Юрайт, 2010. С. 393–415.
2. Божьев В. П., Гаврилов Б. Я. Концепция совершенствования досудебного производства в XXI веке: мнение науки и практика // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 2 (38). С. 74–82.
3. Гаврилов Б. Я. Досудебное производство по УПК РФ: концепция совершенствования // Труды Академии управления МВД России. 2016. № 1. С. 18–25.
4. Гаврилов Б. Я. Проблемы законодательного регулирования использования специальных знаний на этапе проверки сообщения о преступлении // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2017. № 4. С. 35–49.
5. Гаврилов Б. Я. Стадия возбуждения уголовного дела: нужна ли она современному российскому уголовному судопроизводству? // Публичное и частное право. 2015. № 4. С. 141–157.
6. Гаврилов Б. Я. Эффективность досудебного производства // Уголовное судопроизводство. 2017. № 2. С. 19–26.
7. Ковтун Н. Н. К дискуссии об «утраченных» полномочиях прокурора. Есть ли предмет для дискуссии? // Российская юстиция. 2010. № 5. С. 29–34.
8. Конев А. Н. Идеологические основы уголовного судопроизводства России: контуры проблем и очертания концепций // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. № 23. С. 68–71.
9. Макаринский П. В. Практическое руководство для судебных следователей. Спб., 1907. 386 с.
10. Современные проблемы доказывания и принятия решений в уголовном процессе. Социальные технологии и правовые институты: материалы международной научно-практической конференции / отв. ред. С. Россинский. М.: Проспект, 2016. 583 с.
11. Уроки реформы уголовного правосудия в России: сб. статей и материалов / под ред. Е. Мизулиной. М.: Юрист, 2006. 848 с.

REFERENCES

1. Bozhëv V. P. [«The Quiet Revolution» of the Constitutional Court in Criminal Procedure of Russian Federation]. In: *Izbrannyye trudy* [Selected works]. Moscow, Yurait Publ., 2010, pp. 393–415.
2. Bozhëv V. P., Gavrilov B. Y. [The Concept of improvement of pre-trial procedure in the 21st century: theory and practice]. In: *Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii* [Bulletin of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation], 2017, no. 2 (38), pp. 74–82.
3. Gavrilov B. Y. [Pre-trial procedure under the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: proposals for improvement]. In: *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii* [Works

- of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation], 2016, no. 1, pp. 18–25.
4. Gavrilov B. Y. [Problems of legislative regulation of the use of special knowledge at a verification stage of crime investigation]. In: *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii* [Bulletin of Eastern Siberia Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation], 2017, no. 4, pp. 35–49.
 5. Gavrilov B. Y. [The initiation stage of legal procedures: is it necessary for modern Russian criminal proceedings?]. In: *Publichnoe i chastnoe pravo* [Public and Private Law], 2015, no. 4, pp. 141–157.
 6. Gavrilov B. Y. [The efficiency of pre-trial procedure]. In: *Ugolovnoe sudoproizvodstvo* [Criminal Proceedings], 2017, no. 2, pp. 19–26.
 7. Kovtun N. N. [Towards a discussion of prosecutor's «lost» powers. Is there a subject for the discussion?]. In: *Rossiiskaya yustitsiya* [Russian Justice], 2010, no. 5, pp. 29–34.
 8. Konev A. N. [Ideological bases of criminal proceedings in Russia: the contours of problems and outline of concepts]. In: *Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii* [Bulletin of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation], 2013, no. 23, pp. 68–71.
 9. Makarinsky P. V. *Prakticheskoe rukovodstvo dlya sudebnykh sledovatelei* [Practical Guide for Investigators]. St. Petersburg, 1907, 386 p.
 10. Rossinsky S. ed. *Sovremennye problemy dokazyvaniya i prinyatiya reshenij v уголовном процессе. Socialnye tekhnologii i pravovye instituty: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Modern Problems of Proof and Decision Making in Criminal Proceedings. Social Technologies and Legal Institutes: Proceedings of the International Theoretical and Practical Conference]. Moscow, Prospekt Publ., 2016, 583 p.
 11. Mizulina E. ed. *Uroki reformy уголовного правосудия в России: сборник статей и материалов* [Lessons of the Reform of Criminal Justice in Russia: a Collection of Articles and Materials]. Moscow, Yurist Publ., 2006, 848 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гаврилов Борис Яковлевич – доктор юридических наук, профессор кафедры управления органами расследования преступлений Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Boris Y. Gavrilov– Doctor of Law, professor at the Department of Management of Criminal Investigation Bodies, Vladimir State University.

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Гаврилов Б. Я. Досудебное производство: вопросы теории и практики // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2019. № 1. С. 140–151.

DOI: 10.18384/2310-6794-2019-1-140-151

FOR CITATION

Gavrilov B. Pre-Trial Procedure: Problems of Theory and Practice. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2019, no. 1, pp. 140–151.

DOI: 10.18384/2310-6794-2019-1-140-151

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета» основан в 1998 г. Сегодня выпускается десять журналов (предметных серий) «Вестника Московского государственного областного университета»: «История и политические науки», «Экономика», «Юриспруденция», «Философские науки», «Естественные науки», «Русская филология», «Физика-математика», «Лингвистика», «Психологические науки», «Педагогика». Журналы включены в составленный Высшей аттестационной комиссией Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук по наукам, соответствующим названию серии. Журналы также включены в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатные версии журналов зарегистрированы в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Полнотекстовые версии журналов доступны в интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), на платформе Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (<https://cyberleninka.ru>), а также на сайте Вестника Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru).

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

2019. № 1

Над номером работали:

Литературный редактор С. Ю. Полякова
Переводчик Е. А. Кытманова
Корректор И. К. Гладунов
Компьютерная вёрстка – Д. А. Заботина

Отдел по изданию научного журнала
«Вестник Московского государственного областного университета»
Информационно-издательского управления МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98
тел. (495) 723-56-31; (495) 780-09-42 (доб. 6101)
e-mail: vest_mgou@mail.ru
сайт: www.vestnik-mgou.ru

Формат 70x108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».

Тираж 500 экз. Уч.-изд. л. 9,75, усл. п.л. 9,5.

Подписано в печать: 29.03.2019 г. Дата выхода в свет: 19.04.2019 г. Заказ № 2019/04-07.

Отпечатано в ИИУ МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А